

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

Гордиенко Анастасия Юрьевна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ *РАЗНООБРАЗИЯ* В ЕСТЕСТВЕННОМ
ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Ольга Аркадьевна

МОСКВА 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ПРОСТРАНСТВО И МНОЖЕСТВО КАК КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ	20
1.1. Антропоцентричное понимание категории пространства	20
1.2. Интерпретация пространства через понятие «множество» в точных науках и в лингвистике	30
1.3. Типы пространств и категория пространства как множества в лингвистике	38
1.4. Количественные и качественные характеристики множеств в лингвистике	49
1.5. Метаязык исследования	56
1.5.1. Требования к метаязыку описания	56
1.5.2. Метаязык описания концепта <i>разнообразие</i> в рамках пространства множества объектов	64
Выводы по Главе I	75
Глава II. МЕТОДОЛОГИЯ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	77
2.1 Метод компонентного анализа (КА) и гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ)	77
2.1.1. Особенности семантического эксперимента	87
2.1.1.1. Использование информантов в семантическом эксперименте	88
2.1.1.2. Пошаговая процедура проведения семантического эксперимента	96
Выводы по Главе II	117
Глава III. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ <i>РАЗНООБРАЗИЯ</i> В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ	119
3.1. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в комплекс	120
3.1.1. Семантика существительного <i>set</i>	130
3.1.2. Семантика существительного <i>selection</i>	138

3.2. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в категорию	144
3.2.1. Семантика существительного <i>assortment</i>	146
3.2.2. Семантика существительного <i>variety</i>	153
3.3. Семантика существительного <i>diversity</i>	161
3.4. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в последовательность	165
Выводы по Главе III.....	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
БИБЛИОГРАФИЯ.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование выполнено в парадигме когнитивной лингвистики и посвящено рассмотрению концепта «разнообразие» в естественном языке. В 1980-е годы зародилась новая наука – когнитивистика, представляющая собой междисциплинарное направление, объединяющее методы, используемые в психологии, информатике, лингвистике, философии и нейробиологии для объяснения принципа работы человеческого сознания. Особенно плодотворным когнитивный подход показал себя в лингвистике.

В рамках когнитивной парадигмы язык понимается как «особый кирпичик» в биологической конструкции мозга, как психологически обусловленная способность, как сложный специализированный навык, развивающийся самопроизвольно, «инстинктивно», без осознанных усилий, и даже (в терминах точных наук) как «нейронная система» или «автономный отсек логических выкладок» (Пинкер 2015).

В течение последних десятилетий язык рассматривается в его непосредственной связи с процессами мышления, сознания человека (Арутюнова 1987; Кубрякова 1999; Апресян 1995; Рахилина 2000; Фрумкина 2001; Козлова 2010; Кимов 2010; Тармаева 2011; Кольцова 2011; Бубырева 2011; Анохина 2011; Rosch 1975; Jackendoff 1983; Talmy 1988; Fauconnier 1985; Johnson 1987; Cienki 2007; Goddard 2008). Антропоцентричный подход к языку вызвал появление новых направлений лингвистической науки: психолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной дискурсивной лингвистики, которые рассматривают язык как механизм познания, средство отображения способа восприятия мира носителями каждого естественного языка.

Национальная специфика восприятия мира находит свое отражение в языке через формирование языковой картины мира – зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия

и вербализации действительности. Современное состояние изучения картины мира представлено, в частности, исследованиями, посвященными характерным для данного языка концептам, под которыми понимаются глобальные мыслительные единицы, представляющие собой кванты структурированного знания (Попова, Стернин 2001). Концепт реализуется в языке с помощью слов, выступающих как средство и способ репрезентации когнитивных процессов в лингвистических структурах, но не представляющее концепт полностью. Языковые средства выражения концепта через их значение передают только часть концептуальных признаков, «релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть» (Попова, Стернин 2002, 38). Мир концептуализируется языком с помощью слов, а совокупность концептов реализует языковую картину мира. Таким образом, изучая значение отдельных слов, репрезентирующих какой-либо концепт в языке, мы описываем фрагмент языковой картины мира.

Данная работа посвящена характеру концептуализации фрагмента внеязыковой действительности, связанного с представлениями о разнообразии и множестве, и представляет собой диссертационное исследование по когнитивной лексической семантике, выполненное в рамках когнитивной парадигмы в современном ее понимании.

Предметом данного исследования является структура и семантика концепта «разнообразии» в естественном языке, то есть его *понятийная* составляющая, которая включает признаки и дефиницию данного концепта, и *ценностная*, отражающая представление о нем человека.

Объектом настоящего исследования является семантическая микросистема существительных со значением «разнообразии», а именно, английские существительные *variety, diversity, set, series (of), assortment, range, selection*.

Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым интересом к анализу когнитивных принципов концептуализации и категоризации мира в языке (Селиверстова 2001; Лакофф 2004; Кубрякова 1994, 2004; Сулейманова 1999; Лягушкина 2002; Белайчук 2004; Лось 2009; Фомина 2009; Парфенова 2009; Евтеева 2014; Елисеева 2015). В лингвистике последних лет продолжают появляться работы, посвященные анализу новых систем концептов (см. Антология концептов 2007), в сферу интересов попадают конкретные семантические поля или отдельные слова, близкие по значению (Ильчук 2004, Иванова 2011; Гучепшокова 2011; Котова 2010; Евтеева 2014; Лукошус 2015; Langacker 1988; Wierzbicka 1987). Однако выбранный для исследования концепт «разнообразие» не получил лингвистического описания, не до конца раскрытым остается также сам характер концептуализации данного фрагмента внеязыковой действительности в естественном языке.

Более того, с практической точки зрения ознакомление со словарными дефинициями слов *variety*, *diversity*, *set*, *series (of)*, *assortment*, *range*, *selection* не позволяет получить адекватное представление о характере концептуализации «разнообразия» в естественном языке, так как существующие на сегодняшний день лексикографические описания слов-репрезентантов концепта недостаточно полны и точны. Более того, неполнота описаний затрудняет выбор не носителем языка (искусственным билингом) оптимальной языковой единицы в конкретном контексте. Так, например, в словарных статьях большинства современных толковых словарей присутствуют «логические круги», когда одно слово трактуется через другое, или предлагаются совпадающие определения.

Рассмотрим несколько примеров словарных статей и сравним дефиниции исследуемых существительных *variety*, *diversity*, *assortment*, *selection*, *range*.

variety – 1) the fact of varying; difference in quality, type or character; 2) a number or collection of different sorts of the same general type (LDELС);

diversity – the condition of being different or having differences; variety (LDELС);

assortment – a group or quantity of mixed things or of various kinds of the same thing; mixture (LDELС);

selection – a collection of things of one kind, such as goods for sale; range (LDELС);

range – a set of different objects of the same kind (LDELС).

Из приведенных определений видно, что слово *variety* трактуется через однокоренную единицу *varying*, слово *diversity* определяется через *variety*, слово *assortment* через прилагательное *various*, остальные исследуемые слова толкуются через синонимичное прилагательное *different* или существительное *difference*, слова *selection* и *range* имеют совпадающие определения.

Анализируя словарные дефиниции исследуемых слов, можно было бы сделать вывод, что значения слов *assortment*, *variety*, *range*, *selection* фактически тождественны, что логически предполагает их полную взаимозаменяемость во всех возможных контекстах. Действительно, в некоторых контекстах такая замена вполне допустима. Рассмотрим следующее высказывание, полученное в результате замены слова *variety* на *assortment*:

*The different fragrances are thought to have an improving effect on a **variety** of physical and emotional problems. The different fragrances are thought to have an improving effect on an **assortment** of physical and emotional problems / Полагают, что различные приятные запахи помогают избавиться от ряда проблем физиологического и эмоционального характера.* Как показывают результаты опроса носителей языка – информантов, данная замена слова *variety* на слово *assortment* приводит к появлению абсолютно корректного высказывания.

Однако в ряде случаев замена одного слова на другое из рассматриваемого синонимичного ряда приводит к тому, что полученное высказывание оценивается носителями английского языка как неприемлемое, например: *The different fragrances are thought to have an improving effect on a **variety** of physical and emotional problems. *The different fragrances are thought*

to have an improving effect on a selection of physical and emotional problems. Ср. также: *a variety of painters vs *a range of painters* (множество художников). В данных контекстах замена существительного *variety* на существительное *selection*, или существительного *variety* на слово *range* приводит к появлению неправильных высказываний, которые оцениваются носителями языка как неприемлемые.

Рассмотрим еще один пример: *It would seem from the variety of hats people wear that anything goes.* / * *It would seem from the diversity of hats people wear that anything goes.* (Судя по разнообразию шляпок, может показаться, что люди носят все, что только можно на себя надеть). Предъявляемое высказывание, полученное в результате замены слова *variety* на *diversity*, также оценивается информантами как неправильное.

Следовательно, существительные *variety*, *selection*, *range*, *assortment* имеют существенные различия в семантике. Отсутствие адекватных словарных определений данных слов не позволяет установить границы и структуру концепта «разнообразии». Комплексное исследование лексем, репрезентирующих данный универсальный концепт в английском языке, позволит раскрыть его природу.

В практических целях актуальность данного исследования обусловлена также тем, что исследуемые слова *variety*, *range*, *selection*, репрезентирующие концепт «разнообразии», входят в состав списков наиболее употребительных слов британского и американского стандартов английского языка, как письменного, так и устного.

В ранжированном списке частотности из 700 самых употребительных слов из Корпуса Брауна (1015945 слов американского стандарта английского языка), слово *range* находится под номером 616 и имеют частоту, равную 0,0157% (160 вхождений на 1015945 слов). Слово *variety* входит в состав подобного списка из 2000 слов под номером 1239 и имеет частоту, равную 0,0084 % (85 вхождений на 1015945 слов). Слово *selection* входит в состав

списка из 2000-5000 самых употребительных слов и имеет частоту 0,0038% (39 вхождений на 1015945).

В работе Дж. Лича (Leech 2001), основанной на данных Британского национального Корпуса (100 млн.слов), представлены сведения о распределении слов по встречаемости в письменном и устном языке Великобритании. Так, слово *range* имеет округленную частоту, равную 203 (203 вхождения на миллион слов), *variety* – 102 (102 вхождения на миллион слов), *selection* – 63 вхождения, *diversity* – 14.

В Британском национальном корпусе (British National Corpus – BNC), состоящем из 100 млн словоупотреблений различного жанра, слово *variety* встречается 8656 раз, *assortment* – 263 раза, *diversity* – 1394, *a series (of)* – 5993 раза, *a range (of)*– 3360, *selection* – 6014 раз, *a set (of)* – 2358 раз. Анализируя полученные данные, можно утверждать, что существительные *variety*, *selection*, *a series (of)* являются наиболее употребительными из всех существительных исследуемого синонимического ряда.

Приблизительно такие же результаты по частотности мы получаем, проанализировав данные Корпуса современного американского английского языка – СОСА (см. ниже). Согласно данному корпусу, в дополнение к словам *variety*, *selection*, *a series (of)* высокой частотностью обладает и существительное *diversity*.

Высокую частотность данных слов можно также доказать, используя в качестве источника информации поисковую систему Google. Так, если в строке поиска задать слово *variety*, будет найдено 880 млн результатов. Для слова *diversity* количество словоупотреблений будет составлять 208 млн, для слова *selection (of)* – 420 млн слов, *a series (of)* – 288 млн встречаемостей, *a range (of)* – 207 млн, *a set (of)* – 229 млн словоупотреблений, *assortment* – 78 млн. 700 тыс. слов.

Кроме того, корпус текстов СОСА позволяет отследить, как изменялась частота употребления того или иного слова в разные периоды времени – в настоящее время и более 20 лет назад, например, в период с 1990 по 1994

годы. Так, анализируя данные, полученные с помощью корпуса СОСА, можно утверждать, что частотность употребления слова *selection* за этот период почти не изменилась. Ср. 34,30 встречаемостей на 1 млн в 1990-1994 гг. и 32,08 встречаемостей на 1 млн в 2010-2012 гг. Такая же ситуация наблюдается со словом *assortment*, ср. 4,50 раза на 1 млн слов и в настоящее время – 3,87 раза. Интересно то, что существительное *variety* стало употребляться значительно реже, ср. 73,60 раз на миллион в 1990-1994 гг. и 58,66 раз в 2010-2012 гг. Частотность слова *diversity* сохранилась на том же уровне, и несколько выросла. Так, 20 лет назад данное слово встречалось 31,78 раза на 1 миллион слов, в настоящий период эта цифра составляет 32,96 раз. Исследуемое слово *range* (проверена частотность именной группы (ИГ) *a range of*, поскольку *range* может быть глагольной формой) стало встречаться значительно чаще в последние 5 лет – 14,99 раз на миллион слов вместо 9,12 раз на тот же массив слов в 1990-1994 годы. Со словом *a set (of)* наблюдается такая же тенденция, но с меньшими темпами роста: ср. 16,05 словоупотреблений на 1 млн слов в 1990-1994 годы и 17,47 на то же количество слов в настоящее время. Для слова *a series (of)* наблюдается обратная тенденция – к уменьшению частотности его употребления с 47,95 раз за прошедший период до 42,54 раза в настоящее время.

Таким образом, на основе вышеприведенных данных можно сделать вывод о том, что исследуемые существительные *range*, *variety*, *selection*, *diversity* входят в списки употребительных слов британского и американского английского языка, что безусловно свидетельствует в пользу актуальности данного исследования.

Обратимся к словарю синонимов английского языка Concise Oxford Thesaurus (COT). Исследуемые слова *variety*, *diversity*, *assortment*, *selection*, *set*, *series (of)*, *range* составляют синонимический ряд, являясь номинативным полем концепта разнообразия. Проанализировав словарные синонимы для каждого изучаемого слова, можно сделать вывод, что существительное *set* встречается в качестве синонима других исследуемых слов 1 раз (для слова

series (of)), слово *series (of)* также 1 раз, *range* – 3 раза (в качестве синонима к словам *diversity, variety, selection*), *diversity* – 2 раза (для слов *variety, assortment*), существительное *variety* – 4 раза (как синоним слов *range, diversity, selection, assortment*), слово *selection* – 2 раза (для слов *assortment, set*), *assortment* – 5 раз (как синоним всех исследуемых слов кроме *series (of)*) (СОТ). Таким образом, существительное *variety*, обладающее высокой частотностью употребления как в американском английском, так и в английском языках (см. выше), является главной номинативной единицей, называющей концепт «разнообразии» (или ядром номинативного поля данного концепта). Существительные *range, diversity, selection, assortment* располагаются на ближней периферии номинативного поля, *set, series (of)* – на дальней периферии.

Под номинативным полем при этом понимается вся совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества (Попова, Стернин 2007, 69-71). Ядро составляют лексемы, обладающие высокой частотностью и широкой многозначностью. Периферийные лексемы менее частотны и передают концепт неосновными значениями, освещая более частные компоненты данного фрагмента внеязыковой действительности. Как представляется, выделение ядра и периферии номинативного поля исследуемого концепта позволяет отразить процесс познания человеком этого фрагмента действительности. Так, в номинативном поле концепта наблюдается развитие от ядерного слова к более специальным лексемам, вносящим более частную информацию о данном концепте.

Таким образом, анализ частотности употребления исследуемых языковых единиц *variety, diversity, assortment, selection, set, series (of), range* позволил не только аргументировать актуальность данного исследования, но и более глубоко проникнуть в сущность языкового представления концепта «разнообразии» путем выделения ядерного и периферийного слов в его номинативном поле.

Еще одним аргументом в пользу актуальности данной работы является то, что по-прежнему нерешенной остается задача построения четкого алгоритма исследования, который бы позволил решать подобного рода задачи с помощью хорошо разработанных методик. К настоящему моменту для лингвистического описания содержания концептов создан ряд исследовательских методик, обоснованных практически и теоретически, таких как валентный анализ, дистрибутивный анализ, компонентный анализ, гипотетико-дедуктивный метод. Вместе с тем, ряд аспектов этих методик, в частности, методика работы с информантами в рамках гипотетико-дедуктивного метода, методика проверки сочетаемости слов в рамках дистрибутивного анализа, нуждаются в дальнейшей детализации, попытка получения которой и будет представлена в настоящем исследовании.

Целью исследования является выявление принципов, лежащих в основе когнитивных процессов концептуализации «разнообразия» в естественном языке.

Цель исследования определила постановку следующих задач:

1) разработать принципы семантического описания исследуемых лексических единиц и методику когнитивного анализа применительно к анализу существительных, репрезентирующих концепт «разнообразия» в естественном языке;

2) разработать метаязык описания значения исследуемых лексических единиц, ввести и обосновать семантические представления, релевантные для получения адекватного описания их семантической структуры;

3) подготовить и провести экспериментальное исследование, заключающееся в:

- построении гипотезы о значении каждой языковой единицы и выделении интегральных и дифференциальных признаков в значениях данных слов;

- подготовке материала для проведения эксперимента с учетом гипотезы;
 - получении экспериментального подтверждения гипотезы;
 - семантическом описании данных лексических единиц, формулировании дефиниций данных слов;
- 4) описать особенности употребления данных существительных исходя из их уточненного семантического описания;
- 5) раскрыть и описать на основании полученных дефиниций принципы, связанные с представлением «разнообразия» в естественном языке.

Цели и задачи работы обусловили использование следующих методов лингвистического анализа: на первом этапе исследования широко использовались такие хорошо разработанные методики, как *дистрибутивный анализ, валентный, контекстуальный анализ*, посредством которых изучалась дистрибуция данных лексических единиц, их валентные связи, были проанализированы контексты употребления. Данные методы представляют собой предварительный этап исследования, и их целью является выдвижение гипотезы на основе анализа собранного языкового материала. Ведущим в проведении диссертационного исследования является *гипотетико-дедуктивный метод (с применением компонентного анализа)*. Использование гипотетико-дедуктивного метода обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования: отвечающую задачам исследования формулировку гипотез, их экспериментальную верификацию, анализ и обобщение полученных результатов.

В ходе исследования использовались также общелогические методы (абстрагирования, индукции, дедукции, анализа, синтеза, аналогии), специальные лингвистические методы (анализ словарных дефиниций, интерпретативный метод и метод семантико-когнитивного анализа), а также контент-анализ как количественный анализ текстовых массивов с интерпретацией числовых показателей встречаемости и частотности

употребления исследуемых слов, сопровождающийся интерпретацией изменений частоты употребления исследуемых слов в разные периоды времени.

Материалом для исследования послужили примеры и словарные статьи исследуемых слов, взятые из английских и американских лексикографических источников; широко привлекались ресурсы корпусной лингвистики – British National Corpus и Corpus of Contemporary American English, интернет-сайты англоязычных СМИ. Объем выборки в данных ресурсах составил около 20 тыс. страниц, корпус собранных примеров составил 6000 предложений с исследуемыми лексическими единицами. Отметим, что исследуемые лексические единицы являются высокочастотными (см. данные по частотности выше) и в значительной степени стилистически нейтральными, что позволяет предположить отсутствие значительных различий между значением данных единиц в британском и американском вариантах английского языка, и дает основания не дифференцировать собранный материал по региональному признаку.

В процессе работы с носителями языка были уточнены некоторые имеющиеся предложения, а также предложены новые. Уточненные и новые высказывания были также включены в общий корпус примеров, использованных при проведении настоящего исследования.

Соответствие содержания диссертационной работы специальности 10.02.19 – теория языка, по которой она представляется к защите, подтверждается апробацией работы, ее научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Научную новизну исследования составляет то, что

- 1) в работе последовательно и на всех этапах применяется инновационная современная методика, основанная на использовании эксперимента и верификации полученных семантических толкований;
- 2) разработан метаязык описания данного концепта «разнообразия»;

3) в процессе работы был выявлен характер концептуализации «разнообразия» в языковой картине мира;

4) в результате исследования были предложены новые семантические описания значений и особенностей употребления лексических единиц *variety, diversity, series (of), set, assortment, range, selection*.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что:

1) в работе получило дальнейшее развитие исследование принципов, лежащих в основе концептуализации объекта внеязыковой действительности средствами естественного языка;

2) продолжен поиск путей семантического анализа, представлена оригинальная разработка методики исследования, уточнены аспекты применения экспериментальной методики;

3) осуществлена разработка метаязыка описания, релевантного не только для настоящего исследования, но и для семантического анализа в целом;

4) предложена модель семантического описания конкретной группы слов, репрезентирующих разнообразие, выявлены их связи, изучены принципы организации лексической микросистемы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что итоги данного исследования могут использоваться в практике преподавания практических и теоретических дисциплин: в курсах по общему языкознанию, когнитивной лингвистике, лексикологии, в рамках различных курсов по методике исследования, на занятиях по культуре речевого общения, в рамках практических семинаров по лингвистической семантике, в практике написания курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций по рассматриваемым в исследовании проблемам общетеоретического и прикладного характера. Результаты данной работы могут послужить опорой для проведения дальнейших исследований, составления учебно-методических пособий и словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В основе концептуализации «разнообразия» лежат представления о пространстве как о множестве объектов, обладающих либо одной качественной определенностью (объекты имеют общий категориальный признак), либо различающейся качественной определенностью (не объединены общим признаком).

2. Вербализуя ту или иную часть концепта «разнообразие» и, соответственно, делая выбор в пользу той или иной лексемы из исследуемого ряда слов, описывающих разнообразие, – например, из группы английских существительных *variety, diversity, series (of), range, set, selection, assortment*, говорящий исходит из принципа организации такого пространства множества, представляя его либо как *категорию* (множество объектов, объединенных общим категориальным признаком), либо как *комплекс* (множество объектов, объединенных функционально), либо как *последовательность* (упорядоченное множество объектов) а также концептуализируя его как ограниченное или неограниченное.

3. Современные информационные технологии позволяют внести изменения в процедуру семантического эксперимента и повысить надежность полученных результатов. Количество этапов проведения лингвистического эксперимента в рамках гипотетико-дедуктивного метода может быть сокращено до 8 шагов (в отличие от принятой процедуры в 12 шагов) за счет уточненного алгоритма индуктивного обобщения полученных данных – с помощью дистрибутивного анализа и применения контент-анализа, в том числе на основе использования разработанного в работе метода направленной проверки сочетаемости слов на материале корпусного материала.

4. Для выдвижения первоначальной гипотезы о значении исследуемых слов может использоваться статистический метод вычисления меры неслучайности совместной встречаемости исследуемых слов с другими единицами языка посредством обработки текстов корпусов программой Sketch Engine. В рамках данного метода сравниваются значения мер *t-score* (отражает частоту совместной встречаемости ключевого слова и зависимого) и *MI-score*

(сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми; если значение MI-score превышает определенную величину, рассматриваемое сочетание можно считать статистически идиоматичным), и на основе полученных результатов можно сделать вывод об особенностях употребления исследуемых слов.

5. Введение в описание метапонятий *качественная определенность, пространство множества, категория, комплекс, упорядоченность* позволяет выделить релевантные компоненты в значениях исследуемых языковых единиц.

6. На защиту выносятся предложенные в работе описания семантики языковых единиц *variety, diversity, series (of), range, set, selection, assortment*, репрезентирующих концепт «разнообразии» в английском языке.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены на следующих конференциях:

1. IV Международная научно-практическая конференция (Москва, РУДН, 2010 г.);

2. Международная конференция «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе» (Москва, РУДН, 2010 г.);

3. Международная научная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю.С. Маслова (Санкт-Петербург, 2014 г.);

4. Международная научно-практическая конференция «Современные концепции развития науки» (Екатеринбург, 2017);

5. XXIII Международная научная конференция Евразийского Научного Объединения (Москва, 2017);

6. Конференции ИИЯ МГПУ «Научный старт 2017», методологический семинар «Актуальные вопросы современной лингвистики: проблемы, методология, решения» (Москва 2017).

По теме диссертации имеется **9** публикаций (в том числе **3** в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ).

Структура работы:

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего в себя 155 наименований, в том числе, 29 на иностранных языках, списка использованных словарей и сокращений, списка интернет-ресурсов. Общий объем работы составляет 197 страниц.

Во *Введении* определены предмет и объект исследования, обоснована актуальность, сформулированы цели и задачи исследования, обозначены применяемые методы, описана научная новизна работы, а также ее теоретическая и практическая значимость.

В первой главе обосновано принятое в диссертации антропоцентричное понимание пространства; рассматривается понимание пространства в широкой перспективе (не сводимое только к физическому пространству, но и включающее в себя другие виды пространства – временное, функциональное, денотативное и другие). В рамках этой же главы рассматривается релевантная для описания концепта разнообразия интерпретация пространства через понятие множества, описаны принципы организации пространства множества в лингвистике. В первой главе получают также детальное описание две концепции понимания метаязыка исследования, вводятся также основные метапонятия, необходимые для описания изучаемого концепта.

Вторая глава посвящена методологии исследования: рассмотрение получают дистрибутивный и контекстный виды анализа, используемые для построения первоначальной гипотезы о семантических признаках исследуемых слов. В данной главе описан новый метод корпусных исследований – метод направленной проверки сочетаемости исследуемых слов в интернете. Подробно изложены этапы применения гипотетико-дедуктивного метода на материале настоящего исследования, описаны возможности корпусов американского варианта английского языка и британского национального корпуса.

В третьей главе проанализированы три способа концептуализации пространства множества объектов в естественном языке (как категория,

комплекс и последовательность). Рассмотрены особенности значений исследуемых субстантивов, репрезентирующих данный концепт в естественном языке; приведено семантическое описание существительных *variety, assortment, set, selection, series (of), range*.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования и определяются его дальнейшие перспективы.

Глава I. ПРОСТРАНСТВО И МНОЖЕСТВО КАК КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Для описания семантики языковых единиц и понимания языковых процессов особо значимой представляется такая базовая категория познания, как пространство. Понятие пространства послужило темой многих лингвистических исследований, относящихся преимущественно к концу XX века, когда в отечественной лингвистике отчетливо обозначилась тенденция к изучению различных когнитивных направлений и их основополагающих категорий (Кибрик 1970; Селиверстова 1983; Маляр 1994; Яковлева 1994; Апресян 1995; Кубрякова 2000; Фомина 2009; Стебелькова 2011; Clark 1973; Vandeloise 1987).

Вместе с тем, несмотря на большое количество работ и повышенный интерес к этой теме, проблема определения понятия «пространство» не может быть признана окончательно решенной, и некоторые аспекты данной проблемы не получили достаточного освещения (подробнее см. далее).

1.1. Антропоцентричное понимание категории пространства

Пространство как форма существования материальных объектов является базовой категорией мировосприятия и картины мира. Существуют физический, математический аспекты понимания пространства. Данная категория является также объектом изучения наук, входящих в когнитивное направление, например, психологии, философии и лингвистики. Предметом изучения лингвистики является «наивная» картина мира, в которой представления о пространстве и времени отличаются от научных, но в то же время могут опираться на них. Существующие в когнитивной науке трактовки понимания пространства с точки зрения его восприятия человеком могут быть сведены к двум.

Первое понимание пространства восходит к идеям И. Ньютона, в соответствии с которыми пространство отвлечено от человека-наблюдателя и

представляет собой «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи» и не определяемое материальными объектами, которые в нем находятся. В.Н. Топоров называет такое пространство «пустым» (Топоров 1983, 228). В соответствии с данной точкой зрения пространство понимается как отдельная категория описания объектов физического мира.

Второе понимание пространства, в рамках которого мерилom всего становится именно человек, восходит к идеям Г.В. Лейбница, который утверждал, что пространство представляет собой «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей» (Топоров 1983, 228). Таким образом, пространство, согласно трактовке Г.В. Лейбница, «одушевлено» присутствием человека-наблюдателя и вторично по отношению к объектам его составляющим, и его можно назвать «объектно-заполненным пространством» (Топоров, там же).

Антропоцентричное (Лейбницеvское) понимание пространства согласуется и с пониманием пространства в психологии. Пространство в психологии – это своеобразная карта реальности, система ориентиров, с помощью которых человек определяет местонахождение предметов, а главное – свое место и значение среди других явлений и событий.

Психологи, говоря о восприятии пространства, отмечают, что воспринимаемое нами пространство (с точки зрения реципиента) никогда не носит симметричного характера, оно преимущественно ассиметрично. Одни предметы расположены от нас дальше, другие ближе, одни справа, другие слева, некоторые предметы находятся выше, некоторые ниже и т.д. (Лурия 2006). Так, например, характеристики «дальше – ближе», «выше – ниже», «правое – левое» также несут в себе некое представление об объекте, на который они указывают (*близкий человек, высокий долг, правое дело* и т.д.). С точки зрения психологии не безразлично, где находится объект: справа или слева, выше или ниже. Всему правому или всему вышестоящему придается большее значение и положительное эмоциональное подкрепление, чем левому или низкому. Поэтому в качестве доминантного центра (подробнее об этом

понятии см. ниже) чаще выбираются предметы, коррелирующие со словами *близкий, высокий, правый, большой* и т.д. Следовательно, как уже было сказано выше, ментальная карта, да и картина мира в целом, имеет определенную асимметрию (Калмыков 2016).

Психологи также отмечают, что структуризация пространства базируется на системе отношений типа «центр – периферия». Свойство центральности придается актуализированной реальности, в то время как на периферию отодвигается все то, что еще не актуализировалось и присутствует в потенциале. Но и в самой центральной области возникает сложная иерархическая система «центров – периферий». Все то, что в данный момент привлекает наше внимание, становится центром. Вместе с тем, в каждом событии существует свой доминантный центр. Им может быть какая-то вещь, имеющая особое значение (например, компьютер в комнате подростка или айпад на рабочем столе госслужащего), природный объект (например, река Волга в России), может быть человек (профессор, читающий лекцию в аудитории, или сокурсница, которой Вы симпатизируете). Доминантным центром, как правило, является для себя и сам человек.

Таким образом, понимание пространства в психологии ориентировано прежде всего на человека. Система отношений внутри пространства («центр-периферия»), его основные свойства (симметричное/ассимметричное) трактуются с точки зрения реципиента, в качестве доминантного центра выступает сам человек.

В лингвистике понимание пространства также базируется на двух философских идеях – антропоцентрической и не антропоцентрической.

Так, отечественные и зарубежные когнитологи, придерживающиеся антропоцентрического понимания категории «пространство», подчеркивают особую роль концепта вещи, физического тела, предмета в формировании всех прочих категорий человеческого опыта (см., например, работы Фомина 2009; Langacker 1991; Neisser 1994). Е.С. Яковлева отмечает, что «картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-

геометрическому прообразу; пространство не является простымместищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» (Яковлева 1994, 20-21).

В пользу такого антропоцентричного понимания пространства свидетельствует также огромное количество языковых моделей, в семантику которых встроен наблюдатель. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «число «антропоцентричных» значений в естественном языке гораздо больше, чем обыкновенно думают. ...язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время» (Апресян 1995-2, 648). Например, именно введение фигуры наблюдателя для анализа семантики английских глаголов *seem* и *appear* позволило Е.В. Ильчук ясно обозначить различие между данными предикатами (Ильчук 2004, 205-222).

Ю.Д. Апресян приводит также точку зрения Ч. Пирса, который, размышляя над чисто физическими свойствами объектов *тяжелый, твердый, прочный*, допускал, что в них может входить представление о человеке, с точки зрения которого предметам приписываются данные характеристики.

Ю.Д. Апресяном отмечено, что в значениях некоторых слов содержится ссылка на имплицитного наблюдателя, которого он обозначает как «лицо, постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации» (Апресян 1995-1, 69). В качестве примера приводится высказывание с предлогом *из-за*: *Мальчик вышел из-за ширмы*, в котором отчетливо осознается, что в ситуации присутствует некто, относительно кого ориентировано описание. Ср., напротив, *Мальчик вышел из дома*, где такого представления нет.

Многие лингвисты выделяют также различные группы лексики, ориентированные на наблюдателя, например, глаголы, предполагающие непосредственное зрительное восприятие объекта: *любоваться, заглядеться, засмотреться* (Апресян 1995-2, 368) в отличие от слов *пытаться (подняться, открыть глаза)* (там же, 384). Ср. также толкование следующей пары предложений, где вводится прямое указание на фигуру наблюдателя:

Х кончался около У-ка (например, *Дорога кончалась около леса*) – «Конец пространственного объекта Х находился в месте М, которое находится около неподвижного объекта У» и

Х кончился около У-ка (например, *Дорога кончилась около леса*) – «Конец пространственного объекта Х находился в месте М, которое находится около неподвижного объекта У, и говорящий мыслит наблюдателя, перемещавшегося по Х-у, сознание которого зарегистрировало этот факт (Апресян 1995-2, 60).

Рассматривая высказывания с предикатами *синеть, белеть, краснеть*, а также *реять, улетать*, Т.В. Булыгина отмечает в них «эффект соприсутствия» говорящего (Булыгина 1982, 15, 29).

Е.С. Яковлева, исследуя значение таких наречий как *рядом, вблизи, поблизости*, выявляет, что в их семантику «встроено» указание на наблюдателя, они имплицитно указывают на его наличие (в отличие от коррелирующих наречий *неподалеку, невдалеке, вдалеке, вдали*, не несущих такой импликации) (Яковлева 1994, 39).

Введение фигуры наблюдателя позволяет также описать различия в семантике ряда безличных предложений. С этой целью О.А. Сулейманова, например, предлагает классификацию типов наблюдателя на основе сочетания двух основных критериев: с точки зрения позиции повествователя в фабульном пространстве (вне этого пространства или внутри него, на периферии или в центре во втором случае) и с точки зрения положения повествователя в пространстве коммуникации – то есть, по отношению к истинному автору (Сулейманова 2000, 112-120).

Иными словами, введение категории наблюдателя позволяет адекватно описать семантику исследуемых языковых единиц. Кроме того, данное представление служит для понимания и анализа сущности антропоцентризма – одной из самых важных на настоящий момент развития лингвистики категорий, которая может восприниматься не только как общая установка ориентированности на человека в языке, но и «как совокупность языковых

явлений (единиц) различных уровней, где имплицитруется человек и его проявления» (Сулейманова 2000, 107).

Таким образом, понятие наблюдателя в самом явном виде отражает антропоцентричность языковой картины мира, и, в свою очередь, исследование концепта наблюдателя позволяет точнее определить концепцию антропоцентризма в его понимании как общей установки (Сулейманова, там же).

В пользу антропоцентризма свидетельствует также то, что антропоцентричное (Лейбницевское) понимание может получать и пространство, поскольку структурирование пространства предполагает присутствие человека в разнообразных формах.

Рассмотрим далее категорию антропоцентризма применительно именно к пространству. Так, исследуя семантическую структуру предлога *рядом*, О.Н. Селиверстова выделяет три значения данной языковой единицы и отмечает, что формирование отдельных значений данного предлога или переход от одного значения к другому предполагает «преобразование исходной геометрической структуры» (Селиверстова 2004, 930), то есть в зависимости от способа членения человеком пространства слово *рядом* привносит ту или иную информацию о расположении объектов, которая и определяет особенности употребления данной языковой единицы.

Остановимся на значимости концепта наблюдателя при описании семантической структуры слова *рядом*. Поскольку членение пространства осуществляется человеком, то в значениях некоторых слов, получающих пространственную интерпретацию, содержится ссылка на лицо, являющееся имплицитным участником ситуации, ср. вышеприведенное высказывание с предлогом *из-за*: *Мальчик вышел из-за ширмы*, в котором привносится представление о наличии потенциального наблюдателя.

Вместе с тем, роль наблюдателя в семантической структуре высказывания может даже трактоваться как «регулярный компонент», в сущности обязательный компонент в «денотативно-понятийном содержании

события» (Пупынин 1992, 153). Как представляется, в структуре значения слова *рядом* содержится информация не просто о наличии потенциального наблюдателя, или особой потенциальности, а представление о наблюдателе, привносимое словом *рядом*, относится скорее к пресуппозиции высказывания, поскольку событие, получающее описание с помощью предлога *рядом*, не может быть осуществлено без присутствия человека.

Слово *рядом* является производным от слова *ряд*, представление о котором содержится в семантике исследуемых в настоящей работе ИГ *series (of)* и существительного *range* (см. п. 3.4), использующихся для номинации последовательности (или *ряда*) объектов, расположенных на оси времени или в пределах числовой шкалы. По этой причине представляется нужным обратиться к описанию трех значений слова *рядом* с точки зрения структурирования пространства человеком, который, как отмечено выше, играет при этом определяющую роль.

Первое значение слова *рядом* непосредственно связано с семантикой существительного *ряд*, который «указывает на множество объектов, выстроенных в линию и обычно обращенных друг к другу боковыми сторонами, причем эти объекты относительно однородны¹ (например, *ряд лавок, домов* и т.п.)» (Селиверстова 2004, 904). При этом слово *рядом* обозначает уже не сами объекты, а позиции, которые они могут занимать – учитываются чаще только две позиции.

О.Н. Селиверстова полагает, что в семантику слова *рядом* входит представление о вычленении из общего пространства какой-то его части, заключенной между двумя параллельными линиями и разделенной по крайней мере на две позиции. X (объект, пространственное положение которого устанавливается) и Y (ориентир, релятум), характеризующиеся определенной степенью однородности, размещены в этих позициях таким образом, что обращены друг к другу боковыми сторонами.

¹ Понятие однородности, согласно О.Н. Селиверстовой, требует наличия общих качественных характеристик (таких, как одушевленность/неодушевленность) у X-а и Y-а и приблизительного равенства в размерах X-а и Y-а

Вместе с тем, как отмечает О.Н. Селиверстова, расположение X-а и Y-а в зависимости от положения «фасада» и боковых сторон важно только для тех объектов, которые их имеют. Поясним далее, что понимается под фасадностью объектов.

Как справедливо замечает Ю.Д. Апресян, «признак фасадности приписывается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование, в частности, проникновение в них. У нефасадных предметов такой выделенной стороны нет» (Апресян 1995-1, 40). Примером фасадного предмета может служить кресло в отличие от табурета, или письменный стол в отличие от обеденного (пример Н.В. Лягушкиной) (Лягушкина 2002, 79).

В других же случаях важна лишь направленность развертывания ряда «XY» (или «YX») по отношению к некоторой линии отсчета. В качестве такой линии чаще всего выступает траектория движения взгляда наблюдателя слева направо (или наоборот), а не вперед-назад. Иными словами, ряд должен разворачиваться по отношению к наблюдателю вширь, а не вглубь.

Несмотря на то, что возникают расхождения, касающиеся направления линии, по которой располагаются предметы, общее представление о том, что X и Y занимают позиции, принадлежащие некоторому «куску» пространства, заключенному между двумя параллельными линиями, сохраняется.

Таким образом, как заключает и доказывает О.Н. Селиверстова, пространство членится не в зависимости от положения Y-ка (релятума), а в соответствии с общей «геометрической идеей» о пространстве, заключенном между двумя параллельными линиями и разделенном по крайней мере на две «ячейки», входящие в один ряд (Селиверстова 2004).

Особенности употребления слова *рядом* объясняются во многом геометрическим представлением о ряде, входящем в семантическую структуру данной языковой единицы.

В основе второго значения слова *рядом* лежит представление о том, что X и Y движутся в параллельных рядах, причем перемещение по крайней мере

одного из них (а именно Y-а) не связано с перемещением другого, и обычно их движение по параллельным линиям лишь временно. Например, *Или вынырнет откуда-то автомашина, бежит рядом с поездом, перед ней прыгает светлое пятно от фар* (Ю.Казаков) (пример О.Н. Селиверстовой).

Третье значение слова *рядом* определяется тем, что пространственное положение X-а уже не связывается с позицией в ряду (в отличие от первого значения). Потеря концепции «ряда» приводит к тому, что Y становится только релятивом, ориентиром и его пространственное положение не описывается.

Как утверждает О.Н. Селиверстова, при использовании слова *рядом* в третьем значении X представлен как находящийся в пространстве, очень близко расположенном от Y-а, возможно, даже почти примыкающем к нему, но отдаленном от него («независимом»). Кроме того, *рядом* указывает на непосредственный локус X-а («малое пространство»), а не на широкое пространство, в котором находится X.

При этом нахождения в смежных «ячейках» одного ряда или в смежных параллельных рядах исключает вопрос о расстоянии между ячейками или рядами (как это происходит в первом значении слова *рядом*). Напротив, нахождение в некоторой пространственной ячейке, не включенной в структурированную организацию, позволяет оценивать ее положение под углом зрения расстояния от Y-а. *Рядом* в третьем значении характеризует позицию X-а как «очень близкую».

Важным показателем реализации именно третьего значения служит возможность добавления частицы *совсем*, которая не сочетается со словом *рядом* в других значениях. Например: *Но Шухов не стал прямо просить, а остановился совсем рядом с Цезарем и влоборота глядел мимо него (Солженицын)*. Ср. несочетаемость слов *рядом* и *совсем* при реализации первого значения: **совсем рядом с ним на скамейке сидела Маша*.

Таким образом, третье значение слова *рядом* составляет информация о том, что X занимает позицию или, возможно, находится в пространстве,

которые отделены от Y -а и расположены от него на некотором минимальном или маленьком расстоянии (Селиверстова 2004, 903-922).

Таким образом, в семантической структуре слова *рядом* было выделено три значения слова *рядом*, а переход от одного значения к другому предполагает прежде всего преобразование исходной геометрической структуры, указание на которую составляет первое значение. Кроме того, было введено понятие рядности, на котором будет строиться описание семантической структуры слова *range* (см. подробно п. 3.4).

На данном примере анализа семантической структуры слова *рядом* показано, что выявлению особенностей употребления данной языковой единицы в естественном языке способствует именно структурирование пространства в соответствии с определенной геометрической идеей. Как представляется, пространство структурирует или членит сам человек (наблюдатель), что в полной мере отображает антропоцентричность языковой картины мира и пространства, в частности.

В настоящей работе принято антропоцентричное (или Лейбницевское) понимание пространства, в соответствии с которым пространство вторично по отношению к объектам его составляющим, и «одушевлено» присутствием человека-наблюдателя (Топоров 1983, 228).

Само присутствие человека предполагает, что пространство должно быть структурировано в соответствии с определенной установкой. В зависимости от способа членения пространства человеком по-разному выбираются и компоненты значения языковой единицы, вносящие ту или информацию об объектах, что и определяет особенности употребления данной языковой единицы. (Ср. приведенный выше пример описания семантической структуры слова *рядом* О.Н. Селиверстовой).

Вслед за О.Н. Селиверстовой в данной работе пространство понимается как нечто, способное «помещать в себя что-то, включать в себя что-то» (Селиверстова 2004, 351). Нахождение, включение объектов (элементов) в пространство предполагает в свою очередь его деление или структурирование

человеком-наблюдателем в соответствии с определенной установкой, геометрической идеей, например.

Такая антропоцентричная концепция пространства согласуется с пониманием пространства и в других науках, например, психологии.

1.2. Интерпретация пространства через понятие «множество» в точных науках и в лингвистике

Для целей данной работы представляется необходимым рассмотреть пространство так, как оно интерпретируется в точных науках – математике и логике – через понятие «множество»: «пространство – множество объектов, между которыми установлены отношения, сходные по своей структуре с обычными пространственными отношениями типа окрестности, расстояния и т.п.» (БСЭ 1975, 484). Под этим углом зрения понятие пространства представляет собой множество элементов, объединенных по какому-либо признаку. Вместе с тем, «пространство, в математике, логическая мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции» (БСЭ 1975). Такое определение пространства вполне согласуется с принятым в данной работе определением пространства какместилища объектов (элементов), которое целесообразно использовать в лингвистике только в том случае, если те или иные операции теории множеств применимы для «описания поведения пространственных предложений» (Селиверстова 2004, 351).

Такое понимание пространства как множества восходит к теории множеств, созданной немецким математиком Георгом Кантором во второй половине XIX века и оказавшей огромное влияние на прогресс всей математики и математическое мышление в целом. Так, Г. Кантор определял «многообразие» или «множество» как «всякое многое, которое можно мыслить как единое, т. е. всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона» (Кантор 1985, 101). Формулируя теоремы теории множеств, Г. Кантор

приводит, например, определение подмножества точечного множества, которое можно представить в следующем общем виде: если некоторая часть пространства содержит точечное множество, и мы *в соответствии с некоторым определенным, но произвольным законом* разложим эту часть пространства на конечное или бесконечное число частей, то точечное множество распадается на соответствующее число подмножеств (Кантор 1985, 107) (выделение мое – А. Гордиенко). Иными словами, множество понимается как совокупность элементов, объединенных по какому-либо общему, произвольно выбранному свойству.

Б. Рассел в трудах по математической логике и основаниям математики оперирует, главным образом, понятием класса: «вместо разговоров о «совокупности» мы будем, как правило, говорить о «классе», или иногда о «множестве». В математике для этих же целей используются также термины «многообразии» и «совокупности»» (Рассел 2007, 77). Далее Б. Рассел приводит два определения класса или совокупности: экстенциональное и интенциональное. Определение, которое перечисляет всех членов совокупности, называется «экстенциональным», и оно имеет место, когда мы говорим: «Под совокупностью я имею в виду Брауна, Джоунса и Робинсона». Определение, которое упоминает определяющее свойство, называется «интенциональным»: например, «человечество» или «обитатели Лондона». При этом Б. Рассел отмечает, что на практике часто много известно о классе, даже если мы не способны пронумеровать его члены. К примеру, никто не мог бы перечислить всех людей или даже обитателей Лондона, и все же об этих классах достаточно много известно. Таким образом, экстенциональное определение не необходимо для знания о классе. При рассмотрении же бесконечных классов (класса натуральных чисел, например), наше знание о подобной совокупности может быть выведено только из интенционального определения.

Далее автор делает вывод о том, что для многих целей класс и его определяющая характеристика практически взаимозаменяемы. Существенная

разница, как отмечает Б. Рассел, состоит в том факте, что имеется только один класс, имеющий заданное множество членов, в то время как имеется много различных характеристик, которые могут определять заданный класс. Так, например, люди могут быть определены как бесперые двуногие или как разумные животные. Тот факт, что определяющие характеристики никогда не являются единственными, делают классы полезными. Любое из этих свойств, как считает ученый, может быть использовано вместо класса, когда единственность не является существенной (Рассел 2007, 77-78). Данное определение класса у Б. Рассела фактически повторяет понимание множества у Г. Кантора: объекты могут быть объединены в множество (класс у Б. Рассела) на основании любого свойства.

Таким образом, понятие пространства, отображенное в языке, вполне согласуется с пониманием пространства в математике: его можно интерпретировать через категорию «множество» и определить как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент).

Вместе с тем, суть отличия интерпретации пространства как множества в математике и пространства как множества в лингвистике заключается в самом принципе организации такого множества. Так, в математике в основу объединения объектов множества может быть положен произвольно выбранный признак. Например, множество всех пурпурных объектов в комнате могут составлять пурпурная мантия, пурпурный занавес, пурпурная обшивка кресла, пурпурный цвет маникюра, пурпурный десерт на блюде. Обосновать такое объединение объектов в множество, с точки зрения бытового мышления, не представляется интуитивно приемлемым и разумным, и такое множество воспринимается как некое искусственное образование, что не дает основания считать такое множество естественным.

В естественном языке, напротив, в основе «организации» множеств лежит скорее принцип релевантности. Так, объекты объединяются в множество на основании общего релевантного (или существенного) свойства. Например, словосочетание *a set of clothes* используется для указания на

множество элементов, каждый из которых является предметом одежды – швейным изделием, предназначенным для ношения человеком. Именно данное существенное свойство – являться швейным изделием, которое носит человек – служит для объединения объектов в множество. Составными элементами такого множества могут быть юбки, пиджаки, брюки, шляпы, джемперы, куртки различного размера и фасона, которые при этом (несмотря на *несущественные* отличия между собой) остаются предметами одежды. У человека, ребенка, имеющего способность к категоризации, при виде всех этих объектов не будет сомнения, на основании какого актуального признака они все объединены в множество.

Приведем теоретическое обоснование данного принципа релевантности, имеющего ключевое значение для интерпретации понятия множества в лингвистике. Также продемонстрируем, насколько значимым является применение данного принципа для формирования и других языковых явлений, например, метонимического переноса.

Принцип релевантности является главным метапонятием, которым оперирует теория релевантности (Relevance Theory) Д. Уилсон и Д. Спербера (Wilson, Sperber 2004). В соответствии с данной теорией все высказывания (а также мысли, воспоминания, выводы и другие наблюдаемые явления) порождают ожидания релевантности (уместности, отношения к делу) в первую очередь потому, что стремление к релевантности является базовым признаком и особенностью человеческого познания.

Входные данные (input), в качестве которых могут выступать высказывания, мысли, зрительные впечатления, релевантны для индивидуума в том случае, если их обработка в контексте существующих предположений (assumptions), приносит положительный когнитивный эффект (например, правильный вывод). При прочих равных условиях, чем выше положительный когнитивный эффект, полученный при обработке входных данных, тем выше релевантность этих данных. Например, я вижу, что мой поезд прибывает, смотрю на свои часы, обращаюсь к моему знанию о времени прибытия этого

поезда по расписанию и делаю вывод (на основе вводимых данных и контекста в совокупности), что мой поезд опаздывает.

Согласно теории релевантности, индивидуума отличает неосознанная тенденция к максимализации релевантности лишь по той причине, что так устроена когнитивная система человека. Данное свойство и находит отражение в так называемом когнитивном принципе релевантности (*cognitive principle of relevance*). Когнитивная система человека с присущим ей стремлением к повышению эффективности устроена таким образом, что механизмы восприятия автоматически выбирают потенциально релевантные стимулы; механизмы памяти, в свою очередь, автоматически активируют потенциально релевантные предположения, а логические механизмы спонтанно обрабатывают их максимально продуктивным образом. Так, если все присутствующие, например, в зале услышат звук разбившегося недалеко от них стекла, они будут более восприимчивы к данному событию, если их механизмы памяти и логики идентифицируют данный звук как звук *их* разбившегося стекла и рассчитают последствия, которые будут наиболее значимы для них.

Д. Спербер и Д. Уилсон оперируют также таким примером: я как гость помещаю свой пустой стакан в поле зрения хозяина, намереваясь дать ему это заметить и заключить, что я хотел бы ещё выпить. Тем самым я использую естественное для каждого человека стремление максимализировать релевантность.

Как представляется, в основе «организации» множеств в естественном языке лежит также именно принцип релевантности, инициирующий, в частности, стремление собеседника передать новейшую информацию в данном контексте оптимально, с затратой минимальных усилий на ее получение слушателем.

Можно привести следующие примеры (варианты ответа на вопрос к научному руководителю, чему посвящена диссертация его новой аспирантки):

- (1) Она пишет диссертацию о дискурсе.

- (2) Она пишет диссертацию об аргументативном дискурсе.
- (3) Она пишет диссертацию об особенностях аргументативного дискурса.

Каждое последующее высказывание оказывается всё более информативным, так что можно наблюдать возрастание когнитивного эффекта. Но вместе с тем, каждое очередное высказывание требует больше времени и, соответственно, большей затраты усилий на его когнитивную обработку. По всей очевидности, отвечающий предпочтёт вариант с наиболее оптимальным (в конкретных условиях разговора) соотношением достигаемого когнитивного эффекта и усилий, затрачиваемых на обработку слушателем получаемой информации.

Таким образом, стремление к максимализации релевантности присуще каждому индивидууму, и человеческое познание направлено на то, чтобы «приспособиться» к данному стремлению.

Многие исследователи, изучающие когнитивные явления и другие лингвистические факты, оперируют также понятием салиентности (*salient* – значимый), которое схоже с принципом релевантности в языке.

В мире преобладает антропоцентрический взгляд на вещи, и, как следствие, к изучению лингвистических явлений также применяется антропоцентрический подход. В рамках этого подхода все явления исследуются с точки зрения их салиентности (значимости) для восприятия человека. Так, например, конкретные объекты более значимы по сравнению с абстрактными, видимые более салиентны по отношению к невидимым и т.д.

В качестве примера языкового явления, которое трактуется многими современными лингвистами (Сулейманова 2013) именно через понятия релевантности и салиентности можно привести метонимию.

Говоря о функции метонимии, Р. Лангакер (Langacker 1993) отмечает, что метонимия позволяет «примирить» два как бы несочетающихся фактора – необходимость быть точным, то есть убедиться, что в фокусе внимания адресата именно цель сообщения, и наше естественное стремление думать и

говорить в прямой форме (эксплицитно) о тех категориях, которые имеют для человека наибольшую когнитивную значимость (metonymy allows an efficient reconciliation of two conflicting factors: the need to be accurate, i.e., of being sure that the addressee's attention is directed to the intended target, and our natural inclination to think and talk explicitly about those entities that have the greatest cognitive salience for us – Langacker 1993, 30) – (перевод мой – А. Гордиенко).

Так, Г. Радден и З. Кёвечеш (Radden, Kövecses 1999), рассматривающие метонимию как когнитивное, а не чисто языковое явление, выделяют когнитивные принципы, определяющие салиентность (значимость) какого-либо явления и использование того или иного типа метонимического переноса соответственно. С точки зрения концептуальной организации они выделяют когнитивные принципы, относящиеся к трем сферам: человеческому опыту (human experience), перцептивной избирательности (perceptual selectivity) и культурным предпочтениям (cultural preference).

В рамках человеческого опыта как концептуальной организации выделяются следующие принципы:

1) Человеческое преобладает над нечеловеческим. Этот принцип объясняет, например, использование метонимического переноса Производитель вместо Продукта. Ср. *I've got a Ford* / У меня есть Форд.

2) Субъективное превалирует над объективным. Любой человеческий опыт обязательно субъективен, как субъективен и взгляд на вещи. Данный принцип объясняет использование модели метонимии. Восприятие вместо Воспринимаемой субстанции, ср. *What a beautiful sight* / Какой прекрасный вид вместо «*thing seen*» / увиденное.

3) Конкретное более салиентно по отношению к абстрактному. В основе человеческого опыта находятся конкретные физические объекты, которые представляются для нас более значимыми по сравнению с абстрактными. Например, *to save one's skin* / спасти свою шкуру вместо *to save one's life* / спасти свою жизнь или *hold your tongue* / придержи язык вместо *stop speaking*.

4) С точки зрения человеческого опыта, быть способным к взаимодействию более значимо, чем неспособным к взаимодействию. Зачастую мы взаимодействуем с частями целого, и этот принцип находит отражение и в языке, мотивируя использование метонимического переноса на основе «часть – целое». Например, в процессе вождения мы «взаимодействуем» с рулем, отсюда выражение *sitting behind the wheel* / *сидеть за рулем*.

5) Функциональное имеет больший вес по сравнению с нефункциональным. Так, например, в автомобиле наиболее значимыми функциональными частями (используемыми в процессе вождения) являются колеса, руль и двигатель, поэтому машина часто называется (в английской речи) *четырёхколесником* / *a 24-wheeler* (Radden, Kövecses 1999).

Как представляется, данные примеры позволяют наглядно показать, насколько значимым является применение когнитивного принципа салиентности для формирования различных типов метонимического переноса. Следует отметить, что для интерпретации метонимии используется также принцип релевантности. Так, исследуя возможность применения фреймового подхода для интерпретации метонимии и других лингвистических явлений, О.А. Сулейманова отмечает, что «акцентуация салиентного элемента или обозначение релевантного позволяет реконструировать весь фрейм и выбрать именно ту языковую единицу, которая позволит представить событие в терминах сопряженного термина (метонимия)» (Сулейманова 2013, 168).

Таким образом, многие языковые явления получают логичное обоснование на основе интерпретации через принципы релевантности и салиентности. В настоящем исследовании использование данного принципа позволяет разграничить понимание пространства как множества в лингвистике и в точных науках.

1.3. Типы пространств и категория пространства как множества в лингвистике

Существующие трактовки понятия «пространство» с точки зрения расположения объекта в нем могут быть сведены к двум. Одни ученые считают, что понятие пространства применимо лишь тогда, когда речь идет о локативном местоположении объекта, то есть его расположении в физическом (геометрическом) пространстве (Богуславская 2000; Семенова 2000; Тошович 2000 и др.). Другие, напротив, определяют пространство широко и говорят о различных видах пространства, например, выделяют временное, денотативное, функциональное, ментальное, зрительное и другие виды пространства (Кодзасов 2000; Никитина 2001).

Так, например, В.Г. Гак отмечает, что пространство «не только дифференцируется языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, *непространственным сферам*» (Гак 1998, 670) – (выделение моё – А. Гордиенко).

Таким образом, «непространственные сферы» могут также получить пространственную интерпретацию: ср. пространство действия, пространство ситуации, пространство события и какого-либо явления, пространство множества. Несмотря на то, что различные типы пространства уже получили описание в работах лингвистов (С.В. Кодзасов, Т.Н. Маляр, С.Е. Никитина и др.), некоторые виды пространства, например, пространство множества не получили на настоящий момент исчерпывающего детального описания и по-прежнему нуждаются в изучении.

В связи с этим в настоящей главе предпринята попытка рассмотреть категорию пространства в широкой перспективе и специально остановиться на таком понятии, как «пространство множества», которое оказывается релевантным при анализе семантики исследуемых языковых единиц.

Обратимся сначала к общему пониманию пространства. Так, О.Н. Селиверстова употребляет термин «пространство» широко и относит его не только к пространствам, описываемым в координатах высоты, длины и высоты или одного из этих параметров («геометрическое пространство»), но и, например, в таких параметрах, как набор действий, входящих в некоторый событийный фрейм, исполнители этих действий, другие участники» (Селиверстова 2000, 191).

Среди различных видов пространства О.Н. Селиверстова выделяет мир действительности (объективный мир) и мир вымысла (мир фантазии, сказки). Далее, в пределах объективного мира и мира вымысла она различает пространства классов, множеств. Таким образом, О.Н. Селиверстова расширяет представление о пространстве за счет введения особого типа пространства – пространства множества. Более того, она также предлагает пространственную интерпретацию экзистенциальных конструкций (см. ниже).

В ее работе пространство множества интерпретируется как состоящее из набора элементов, объединенных общим свойством и только им (положение элементов, их связи между собой не имеют значения). О.Н. Селиверстова выделяет также, например, пространства, не принадлежащие к этому типу, которые, в свою очередь, делятся на пространства, которые не представляют собой множества, но при этом включают их в свою структуру; и пространства, в образовании которых не участвуют множества. К последним относятся пространства естественного мира (например, мир химии, мир физики, мир микрокосмоса), пространства социального или социально-производственного мира (например, завод, институт), а также пространства, представляющие собой продукты деятельности (ментальной, физической) общества или отдельного человека (искусство, культура, идеология).

Пространства, включающие множества в свою структуру, разделяются на пространства отношений и пространства, не относящиеся к этому типу, которые могут иметь геометрические измерения, а могут не иметь их (например, пространство чувств, идей, действий, событий).

Все рассмотренные виды пространств могут быть разделены на большие и меньшие пространства (завод и цех), а также на классы пространств и индивидуальные пространства, например, роман как жанр и отдельный роман (Селиверстова 1977).

Кроме того, анализируя представление о пространстве как множестве, О.Н. Селиверстова выделяет два разных типа множества, в которое объединены объекты: одно множество состоит из элементов, которые не составляют единого целого, то есть не образуют один объект, например, множество родственников одного лица; другое же множество, напротив, составляют элементы, образующие единый объект. Например, в высказывании *Нитки лежат в шкатулке* денотатом слова *шкатулка* является один объект, а не множество объектов, при этом этот объект состоит из множества элементов (Селиверстова 2004, 351).

Развивая представление о множестве, О.А. Сулейманова выделяет пять способов представления множеств в естественном языке. Первый – с помощью субстантивов в форме множественного числа, то есть словами типа *стулья, beds*, передающими информацию о том, что «участвующий в событии объект представлен в сознании говорящего в виде совокупности однородных, относительно самостоятельно существующих элементов, когда целое тождественно простой сумме своих элементов» (Сулейманова 1985, 171). Второй способ – при помощи конкретно-собираательных субстантивов типа *полк, army, толпа, crowd*, которые несут информацию о том, что в событии участвует множество объектов, не равное простой сумме своих элементов (поскольку при объединении объектов появляется новое качество, не сводимое к простой сумме свойств этих элементов), локализованное при этом в пространстве и во времени, обладающее границами и иногда упорядоченное (*полк, army*) – (см. о признаке упорядоченности ниже в связи с описанием семантической структуры слова *series (of), range* – п. 3.4). К третьему способу описания множеств О.А. Сулейманова относит вещественные субстантивы, которые вносят информацию о том, что в событии участвует множество

(*горох, гравий, seed*) или множество-континуум (*молоко, oil*), локализованное в пространстве / времени и не обладающее своими границами. О том, что такие вещественные субстантивы, как *яблоки, горох* указывают на множество, свидетельствует их способность употребляться с предикатами типа *рассыпаться*, где множественность денотата очевидна: *Горох рассыпался по полу*. Четвертым способом представления множеств является группа слов типа *aristocracy, казачество*, которые вносят информацию о том, что в событии участвует множество на уровне класса, не равное простой сумме своих элементов, но образующее более тесное единство (благодаря внутренним связям между элементами множества). Доказывая, что такие слова как *казачество, студенчество, офицерство* представляют свой денотат как множество, О.А. Сулейманова приводит следующий пример из романа «Дни Турбиных» М.А. Булгакова: *А теперь поздно, теперь наше офицерство превратилось в завсегдаев кафе. Кафейная армия!*, где именная группа *наше офицерство* соотносится с именной группой *завсегдаев кафе*, вносящей информацию о множественности своего денотата. При этом слово *офицерство* характеризует свой денотат как множество, которое не равно простой сумме своих элементов. Об этом свидетельствует возможность приписывания денотату такого свойства, которым не обладают взятые порознь элементы такого множества: ср. *офицеры*. Пятый тип описания множеств представлен словами типа *детвора, ребетня, poultry, police*, вносящими информацию об участии в событии множества, локализованного в пространстве / времени, не равного простой сумме своих элементов и не обладающего границами (Сулейманова 1985).

На основе данной типологии множеств О.А. Сулеймановой, критериев деления множеств на два типа, предложенных О.Н. Селиверстовой, а также сравнения интерпретаций понятия пространства как множества в лингвистике и точных науках (см. п. 1.2) в настоящем исследовании принято использование термина «множество» по отношению к такому типу пространств, когда образующие его элементы четко в нем вычленимы, то есть

составляют обычно дискретное множество некоторых объектов, или набор объектов, объединенных общим релевантным свойством.

В данной работе, применительно к исследованию выбранных существительных *variety, diversity, set, series (of), assortment, range, selection* можно опираться на представление о пространстве различных множеств – например, пространстве множеств методик лечения: *a variety of treatment options* – иглоукалывание, массаж, гомеопатия, традиционная медицина / *acupuncture, massage, homeopathy, conventional medicine*; пространстве множества структур организации бизнеса / *a variety of organizational structures* – матричная структура, функциональная структура, структура «подразделений» / *matrix structure, functional structure, divisional structure* и т.д.

Вместе с тем, объекты множества существуют относительно самостоятельно и имеют свои собственные свойства (отличающие их друг от друга), но при этом свойства целого (множества) совпадают со свойствами объектов множества, (ср. у О.А. Сулеймановой: *стулья, beds*). Такое множество может представлять собой совокупность обладающих одинаковой / разной качественной определенностью объектов и может быть охарактеризовано как имеющее / не имеющее границы и упорядоченное / неупорядоченное (подробнее см. Главу III).

Следует отметить, что О.Н. Селиверстова расширяет представление о пространстве также за счет других категорий, получающих именно пространственную интерпретацию, например, широко употребительных и крайне распространенных языковых моделей типа «there is Y» или «X has Y», вносящих информацию о существовании (нахождении) объекта в некотором пространстве и принадлежности объекта чему-либо / кому либо.

Данные модели, которые О.Н. Селиверстова считает пространственными, традиционно относились к бытийным (экзистенциальным). Традиция отнесения конструкций «there is Y», «X has Y» к экзистенциальным восходит к работам О. Есперсена (Jespersen 1951) и Е. Кларка (Clark 1970). Так, О. Есперсен отмечал, что в предложениях,

построенных по модели «there is Y» утверждается или отрицается существование чего-либо (Jespersen 1951, 155). Е. Кларк также утверждал, что обладание предметом предполагает его существование и относил модель «X has Y» к категории экзистенциальных (Clark 1970).

Таким образом, ученые рассматривали данные модели как экзистенциальные – прежде всего потому, что информация о нахождении объекта в каком-либо физическом пространстве предполагает существование этого объекта. Отнесение таких моделей к экзистенциальным обусловлено, вероятно, еще и тем, что данные модели употребляются лишь в тех случаях, когда Y не упоминался в предыдущей речи говорящих, и впервые вводится информация о его существовании. Например, можно сказать *There is a girl in my room*, а предложение *There is Mary in my room* является правильным лишь при соблюдении особых условий употребления – например, если речь идет об ушедшей из жизни девушке Мэри, присутствие которой незримо ощущается в комнате говорящего, наполненной вещами и предметами, которыми девушка пользовалась при жизни. В подобном контексте употребление подобной модели «there is Y» с указанием конкретного лица представляется возможным. Ср. также пример из романа Д. Б. Пристли «Улица ангела»: *There is the liver to be taken into consideration* (Priestley 1974, 366), где в конструкции «there is Y» формальное подлежащее *liver* / *печень* употребляется с определенным артиклем, поскольку в высказывании речь идет не о том, что у человека наличествует такой орган как печень, а вносится информация о проблемах с ней, которые необходимы принять во внимание. Этим и обусловлено употребление именно определенного артикля *the*.

Рассматривая данные модели, О.Н. Селиверстова отмечает, что из всего вышесказанного неверно делать вывод о том, что в значение подобных предложений входит признак существования – она отождествляет его с представлением о принадлежности к элементам действительности, реальности, объективному миру, а не миру фантазии, вымысла (обозначает его как E_{x_1}). Когда говорящий строит фразу *There is a book on the table* / *На столе*

книга, он предполагает существование книг заранее известным и сообщает лишь о том, что один какой-то объект из класса (книг) находится в данном физическом пространстве («на столе»), то есть информация о существовании Y-а в предложениях выступает как исходная и относится к пресуппозиции высказывания. Выделение такого признака E_{x_1} в значении модели «X has Y» представляется тем более необоснованным потому, что данная конструкция часто употребляется в тех условиях, когда Y уже упоминался, то есть о его существовании известно заранее. Например, *She had my hat in her hand / В руке у нее была моя шляпа* (Селиверстова 1977).

Наряду с таким пониманием признака существования (= E_{x_1}) О.Н. Селиверстова выделяет и другое понимание данного признака (обозначает его E_{x_2}). Признак E_{x_2} вносит информацию о «нахождении объекта в пространстве или, точнее, о том, что положение объекта, представленного графически в виде точки, может быть задано в системе координат данного пространства» (Селиверстова 2004, 140).

Такой признак E_{x_2} (в отличие от E_{x_1}) действительно входит в значение вышеупомянутых конструкций, которые получают, таким образом, не экзистенциальную, а пространственную интерпретацию.

Вместе с тем, такая интерпретация верна в том случае, если под пространством понимать не только физическое (геометрическое пространство), но и пространство класса, множества, пространство действия, события, ситуации и т.д. (Селиверстова, там же).

В качестве примеров таких типов пространств можно привести русские высказывания типа *Нет правды на земле, но нет ее и выше* (Пушкин, *Моцарт и Сальери*), где сообщается об отсутствии правды не только в пределах земного шара, но и в пространстве потустороннего мира. В предложении *Среди них есть много интересных людей* вносится информация о нахождении в пространстве множества «они».

Такие предложения, как *There is a set of pencils on the table / На столе набор карандашей* сообщают о нахождении Y-а в физическом пространстве

(«на столе»); высказывание *There is such a variety of styles in this church architecture / В архитектуре этой церкви соединено такое разнообразие стилей* несет информацию о наличии Y-а (Y – разнообразие стилей) в пространстве «архитектура данной церкви». Высказывание *There is a very wide range of job opportunities in front of university graduates / Перед выпускниками ВУЗов открываются широкие карьерные возможности* сообщает о наличии Y-а (широкие возможности) в пространстве класса «выпускники ВУЗов». Высказывание *There is such diversity among living things / Среди живых существ царит такое многообразие* вносит информацию о наличии Y-а (многообразия) в пространстве множества «живые существа».

Рассматривая денотаты слов *table / стол, architecture / архитектура, university graduates / выпускники ВУЗов, living things / живые существа* и т.п. как определенные виды пространств, мы, вслед за О.Н. Селиверстовой, считаем, что эта характеристика не является для них постоянной. Она возникает только тогда, когда «денотаты подобных слов характеризуются как то, в чем обнаруживается, находится что-либо» (Селиверстова 1977, 12).

Таким образом, используя для описания естественного языка понятие пространства, целесообразно включить в него ту функцию, которую выполняет пространство – «помещать в себя что-то, включать в себя что-то» (Селиверстова 2004, 351).

Ср. непространственную интерпретацию этих же единиц в высказываниях типа *The table was black and wide / Стол был большим и широким*, которые содержат информацию о качественных характеристиках данного объекта физического мира (стола). Или, например, высказывание *The university graduates of 2012 have made a record number of job applications / Выпускники ВУЗов 2012 года подали рекордное количество заявлений о приеме на работу* сообщает о том, что деятель (выпускники ВУЗов) произвел какое-то действие (подал заявления). Ср. также точку зрения М. Гиро-Вебер, которая отмечает, что предложение *В комнате пахнет яблоками* характеризует

пространство, а не предмет, в отличие от предложения *Яблоко пахнет* (Гиро-Вебер 1979).

Вместе с тем, подобное рассуждение М. Гиро-Вебер представляется не вполне понятным. Более точную интерпретацию пространственной характеристики на материале безличных моделей предлагает О.А. Сулейманова, которая утверждает, что предложение типа *Комната сырая* также «характеризует пространство», (которое при этом задано чисто лексически), но при этом оно не подчеркивает пространственную интерпретацию денотата существительного *комната* (Сулейманова 2000, 127). Ср., напротив, модель *В комнате пахнет яблоками*, где пространственная интерпретация, как представляется, задается как на лексическом, так и, в первую очередь, на синтаксическом уровне.

Предложенная О.Н. Селиверстовой и развитая О.А. Сулеймановой интерпретация пространства, обладающая высокой описательной силой, позволила авторам показать, что в большинстве случаев употребления таких конструкций как «there is Y», «X has Y» информация о том, что Y принадлежит к объективному, невымышленному миру (компонент E_{x_1}) не является компонентом значения рассматриваемых моделей, и данные конструкции не являются экзистенциальными, если отождествлять значение этого термина с признаком E_{x_1} . Модели «there is Y», «X has Y» можно назвать пространственными, если понимать под этим термином не только физическое пространство, но и пространство множества, ситуации, действия и т.д. (компонент E_{x_2}).

Как представляется, такая интерпретация соотношения категории существования и пространства выявляет взаимосвязь определений пространства не только в философии, но и в лингвистике. Согласно философскому пониманию термина «пространство», оно представляет собой философскую категорию, посредством которой обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают их со-бытие, сосуществование (в пространстве) (НФС 2003), то есть такое понимание пространства в

философии коррелирует с первым пониманием признака существования, обозначенным как E_{x_1} (см. выше), в естественном языке.

Таким образом, категории существования и бытийности тесно связаны с пониманием пространства в лингвистике и его репрезентацией в естественном языке, при этом экзистенциальность также может получать пространственную интерпретацию.

Исследуемые в настоящей работе языковые единицы, употребляющиеся в модели типа «N of Ns (prep. S)», где N = существительное, указывающее на пространство множества объектов, Ns = объекты множества, а S представляет локативный член предложения (введение скобок показывает, что его наличие необязательно), также получают пространственную интерпретацию. Отнесение данных моделей к категории пространственных обусловлено тем, что одним из компонентов их значения является информация о нахождении объектов (Ns) в том или ином пространстве. Под пространством, вслед за О.Н. Селиверстовой, мы будем понимать не только физическое пространство, но и пространство множества, класса, событий, явлений и т.д. (см. выше интерпретацию примеров *a set of pencils on the table, a variety of styles in this church architecture, a very wide range of job opportunities in front of university graduates*).

При этом первый компонент (N) рассматриваемой модели *N of Ns (prep.S)* указывает на наличие пространства множества, создаваемого набором элементов, объединенных по некоторому общему свойству или имеющих одну и ту же качественную определенность (подробнее о данном понятии см. п. 1.5.2). Например, в высказывании *A variety of reasons have been put forward to explain these changes / Для объяснения этих изменений был предложен ряд причин*, фраза *a variety of reasons (ряд причин)* обозначает пространство множества, элементы которого объединены общим свойством (они выполняют одну задачу) – служат для объяснения неких изменений. Именная группа *a variety of flowers / разнообразие цветов* указывает на пространство множества, элементы которого (цветы) объединены общим свойством – наличием

соцветия. В противном случае такое растение будет уже не цветком, а травой, например, папоротником, деревом или иным представителем флоры.

Таким образом, модель *N of Ns (prep.S)* может служить для передачи информации о том, что некоторые объекты, объединенные общим свойством, составляют пространство множества (класса), которое в свою очередь может находиться / не находиться в некотором пространстве (физическом пространстве / пространстве ситуации, событий, действий, явлений – вследствие чего может возникать двойная соотнесенность с пространством).

Таким образом, в данной главе принято определение пространства в широком его понимании: к данной категории отнесены не только «геометрическое» (физическое) пространство, но и пространство класса, пространство действия, события, ситуации, пространство множества и т.д.

На основании исследований О.Н. Селиверстовой и О.А. Сулеймановой о пространстве и множестве, а также на основе сравнения интерпретаций пространства как множества в лингвистике и в точных науках было принято и обосновано применение термина «множество» по отношению к такому типу пространств, когда образующие его элементы четко в нем вычленимы, то есть составляют дискретное множество некоторых объектов, объединенных общим релевантным свойством.

На примере анализа моделей «there is Y», «X has Y» и отнесения их к пространственным (а не экзистенциальным, как традиционно считалось) показано, что расширительное понимание пространства (как пространства множества, ситуации, действия) обладает описательной силой для интерпретации значения языковых единиц и моделей.

Принятое в работе понимание пространства в целом согласуется с пониманием пространства в математике (см. п.1.2).

1.4. Количественные и качественные характеристики множеств в лингвистике

В настоящей работе обосновано широкое понимание пространства – не просто как физического пространства с тремя измерениями, а в его широком понимании (например, пространство ситуации, события и другие). Данное исследование опирается на интерпретацию пространства как множества объектов, объединенных общим релевантным свойством. Понимание множества в различных науках может дать ключ к описанию концептуального понимания множества как категории мышления.

Так, интерес представляет философское знание о множестве. В рамках универсальной категории количества понятие множества рассматривалось многими философами. Аристотель трактует множество через понятие количества: «Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо. Множеством называется то, что в возможности делимо на части не непрерывные, а величиной – на части непрерывные» (Аристотель 1976, 164), то есть понятие множества у Аристотеля связано с понятием дискретности. К делимым количествам (множествам) философ отнес число и слово, к непрерывным – линию, поверхность, тело и время (там же).

И. Кант также рассматривает множество как составную часть количества. В предложенной им таблице категорий выделяются категории количества, качества и отношения. К категориям количества он относит 3 категории: единство (мера), множество (величина), цельность (всеобщность). И. Кант утверждает, что всеобщность есть не что иное, как множество, рассматриваемое как единство. Он выделил такие свойства количества и качества, как взаимопроникновение, взаимообусловленность, возможность взаимовыражения количества и качества, тем самым подчеркнув их неразрывность. И. Кант отмечал, что взаимопроникновение – это наличие количества в качественных характеристиках и качества – в количественных,

взаимообусловленность – это присутствие во всех явлениях интенсивной величины, то есть количества (Кант 1963, 120).

Проблема выражения категорий количества и множества исследовалась и исследуется многими лингвистами. Среди них И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, А.А. Потебня, Д.И. Руденко, А.А. Холодович, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, Е.А. Земская, О.А. Сулейманова, Е.Л. Гинзбург, В.В. Лопатина, О.Н. Ляшевская, Л.Д. Чеснокова, З.Ю. Петрова, Е.В. Петрухина, Д.Н. Шмелев и другие.

Понятие множества рассматривается большинством лингвистов, как и большинством философов, в качестве составляющей категории «количество». Важность выявления соотношения языкового и математического количества подчеркивал И. А. Бодуэн де Куртенэ, который отмечал, что количественная сторона языкового мышления и количественное математическое мышление должны рассматриваться вместе (Бодуэн де Куртенэ 1963).

А.А. Холодович определяет множество как нечто, противостоящее единичности и являющееся исключительно многообразным по своему составу, по своей структуре. Исследователь создает развернутую классификацию значений множества, основанную на оппозициях типов множества с точки зрения логики. Им выделяется шесть схем таких типов: 1) множество определенное (представленное в русском языке словами *сани, вилы, подтяжки, картофель, горох*) противопоставляется множеству неопределенному (слова *руки, столы, лампы*); 2) множество предметов (*рука/руки, поле /поля*) противопоставляется множеству предметному (*грабли, бусы, гусли*); 3) множество сплошное (*зверье, белье, комарье*) противопоставлено множеству дискретному (редуплицированная форма *hitobito* в японском языке: человек – люди); 4) множество однородное (*рука/руки, пол/полю*) противопоставлено множеству неоднородному (высказывания типа *лес и вода обнялись*); 5) множество арифметическое (*земляника, клубника*) противопоставлено множеству алгебраическому (*вилы, клещи, щипцы*); 6) множество тотальное и множество партитивное (три карандаша, пять столов).

(Холодович 1979, 173). Очевидно, что описанные А.А. Холодовичем множества рассмотрены с точки зрения скорее логики, а не языка.

Д.И. Руденко рассматривает множество как совокупность именно дискретных единиц (Руденко 1983). Такое понимание представляется довольно узким, поскольку исключает возможность отнесения к множеству нечленимых совокупностей, таких как *вода*, *цемент*. Не вполне понятно, будет ли, например, слово *рис* относиться к дискретной или недискретной (несчитаемой) субстанции.

О.Н. Селиверстова употребляет термин «множество» в двух случаях: «когда образующие его элементы не составляют единого объекта, либо когда элементы, его составляющие, хотя и образуют единый объект, четко в нем вычленимы, и объект можно мысленно или фактически разделить на эти элементы (например, части тела, части машины и т.д.)» (Селиверстова 1983, 142).

О.А. Сулейманова расширяет понятие множества и относит к нему не только «считаемые» объекты, но и охватывает «части вещественных имен, которые представляют свой денотат как множество особого рода». Для обозначения таких множеств она использует термин «множество-континуум». При этом данный термин может описывать содержание не всех вещественных имен, а только слов типа *молоко*, указывающих на неделимую субстанцию (Сулейманова 1985, 121).

Л.Д. Чеснокова считает количество мыслительной категорией и отмечает, что количество есть такая определенность вещи, благодаря которой ее можно реально или мысленно разделить на однородные части и затем собрать их воедино. Однородность (подобие, сходство) частей или предметов является отличительным признаком количества (Чеснокова 1992).

В современных лингвистических исследованиях получают описание базовые характеристики множества – определенность, ограниченность, упорядоченность, дискретность, однородность и другие. Метаязык, разработанный в этих исследованиях, представляет интерес и может быть

применен к описанию концепта «разнообразия» в данной работе, но в то же время многие метатермины представляются спорными или недостаточно разработанными.

В диссертационном исследовании Е.Н. Алексеевой сформулировано понимание концепта «неопределенное множество», вводится понятие определенности как характеристики множества. Исследователь рассматривает существительные типа *army, crowd, legion, mob, multitude*, обозначающие «большое количество / число». Выделяется доминантная лексема *multitude*, репрезентирующая идею неопределенного множества наиболее конкретно. Исследователь отмечает, что множество может быть в какой-то степени упорядоченным и неупорядоченным, однако четкого определения принципов, разграничивающих множество на два данных типа, не приводится. В качестве примера упорядоченного множества рассматривается существительное *army*, имеющее следующие признаки «упорядоченности» – слаженность действий как при маршировании, высокая организованность и целенаправленность упорядоченного объединения (Алексеева 2004). Вместе с тем, не вполне понятно, будут ли вышеперечисленные признаки актуальны для другого типа множества, не относящегося к коллективу людей.

Далее автор пишет о различных видах упорядоченности, однако не приводит описаний отношений порядка, которые являются основой для определения данного признака. Языковой материал, необходимый в качестве доказательной базы для выявления критериев отнесения множеств к тому или иному типу, в работе не представлен. Ср. примеры упорядоченных множеств и их интерпретацию в работе О.А. Сулеймановой, где принадлежность, например, денотата слова *очередь* к упорядоченному множеству, в котором «каждый элемент занимает свое определенное ему место», обосновывается возможностью участия этого существительного в структурах типа *Я был первым в очереди*. При этом высказывание **Я был первым в толпе* является неправильным, так как предикат *быть первым (по порядку)* исключает слово

толпа, несущее информацию о неупорядоченности денотата (Сулейманова 1985, 143).

В диссертационной работе Е.В. Федяевой также исследуется концепт «неопределенное множество» и языковые средства его репрезентации в английском и французском языках. Данный концепт рассматривается в качестве компонента базового универсального концепта «количество». Автор, выявляя место и роль концепта «неопределенное множество» в структуре макроконцепта «количество», определяет в нем индивидуальные, национально-специфические и универсальные компоненты. Так, концепт в его языковой репрезентации рассматривается как функционально-семантическое поле, включающее универсальное ядро (грамматическую категорию числа) и периферию (именно индивидуальные и национально-специфические компоненты – количественные обозначения в других частях речи).

Говоря о репрезентации концепта «неопределенное множество» языковыми средствами, автор полагает, что данный концепт находит наиболее полное выражение в классе существительных со значением «много» / «мало» (*a lot, a bit*) и именах совокупностей, образованных по формуле «существительное + предлог + существительное» (*a pile of, a stack of, a handful of; une pile de, un tas de* и и другие). В исследовании предлагается расширенная классификация средств языковой репрезентации концепта «неопределенное множество»; данные средства распределены по группам в соответствии с определенной зоной в семантической структуре (ядро, ближняя, дальняя периферии) «неопределенного множества» (Федяева 2009). Приведено много примеров, однако, как представляется, не вполне ясен сам механизм познания некоторого множества субъектом. Такое понятие, как «упорядоченное множество» в работе не представлено.

Е.В. Попова анализирует способы развития и формирования метафорического и метонимического значения неопределенного множества у имен существительных в современном русском языке, при этом основное внимание уделяется анализу грамматических форм и синтаксических

структур, в рамках которых формируется значение неопределенного множества (Попова 1996).

Существует также ряд сопоставительных работ, посвященных категории определенности / неопределенности. Так, М.В. Маштакова исследует значения, функции и способы выражения определенности / неопределенности в русском и французском языках. А.Н. Овешкова рассматривает функционально-семантическое поле определенности / неопределенности в афроамериканском и британском вариантах английского языка. Как отмечает исследователь, в дальней периферии функционально-семантического поля определенности / неопределенности в афроамериканском варианте английского языка располагаются лексемы *various, different* (Овешкова 2007).

Таким образом, такая характеристика множества, как неопределенность тем или иным образом получает освещение во многих диссертационных работах, в то время как ограниченность, функциональность, однородность и упорядоченность как характеристики множества освещены недостаточно. В настоящей работе предпринята попытка дать вышеперечисленным понятиям точное определение и привести аргументы в пользу предлагаемого определения, опираясь на языковой материал.

Альтернативный метаязык описания множеств представлен в диссертационной работе А.В. Румянцевой, где автор описывает способы выражения и представления множеств лиц в современном русском языке и оперирует такими понятиями, как совокупность, качественная однородность. Как отмечено в работе, совокупность (или множество закрытого типа) предполагает наличие у членов называемого множества общего свойства, которое лежит в основе их объединения в совокупность, но при этом не исключает различий между ними. Качественную однородность автор понимает как «качественное подобие, или сходство, членов множества, основанное на одном или нескольких общих их свойствах, которые представляют собой такие универсальные характеристики лиц, как биолого-физиологические (антропологические), психические и поведенческие

характеристики, а также характеристики по социальному положению, виду деятельности и др.» (Румянцева 2009, 6). В работе выделяются три семантических типа номинаций совокупностей лиц: качественно однородные совокупности (собираательные: *чиновничество, молодежь, клиентура, русский народ, истеблишмент*); качественно неоднородные совокупности (коллективные: *семья, правительство, жюри, банда*) и не охарактеризованные по признаку качественной однородности (актуально-ситуативные: *толпа, орда (людей), зал (аплодировал)*), то есть связанные с определенной ситуацией и основанные на восприятии и оценке говорящего.

При номинации каждого из этих трех типов совокупностей в русском языке могут актуализироваться или нейтрализовываться такие «конституирующие признаки множеств», как целостность и дискретность. Понятие целостности связано с «качественной характеристикой закрытости множества, т.е. качественная определенность множества не сводится к качественной определенности образующих его составляющих». Например, *офицерье*, имеющее негативную коннотацию, которая не свойственна соответствующим именам лиц во мн. ч. – *офицеры* (Румянцева 2009, 10). Ср. интерпретацию в работе О.А. Сулеймановой таких множеств как *казачество, студенчество, офицерство* (см. п. 1.3).

На основании анализа вышеупомянутых работ можно сделать вывод о том, что проблема интерпретации множества как категории волновала философов и лингвистов на разных этапах становления науки о языке; широко исследовался данный вопрос и в последние годы. В лингвистических исследованиях множество понимается по-разному: как неотъемлемая составляющая категории «количество», как нечто неединичное и многообразное по составу, как совокупность дискретных единиц; некоторые исследователи трактуют понятие множества через категории определенности и неопределенности, упорядоченности и неупорядоченности.

Вместе с тем, немногие исследователи рассматривают множество в смежности с такой основополагающей категорией человеческого мышления,

как пространство, находящей отражение во многих единицах языка. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть категорию множества в широкой перспективе, через призму категории «пространство». В качестве подобной (базовой, на наш взгляд) интерпретации множества в настоящей работе принято определение множества как набора объектов, объединенных общим релевантным свойством.

1.5. Метаязык исследования

Задача описания семантики языковых единиц и разработка исследуемого концепта немислимы без создания понятийного аппарата описания – метаязыка, на котором будут сформулированы семантические признаки и описание семантической структуры лексем, а также раскрыто понимание связанного с ними концепта. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «примечательной особенностью современной теоретической лингвистики является ее ярко выраженный интерес к металингвистическим построениям и, в частности, к созданию ... аппарата терминов и понятий» (Кубрякова 1995, 155). В связи с этим, важной задачей, которая встает перед исследователем, является разработка и создание метаязыка описания применительно к целям настоящего исследования и характеру языкового материала.

1.5.1. Требования к метаязыку описания

Проблема разработки понятийного аппарата решается разными исследователями по-разному. Условно можно выделить две основные концепции понимания метаязыка: первая из них состоит в попытке построения некоторого единого универсального метаязыка описания, вторая же состоит в том, что при создании метаязыка описания за основу берется естественный язык. В рамках первой концепции метаязык видится как (конечный) набор универсальных семантических понятий, меньших по своему количеству, чем число единиц описываемого естественного языка или языков (Апресян 1974; Звегинцев 1981; ЛЭС 1990; Wierzbicka 1980; Lyons

1995). По мнению Ю.Д. Апресяна, семантический язык должен быть универсальным, то есть он должен быть пригоден для описания любых типов языковых значений, включая значения морфологических категорий, синтаксических конструкций и других единиц языка, так и для описания семантического материала любых языков (Апресян, 1994). В основе такого представления лежит идея о том, что между различными словами любого языка, а также между словами разных языков имеются определенные сходства в значении, поэтому представляется возможным раскрыть системную организацию семантики некоторого языка, используя эти сходства.

Вместе с тем, в рамках данного подхода к разработке универсального метаязыка описания исследователи придерживаются двух принципов: либо используют искусственно созданный формализованный язык, либо естественный язык. В формализованном языке применяются математические и логические знаки, формулируются правила образования сложных знаков языка из простых, задаются различные типы правильно построенных выражений. Подобный язык разработал Ч. Филлмор в рамках своей теории «глубинный падежей» для описания глагольной семантики на основании характеристик участников ситуации – присвоении им определенных семантических ролей – Агенса (субъекта действия), Пациенса (объекта действия), Экспериенцера (на чье внутреннее состояние ситуация оказывает воздействие) и др. (Fillmore 1968). Вопросам разработки метаязыковых моделей, ориентированных на понимание связных текстов, создания прототипов посвящены также исследования Л. Бирнбаум, Т. Винограда, Т. А. Дейка, Дж. Катца, В. Кинча, М. Лебовиц, К. Лешли, Дж. Мей, А. Н. Уайтхеда, Р. Шенка. Попытки описания лексических единиц на базе формализованных языков предприняты многими современными исследователями. Так, например, И.В. Дукальская разработала метаязык ARTEFACTUM для фреймового описания семантики наименований артефактов, образы которых лежат в основе английских фразеологизмов, пословиц и образной лексики

(Дукальская 2009). О.А. Подлесова создала искусственный семантический метаязык AFFECT, применяемый для описания концептов эмоциональных состояний. Данный метаязык состоит из информационного компонента – набора единиц (глосс), называемого глоссарием, и процедурного компонента – совокупности правил оперирования единицами при составлении текстов (сценариев) (Подлесова 2009). Среди преимуществ формализованных описаний перед естественноречевыми многие исследователи отмечают их унифицированный и обобщенный характер, обеспечивающий возможность их применения для различных ситуаций и объектов исследования. Вместе с тем, очевидно, что формализованные языки малопригодны для выражения чувственно-эмоциональной и творческой сторон духовного мира человека. Так, для описания концептов типа *счастье, душа, любовь*, репрезентированных в языке существительными или прилагательными, использование формализованного языка представляется не вполне приемлемым.

Приверженцы другого подхода к разработке универсального метаязыка описания полагают, что необходимо использовать подязык самого естественного языка, сделав его максимально простым и унифицированным как с точки зрения синтаксиса, так и лексики. Рассмотрим теории, предложенные исследователями, с позиции выделения необходимого и достаточного количества языковых средств, используемых для описания единиц любого языка. Например, в исследованиях А. Вежбицкой при построении метаязыка основная роль отводится семантическим примитивам – выражениям «естественного языка, которые сами по себе не могут быть истолкованы удовлетворительным образом, но с помощью которых можно истолковать все прочие выражения» (Вежбицкая 1983, 235). В качестве семантических примитивов были выделены следующие языковые единицы: *хотеть, не хотеть, сказать, я, ты, становиться, чувствовать, быть частью, мир (Вселенная), думать о, нечто, некто, представлять себе, это*. Гипотеза А. Вежбицкой состоит в том, что с помощью этих элементов (или их

эквивалентов в любом другом естественном языке) можно истолковать все речевые высказывания и описать все семантические отношения, существующие между различными выражениями.

Данный подход позволяет получить толкования языковых единиц, относящихся к разносистемным языкам, и на их основе сформулировать и описать различия между понятиями разных культур. Вместе с тем, отнесение представленных выше слов к разряду элементарных вызывает некоторые сомнения. У. Эко, рассуждая о ядерном содержании слов как о совокупности выраженных истолкований их значения, анализирует определение значения слова *мышь*, предложенное А. Вежбицкой (Вежбицкая 1996, 340) и содержащее «исключительно примитивные термины»: «Люди называют их Мышами...Люди полагают, что они принадлежат к одному и тому же типу. – Поскольку они происходят от созданий того же самого типа. Люди думают, что они живут там же, где живут люди. – Поскольку они любят есть то, что обычно едят люди. – Люди не хотят, чтобы они жили там же...Можно подержать их в руке (многие не хотят держать их в руке). – Они сероватые или буроватые. – Их легко увидеть (некоторые создания этого типа – белые)...» и т.д. Подобное описание предмета, занимающее 18 строк, как он полагает, уместно и логично лишь в той ситуации, «если бы речь шла о тех играх, которыми развлекаются в компании, когда кто-нибудь должен словесно описать некий предмет кому-то другому» (Эко 2006, 104), и не вполне подходит для интерпретации языковых единиц естественного языка. Иными словами, предложенная А. Вежбицкой система позволяет решить ряд задач семантического описания, однако в некоторых случаях может оказаться недостаточной.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, «семантические примитивы на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому в общем случае не обладают свойством универсальности. Даже простейшие слова естественного языка включают, в дополнение к некоему прототипическому ядру, определённую частицу смысла, отличающую данное слово от его ближайших

синонимов. Именно эта частица смысла во многих случаях оказывается национально специфичной» (Апресян 1994, 36). Более того, как убедительно показал Ю.Д. Апресян (Апресян 1995-2), предложенное А. Вежбицкой элементарное слово *хотеть* имеет сложную семантическую структуру и, следовательно, не может являться семантическим примитивом. Исследуя слова *я* и *это*, О.Н. Селиверстова (Селиверстова 1988) и Е.В. Падучева (Падучева 1996) также показали «неэлементарность» их семантики. О.А. Сулейманова предложила семантическое описание слова *весь*, которое представляет собой сложный концепт, и, соответственно, не является элементарным. Эти описания позволяют сделать вывод о том, что слова *я*, *это*, *весь*, *хотеть* не являются простыми (элементарными) (Сулейманова 1985). Многие признанные метатермины (*контролируемость*, *качественная определенность* и другие) нельзя назвать «семантическими примитивами», поскольку они являются сложными понятиями, но, тем не менее, они с успехом используются в лингвистических работах для описания семантики языковых единиц (см. Парфенова 2009, Евтеева 2014).

При разработке метаязыка описания Ю.Д. Апресян также использует понятие семантического примитива, но при этом значительно расширяет их границы, не ограничиваясь, в отличие от А. Вежбицкой, несколькими словами. В качестве метаязыка Ю.Д. Апресян предлагает использовать «определённым образом сокращённый и унифицированный подъязык языка-объекта, т.е. реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях, как это принято в традиционной лексикографии» (Апресян 1985-1, 468). Однако в отличие от традиционной лексикографии к этому языку Ю.Д. Апресян предъявляет более жесткие требования.

Во-первых, он предлагает сократить словарь метаязыка на несколько порядков по сравнению со словарем русского языка. В частности, «из него устраняются все сложные лексемы (например, *шантаж*, *инсинуация*, *присяга* и т.п.), не участвующие в толковании других языковых единиц. В нем остается два типа слов - семантические примитивы, т.е. неопределяемые слова, не

допускающие дальнейшей семантической редукции, и семантически более сложные слова, которые в один или несколько шагов сводятся к примитивам» (Апресян 1995-1, 469).

Второе требование, предъявляемое Ю.Д. Апресяном к метаязыку, - его унификация с целью взаимнооднозначного соответствия имён и смыслов, то есть в метаязыке следует избегать синонимов и омонимов. Из синонимов в словарь семантического языка автор предлагает отбирать «тот, который стилистически и семантически наиболее нейтрален в данном ряду» (Апресян 1995-1, 468). Так, из пары синонимов *глаза* и *очи* предпочтительнее *глаза*. Таким образом, Ю.Д. Апресян утверждает, что метаязыком семантического описания является подъязык языка-объекта, который составлен из небольшого и унифицированного словаря и синтаксиса. Важная роль при построении метаязыка все-таки отводится семантическим примитивам.

Рассмотрим второй подход к построению метаязыка описания – на базе единиц естественного языка – и попытаемся обосновать оправданность использования данного подхода. В ряде работ высказывается мнение, что естественный язык не обладает необходимой для семантического описания точностью, с чем сложно согласиться. И.Б. Шатуновский (вслед за Л. Витгенштейном) отмечает, что с одной стороны «идеал» точности недостижим, а с другой стороны к такому «идеалу» и не нужно стремиться, «ибо в соответствии с задачами, стоящими перед языком, именно неточность часто есть как раз то, что нам нужно. Если оригинал является нечетким, то и картина, точно описывающая его, должна быть нечеткой» (Шатуновский 1996, 15). Однако, как замечает автор, неопределённость значений не надо преувеличивать, поскольку «научное описание, по самой своей природе, не может быть таким же «непрерывным» и бесконечно разнообразным, как его предмет» (Шатуновский 1996, 16). Кроме того, как считает И.Б. Шатуновский, «использование одного и того же языка и как объекта, и как средства описания усиливает объясняющую силу последнего ... Чем более мы проясняем

значение слов, составляющих объект описания, тем более понятным и ясным делается само это описание» (Шатуновский 1996, 14).

И. А. Стернин выявляет «принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных единиц», но при этом доказывает принципиальную возможность разных метаязыковых обозначений одного и того же смысла. Данный принцип состоит в том, что одно и то же семантическое явление в работах разных исследователей может получить несовпадающее семантическое описание. И. А. Стернин отмечает, что множественность метаязыкового описания ментальных сущностей (значений, концептов, сем и др.) не является недостатком методики описания и приводит следующие аргументы:

- множественность описания predetermined неverbальным характером мышления. Один и тот же результат познания одного и того же объекта в виде какого-либо смысла разными людьми принципиально может быть обозначен в разной словесной форме;

- естественный язык доступен в равной мере как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и как система знаков обладает неограниченными возможностями формулирования описываемых смыслов;

- множественность метаязыкового описания ментальных сущностей обусловлена также тем, что любое метаязыковое описание ментальной единицы представляет собой интерпретацию этой ментальной единицы исследователем или реципиентом. При этом интерпретация всегда субъективна по своему результату, поскольку ее выполняет конкретный субъект (Стернин 2012, 8-17).

Некоторые ученые, постулирующие использование в качестве метаязыка язык примитивов, на практике используют естественный. Так, например, Е.В. Урысон, описывая союз *и*, утверждает, что в экспликации причинно-следственного употребления союза *и* «очевидно участвуют кварки. Один из них – это тот «ядерный» кварк, который лежит в основе семантики слов типа *причина, благодаря, потому что* и пр. Два других кварка участвуют в

экспликации значения и некоторых других русских союзов, создавая системное различие между ними. Строго говоря, все единицы, участвующие в разложении союза *и* в данном употреблении, корректно обозначать не русскими лексемами, а особыми символами. Мы однако будем пользоваться естественным метаязыком, отдавая себе отчет в том, что используемые нами слова – это в большей степени выхолощенные, не настоящие, лексемы русского языка» (Урысон 2000, 100-101). Действительно, можно усомниться в том, что для интерпретации союза *и* используется естественный язык, скорее он расширен за счет терминов (ср. термин *кварк* из физики).

В настоящей работе обоснована возможность использования естественного языка в качестве языка описания; такой подход широко распространён в лингвистике: естественный язык применяется в качестве метаязыка в работах Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1999), Т.В. Булыгиной (Булыгина, Шмелёв 1997), О.Н. Селиверстовой (Селиверстова 1976, 1983, 1997, 2000), Т.Д. Шабановой (Шабанова 1998), О.А. Сулеймановой (Сулейманова 1985), М.А. Фоминой (Фомина 2009), М.Ю. Евтеевой (Евтеева 2014), О.Г. Лукошус (Лукошус 2015). Семантическое описание часто строится «на базе метаязыка, максимально приближенному к естественному языку путём конкретизации понятийных категорий» (Шабанова 1998, 103).

При такой постановке вопроса понятия, используемые в качестве метаязыковых средств описания, нуждаются в отчетливом определении или корректировке. Все метаязыковые понятия можно разделить на два типа: первые – это те, которые нуждаются в специальной предварительной дефиниции; вторую группу составляют те, которые нет необходимости определять. О.Н. Селиверстова предложила следующий «критерий для их разграничения: единица метаязыка может не иметь определения, если её употребления в контексте семантического толкования не препятствуют однозначности понимания этого толкования теми, кому оно предназначено» (Селиверстова 1976, 141).

В семантическом толковании могут быть использованы также графические средства (рисунки, графы и т.д.). (См. Кронгауз 1998, 69; Селиверстова 1976, 141; Селиверстова, Сулейманова 1980, 435), однако, как отмечает М.А. Кронгауз, изображения «практически всегда сопровождаются вербальным комментарием. Исчерпывающе и кратко объяснить такой способ описания значения без использования примеров, по-видимому, невозможно» (Кронгауз 1998, 69). Однако самым важным этапом создания метаязыка представляется уточнение определения уже существующих метатерминов, поскольку содержание многих из них часто представляется интуитивно очевидным (ср. трактовку понятия «пространство», количество интерпретаций которого составляет более десятка). Вновь вводимый термин должен получать по возможности не более одной интерпретации (Селиверстова 1980).

Как представляется, метатермины, применяемые для описания семантики языковых единиц, должны отвечать следующим общим требованиям:

- 1) получать исчерпывающие, максимально точные определения средствами естественного языка и только ими, без использования научной терминологии;
- 2) быть интуитивно понятными.

1.5.2. Метаязык описания концепта *разнообразие* в рамках пространства множества объектов

В основе понимания исследуемого концепта *разнообразие* лежит описание значения языковых единиц *variety*, *diversity*, *series (of)*, *set*, *assortment*, *range*, *selection*, репрезентирующих данный концепт в естественном языке. Остановимся на том, что в данной работе понимается под значением языковой единицы, *понятием* и *концептом*.

В настоящей работе принято определение значения через информацию, сформулированное О.Н. Селиверстовой:

1) значение слова есть знаковая информация – та информация, которую звуковая или графическая последовательность, представляющая языковую единицу, передает о денотате этой языковой единицы; 2) значение – это информация, сообщаемая через означающее языкового знака; 3) значение – это та информация, которую получит любой носитель данного языка или представитель достаточно большой группы говорящих на этом языке; 4) значение – информация, которую получит слушатель через означающее языкового знака и только через него: дополнительные сведения, возникающие в сознании слушателя на основании общего смысла высказывания или имеющегося представления о денотате языковой единицы, не принадлежат значению языковой единицы (Селиверстова 2004, 35-36).

Так, значение есть информация, которую языковой знак сообщает о своем денотате, понятная *любому* носителю данного языка, при этом прагматические компоненты высказывания, энциклопедическая информация (кто-то знает больше, а кто-то меньше об одном и том же объекте) не принадлежат значению языковой единицы.

Рассматривая смежную со значением категорию *понятие*, О.А. Сулейманова отмечает, что значение шире понятия, и приводит в пример междометия, за которыми не стоит понятие, но у всех слов есть значение. Содержание понятия отражает существенные свойства объекта, и как термин понятие получает однозначное определение; значение же часто не отражает существенных свойств денотата и с трудом поддается определению. Так, например, слово *идиот* в психиатрии используется как термин, обозначающий человека, страдающего крайней степенью олигофрении. То же самое слово *идиот* в литературном языке вносит представление о том, что объект, номинируемый данным словом, глуп. Иными словами, лексическое значение слова *идиот* опирается на бытовые представления человека о глупости и

тупости людей, в то время как понятие *идиот* не осложнено ассоциациями и эмоционально нейтрально (Сулейманова 2015, 80).

Категория *концепт* представляет собой принципиально иное образование, нежели *значение* и *понятие*. В работе Ю.Е. Прохорова, посвященной исследованию концепта в его современном состоянии, приводятся определения данной категории, предложенные различными исследователями: «концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком; как единицы сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» (Е.С. Кубрякова); «единица языка мысли» (Т.А. Фесенко); «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя... свои разные признаки и слои» (И.А. Стернин); «концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром”» (Н.Д. Арутюнова); «концепт – это все то, что мы знаем об объекте, во всей экстенсии этого значения» (В.Н. Телия) (Прохоров 2008, 18-19). Иными словами, под концептом могут пониматься различные сущности.

В данном исследовании (вслед за О.Н. Селиверстовой) мы придерживаемся той точки зрения, что в случае если речь идет о значении языковой единицы, можно приравнять значение к концепту с учетом некоторых их различий – например, в содержании концепта отражены процессы концептуализации внеязыковых явлений, концепт часто «нагружен» экстралингвистическими представлениями и др. Такое понимание соотношения значения и концепта предполагает, что доступ к содержанию концепта обеспечивается через анализ семантики языковой единицы и таким образом его содержание полностью зависит от его языковой вербализации.

Проведенное экспериментальное исследование позволило выделить группу признаков в значениях языковых единиц *variety, diversity, range, set, selection, assortment, series (of)*, репрезентирующих концепт разнообразия. Обратимся к рассмотрению каждого выделенного признака; рассмотрим ключевые метатермины, используемые для описания данных признаков.

Первым метапонятием, которое используется для описания значений данных языковых единиц, является понятие *качественной определенности*, позволяющее описать денотат исследуемых слов с точки зрения характеристики самих объектов, составляющих пространство множества (см. описание второго метапонятия – «пространство множества»). Данное метапонятие применяется для интерпретации наличия или отсутствия общего категориального признака, объединяющего объекты множества.

Категория качества относится к универсальным философским и логическим категориям. Его первые трактовки в философии встречаются уже в трудах древнегреческих философов: например, Аристотель считал, что Качество есть нечто такое, «благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определенными» (Аристотель 1975, 165). Далее, когда объектами научного исследования становятся системы, Гегель предложил системную концепцию качества. Он определил качество как логическую категорию, составляющую начальную ступень познания вещей и становления мира, как непосредственную характеристику бытия объекта. «Качество есть вообще тождественная с бытием, непосредственная с бытием определенность... Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» (Гегель 1974, 228).

В философском словаре предлагается следующее определение данной категории: «Качественная определенность предметов и явлений есть то, что делает их устойчивыми, что разграничивает их и создает бесконечное разнообразие мира. Качество есть существенная определенность предмета, в силу которой он является данным, а не иным предметом и отличается от других предметов...» (Философский словарь 1991, 186-187).

Действительно, это позволяет говорить о том, что понятие «качество» приложимо к описанию всех объектов и вещей реального мира. Каждый объект есть для человека нечто определенное, то есть определенная совокупность тех или иных свойств. Совокупность всех свойств в их целостности и есть качество. Другими словами, качественная определенность

объекта есть совокупность существенных его свойств, позволяющих отличать данный объект от других объектов.

Таким образом, объекты множества можно разделить на две группы: обладающие либо одной качественной определенностью (объекты имеют общий категориальный признак), либо различающейся качественной определенностью (не объединены общим признаком).

В качестве примера можно рассмотреть класс шляп. Все шляпы являются объектами одной качественной определенности, вне зависимости от того, из какого материала изготовлена каждая конкретная шляпа, какую форму она имеет и т.д.; все шляпы объединены общим существенным свойством – наличием полей. В противном случае данный головной убор будет уже не шляпой, а шапкой, кепкой, бейсболкой и т.д. Таким образом, наличие полей является тем самым общим категориальным признаком, позволяющим отнести все шляпы к объектам одной качественной определенности, поскольку иные различия между объектами (форма, материал) представляются несущественными. Для носителей языка различие объектов по данным параметрам (одному или нескольким) может, в зависимости от ситуации, иметь принципиальное значение, и осмысление говорящим данных отличий влияет на выбор той или иной языковой единицы синонимического ряда, указывающей (как в примере со шляпами) на объекты разных видов (котелок, цилиндр, сомбреро, треуголка, канотье, ковбойская шляпа). Все эти объекты имеют одну качественную определенность, отличаясь друг от друга (формой), оставаясь при этом шляпами.

Совокупность объектов одной качественной определенности может быть представлена как некоторое множество, образующее пространство. Информация о таком пространстве множества может быть внесена исследуемыми существительными *variety*, *diversity*, *series (of)*, *set*, *assortment*, *selection*, *range*. Так, например, словосочетание *a variety of books* указывает на пространство множества объектов одной качественной определенности, при этом объекты (книги) могут принадлежать разным жанрам (романы, новеллы,

басни, повести, рассказы, мифы, баллады и т.д.), иметь различную целевую аудиторию (взрослые, дети, подростки) и пр. Все эти различия представляются несущественными, и данные объекты имеют общее ключевое свойство, а именно: представляют собой печатное произведение. Такое свойство можно назвать «гештальт-качеством» (свойства гештальта не вытекают из свойств его частей, а присущи ему в целом) (Евтеева 2014, 73). Или, например, *a set of knives*, где слово *knives* / *ножи* обозначает объекты одной качественной определенности, объединенные общим «существенным» свойством – все они являются режущим инструментом, имеющим клинок и рукоять. Как показало исследование, исследуемые слова *variety*, *series (of)*, *set*, *assortment*, *selection*, *range* указывают на объекты одной качественной определенности, которые объединены общим категориальным признаком. Слово *diversity* указывает на объекты разной качественной определенности, между которыми существуют серьезные отличия, на которых говорящий концентрирует свое внимание.

Проведенное исследование показало, что слово *diversity* часто сочетается с собирательными существительными (ср. *diversity of flora*), денотатом которых являются объекты, принадлежащие различным классам и имеющие разную качественную определенность. Кроме того, существительное *diversity* не используется для номинации материальных объектов, для которых можно объективно выделить общий категориальный признак, а напротив, используется с абстрактными наименованиями типа *cultures*, *ethnicities*, *opinion*, для которых выделение общего категориального признака не столь очевидно.

Как представляется, используя существительное *diversity* для номинации какого-либо пространства множества объектов, говорящий констатирует не просто наличие множества объектов, он делает акцент на их различии. Отношения между объектами, относящимися к различным подклассам и обладающими различными признаками и свойствами, можно схематично представить в виде $A \leftrightarrow B$; например, в словосочетании *diversity of cultures* в роли объектов двух подклассов выступают различные культуры – культура А

(предположим, это условно западная культура), культура В (условно восточная). Нет необходимости доказывать, что данные культуры не только во многом различны, но даже противоположны, как два культурных полюса с различными сценариями мироощущения и мировоззрения. Таким образом, слово *diversity* используется для обозначения объектов разной качественной определенности, принадлежащих к разным подклассам и имеющих противоположные признаки.

Таким образом, отнесение объектов множества к объектам одной качественной определенности либо к объектам разной качественной определенности представляется чрезвычайно важным при выборе той или иной единицы исследуемого синонимического ряда.

Вторым метапонятием, используемым в настоящем исследовании для описания значения исследуемых слов, является ***пространство множества***, представляющее собой такой тип пространств, когда образующие его элементы четко в нем вычленимы, то есть составляют дискретное множество некоторых объектов одной качественной определенности. При этом слово, используемое для номинации объектов разной качественной определенности, также может указывать на пространство множества – например, слово *diversity*. Информация о том, что речь идет о пространстве (множестве), привносится либо предлогом *in*, либо предлогом *of*, которые часто предполагают пространственную интерпретацию объекта. Ср. дефиницию предлога *in*: *in* – prep., used to indicate inclusion within space, a place, limits or within something abstract or immaterial [walking *in* the park], где элемент *inclusion within space* предполагает именно *включенность в некоторое пространство*. Данное определение свидетельствует о том, что предлог *in* описывает пространственные отношения и привносит представление о наличии некоторого ограниченного пространства (или совокупности), неотъемлемой частью / характеристикой которого является описываемый объект. Ср. выражение *diversity in early childhood education* – *совокупность образовательных подходов для детей младшего возраста*,

характеризующаяся их разнообразием, где содержится информация о наличии пространства множества образовательных подходов; предлог *in* вносит представление о том, что *diversity* (разнообразие) является общей характеристикой всей совокупности объектов – образовательных подходов.

Ср. также дефиницию предлога *of* в одном из значений: *of* – used to indicate possession, connection, or association (members of a group), где элементы *possession, connection* приносят представление о вовлеченности в сферу связей X-а. Иными словами, предлог *of* в данном значении передает отношение посессивности (в русском языке это отношение представлено падежными отношениями – ср. словосочетание *variety of directions* – разнообразие (чего?) направлений), он приносит информацию о некоторых отношениях, в которые вступают объекты, принадлежащие одному множеству.

Все выбранные слова *variety, series (of), set, assortment, range, selection, diversity* могут использоваться в составе именной группы вида *X of / in N* (где X – исследуемые субстантивы с элементом значения «разнообразия», а N – пространство множества объектов).

Таким образом, взаимозаменяемость предлога *in*, вносящего информацию о наличии некоторого пространства (частью которого является объект) и предлога *of*, указывающего на множество объектов, подтверждает с лингвистической точки зрения смежность таких понятий как «пространство» и «множество».

Далее, для разграничения значений синонимичных существительных *variety, diversity, assortment, selection, range, series (of)* и *set* релевантными оказываются тип / характеристики самих объектов, составляющих это пространство, а также принцип организации и характер распределения объектов в рамках данного пространства множества. В первую очередь, рассмотрим семантические признаки, характеризующие само множество, в которое объединены объекты, и введем понятие *комплекса*. В психологии *комплекс* широко определяется как соединение отдельных психических

процессов в некое целое (ср. *комплекс* неполноценности). В Большой Советской энциклопедии *комплексом* названа совокупность предметов, явлений или свойств, образующих одно целое (БСЭ 1975). *Комплекс* как экономический термин представляет собой «группу взаимосвязанных отраслей, подотраслей, предприятий, производящих продукцию единой природы (многоотраслевой комплекс, межотраслевой комплекс, производственный комплекс); совокупность, сочетание объектов, предметов, действий, тесно связанных и взаимодействующих между собой, образующих единую целостность (Борисов 2003). Таким образом, в широком понимании *комплекс* представляет собой совокупность объектов, составляющих по какому-либо параметру единое целое.

В настоящем исследовании таким «объединяющим» параметром является общее для всех объектов функциональное назначение, позволяющее считать такое множество объектов комплексом: это множество объектов одной качественной определенности, объединенных функционально. Под функциональностью при этом понимается соответствие состава объектов множества определенной общей цели и назначению. Исследуемые слова *set*, *selection* используются для номинации именно комплекса объектов, а не простого множества. В качестве примера можно привести словосочетание *a set of kitchen knives* / *набор кухонных ножей*, в котором вносится информация о множестве объектов – ножах, которые объединены вместе для выполнения общей функции – участвовать в приготовлении пищи. Следует отметить, что метатермин *комплекс* вводится в настоящей работе впервые, в работах исследователей, посвященных описанию тех или иных лингвистических явлений, ранее он не использовался.

Другим важнейшим метапонятием, характеризующим множество объектов, является понятие *категории*. Процесс категоризации является одним из базовых когнитивных процессов, которые лежат в основе деятельности сознания – как отмечает Е.С. Кубрякова, категоризация позволяет систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних

явлений в противовес различию других (Кубрякова 1997, 85). В когнитивной науке вопрос о категоризации постулируется как вопрос о том, «на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, то есть классифицирует их и подводит под такие объединения - классы, разряды, группировки, множества, категории» (Кубрякова 1997, 45-46). В настоящем исследовании объекты, объединенные в множество на основании общего существенного свойства, называются категорией. Иными словами, под категорией понимаются объекты одной качественной определенности, имеющие общее свойство и некоторые незначительные различия, которые при этом не препятствуют объединению их в одну категорию. Соотношение объектов такого множества можно схематично представить в виде $A' - A'' - A'''$, где A' , A'' , A''' обозначают объекты, имеющие незначительные различия и являющиеся при этом, в какой-то степени, частями одного целого. Рассмотрим, например, словосочетание *a variety of cultures in Asia*. Азиатские культуры – культуры стран и коренных народов в географическом пространстве Азии. Вместе с тем, данное понятие включает в себя общие характерные для разных стран, народов и культур Азии черты, позволяющие говорить об их культурной идентичности, то есть Азия всегда воспринималась и воспринимается как единое культурное пространство. Таким образом, объекты одной качественной определенности, имеющие незначительные различия, образуют категорию. Для номинации таких категорий объектов, как показало исследование, используются существительные *variety, assortment*.

Релевантной для описания семантики выбранных существительных также оказывается информация о характере распределения объектов одной качественной определенности в рамках множества. Объекты, объединенные в категорию, имеют свой принцип организации и могут быть расположены как упорядоченно, так и неупорядоченно. Под **упорядоченностью** в рамках данной работы понимается наличие некоторой закономерности (логического

правила) в размещении объектов множества. Объекты будут считаться неупорядоченными, если в их распределении в рамках множества отсутствует какая-либо закономерность. Характер упорядоченности объектов разделяется на два типа: временной (в слове *series (of)*), когда объекты (события), на которые указывает данное существительное, следуют одно за другим на воображаемой шкале времени, и пространственный (линейный) (слово *range*), предполагающий расположение объектов вдоль некоторой линейной (числовой) шкалы. В последнем случае множество объектов может быть не только упорядоченным, но и ограниченным, поскольку представление о линейной шкале предполагает возможность выделения диапазона с четко обозначенными границами, в рамках которых расположены объекты. Так, множество может быть представлено как:

1) временная последовательность (ср. *a series of historical events / хронология исторических событий*, где ИГ *a series of* используется для номинации событий, которые следуют одно за другим;

2) линейная последовательность (ср. *a range of temperatures*, где слово *range* указывает на значения температуры, расположенные в рамках линейной шкалы).

Таким образом, для описания различительных признаков в значениях исследуемых существительных *variety*, *diversity*, *assortment*, *selection*, *range*, *series (of)* и *set* релевантными оказываются такие метапонятия как комплекс и категория, характеризующие пространство множества, в которое объединены объекты, а также понятия линейной и временной последовательности, отражающие характер распределения объектов в рамках данного пространства множества.

Выводы по Главе I

В данной главе проанализированы существующие трактовки пространства с точки зрения его восприятия человеком и расположения в нем объектов. Обосновано антропоцентричное (Лейбницевское) понимание пространства, в рамках которого пространство вторично по отношению к объектам, его составляющим. Такое «эгоцентричное» понимание пространства вполне согласуется с пониманием пространства многими отечественными лингвистами. Рассмотрены возможности интерпретации пространства как локуса и в его метафорическом понимании (пространство действия, ситуации и другие) (Богуславская 2000; Семенова 2000; Тошович 2000, Кодзасов 2000; Маляр, Селиверстова 1983; Никитина 2001; Фомина 2009).

В Главе I пространство рассматривается так, как оно понимается в точных науках, через понятие множества. Приведены определения множества из теории множеств Г. Кантора и определение класса (под которым фактически понимается множество) Б. Рассела. На основании данных определений приводится обоснование отличия интерпретации пространства как множества в математике и пространства как множества в лингвистике, которое заключается в том, что в математике множество представляет собой совокупность объектов произвольной природы, в то время как в естественном языке в основе «организации» множеств лежит принцип релевантности. В рамках данной главы приведено теоретическое обоснование применимости этого принципа для интерпретации пространства как множества в лингвистике.

На основе сравнения интерпретаций пространства как множества в лингвистике и в точных науках, а также на материале работ О.Н. Селиверстовой, (которая выделила два разных типа множества: состоящее из элементов, которые не составляют единого целого, то есть не образуют один объект, и состоящее из элементов, образующих единый объект) и О.А. Сулеймановой, (выделившей пять способов представления множеств в

естественном языке) обосновано использование в настоящем исследовании термина «множество» по отношению к такому типу пространств, когда образующие его элементы четко в нем вычленимы, то есть составляют обычно дискретное множество некоторых объектов, объединенных общим релевантным свойством.

Введены метапонятия качественной определенности, пространства множества, категории, комплекса, а также линейной и временной последовательности как принципов организации объектов множества; обосновано их использование в работе для описания семантики исследуемых единиц *variety, diversity, selection, series (of), set, range, assortment*, репрезентирующих концепт разнообразия. Все вышеупомянутые метапонятия могут быть включены в арсенал инструментов метаязыка описания.

Глава II. МЕТОДОЛОГИЯ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для любого научного исследования первостепенное значение имеет выбор метода, соответствующего объекту и задачам работы. Для настоящего исследования представляется целесообразным использовать гипотетико-дедуктивный метод, в основе которого лежит эксперимент.

2.1 Метод компонентного анализа (КА) и гипотетико-дедуктивный метод (ГДМ)

Каждая область науки имеет свой определенный объект исследования и свои специфические методы исследования.

В настоящее время стало очевидным, что система методов, методология не может быть ограничена лишь сферой научного познания, она должна выходить за ее пределы и непременно включать и сферу практики. При этом необходимо иметь в виду тесное взаимодействие этих двух сфер.

Согласно философскому пониманию, метод (от греч. – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) – это способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом. Метод в науке – это также и заданный сопряженной гипотезой путь ученого к постижению предмета изучения. Методы складываются в ходе рефлексии над объектной (предметной) теорией и закрепляются в принципах, нормах и методиках исследования, реализуются через навыки, умения и т.д. конкретных исследователей и обеспечиваются соответствующими инструментальными средствами (НФС 2003).

Цель и задачи данного исследования обусловили применение таких методов лингвистического анализа, как метод компонентного анализа и гипотетико-дедуктивный метод. Кроме того, на предварительном этапе

данного исследования широко применялись дистрибутивный, валентный и контекстный (контекстологический) анализ. Остановимся на каждом из них.

Дистрибутивный анализ представляет собой предварительный и требующий больших временных затрат анализ, позволяющий суммировать наблюдаемые факты; в сущности это «черновая» подготовительная, хотя и трудоемкая работа. Далее, на основании данных дистрибуции исследователь строит гипотезу о свойствах языковой единицы. Так, например, дистрибутивный анализ существительного *selection* показал, что данное слово крайне редко используется для номинации абстрактных понятий типа *идеалы, принципы, стратегии, идеи*. На основании этих данных можно предположить, что в семантике исследуемого слова может содержаться информация о наличии некоего деятеля, осуществляющего отбор некоторого количества объектов из множества, причем им подобных на основании какого-либо, может быть субъективного, критерия. Редкая употребляемость слова *selection* с именами абстрактных понятий может объясняться именно тем, что такие понятия с трудом поддаются классифицированию и выделению субъектом общего для них всех и объективного критерия направленного отбора. Данная гипотеза была впоследствии подтверждена результатами эксперимента с носителями языка.

Валентный анализ имеет много общего с дистрибутивным анализом и часто рассматривается как частный случай последнего (Степанова 1973). При этом валентный анализ, сосредоточенный на потенциальных свойствах языковой единицы вступать в связи с другими словами, «скован» теми же ограничительными рамками, что и дистрибутивный анализ - он позволяет построить гипотезу, но не обеспечивает исследователя инструментарием для ее верификации (Сулейманова 1999).

Контекстный анализ связан с анализом ключевой роли контекста как основного условия реализации языковой единицы, поскольку вне контекста описание языковой единицы (особенно если это многозначное слово) невозможно вообще (Амосова 1963). Результатом применения данного

анализа, как и в случае предыдущих типов анализа, является гипотеза о значении языковой единицы.

Как представляется, данные виды анализа трудно позиционировать как методы, достаточные для решения исследуемой задачи, так как целью их применения является первичный анализ собранного языкового материала; их применение позволяет сформулировать первоначальную гипотезу и разработать эксперимент с носителями языка (информантами) для верификации сформулированной гипотезы и далее возведения ее в ранг теории, обладающей предсказательной силой. В принципе целью научного исследования является создание некоторой теории, «прошедшей» верификацию – и, таким образом, возведенной на основе экспериментальной проверки из гипотезы в ранг теории.

Таким образом, дистрибутивный, компонентный и валентный виды анализа позволяют выдвинуть гипотезу как форму научного познания, которая представляет собой положение, выдвигаемое в качестве предварительного, условного объяснения некоторого явления или группы явлений. В свою очередь, гипотеза, получившая экспериментальным путем подтверждение, становится теорией – формой научного знания, системой основных идей в какой-либо отрасли.

С точки зрения подтверждаемости и проверяемости выделяют три типа гипотез: во-первых, гипотезы, не проверяемые в рамках лингвистики, во-вторых, гипотезы, доказательство которых зависит от общелогических рассуждений (для таких гипотез экспериментальные данные либо очевидны, либо давно получены); и в-третьих, гипотезы, проверяемые в рамках лингвистики на основании нового экспериментального материала. К первому типу гипотез относятся такие лингвистические гипотезы, для проверки которых требуется обращение к другим наукам, прежде всего, к нейрофизиологии. Они связаны с такими особенностями организации речевого кода, которые не находят непосредственного проявления в речи как конечном продукте речевой деятельности. Например, ответ на вопросы о

соотношении языка и мыслительных процессов, протекающих в мозгу, в частности, вопрос о том, как именно «записаны» значения языковых единиц в памяти говорящих (в форме образов, перечисления признаков или иначе) возможно получить, лишь обратившись к нейрофизиологическим исследованиям. Так, в рамках одного из широко разрабатываемых в XX веке направлений лингвистики – генеративной грамматики Н. Хомского постулируется существование глубинных структур, из которых путем трансформации получают разнообразные поверхностные структуры. Мы полагаем, что данное утверждение может трактоваться как гипотеза, поскольку объективных доказательств в пользу того, что в сознании говорящего действительно происходят такие трансформации, за все время существования генеративной грамматики представлено не было. В качестве еще одного примера гипотез такого типа можно рассмотреть утверждение о существовании некоторого праязыка. Действительно, не было найдено реальных свидетельств его существования, несмотря на обилие древних текстов, написанных на разнообразных древних языках, включая руническое письмо.

Ко второму типу гипотез относятся такие гипотезы, для которых экспериментальный материал уже имеется, и перед исследователем стоит задача установить логические связи между этим материалом и теоретическими положениями. В качестве примера таких гипотез можно привести доказательства разграничения значения и денотата, например, в работах Г. Фреге, А.И. Смирницкого и многих других.

Третий тип гипотез требует обоснования на базе полученных экспериментальных данных с применением различных методов (Селиверстова 2004, 60-71), и именно данный тип гипотез требует экспериментальной верификации, которая далее позволяет получить лингвистические знания в виде доказанной теории. Таким образом, в данном случае ведущая роль в исследовательской процедуре принадлежит эксперименту. Нужно сказать, что к настоящему времени в лингвистике сложились традиции экспериментальной

работы – лингвистика успешно использует различные виды экспериментальной верификации в рамках различных направлений исследований. В связи с этим можно выделить несколько видов лингвистических экспериментов:

- психолингвистический (чаще всего ассоциативный) эксперимент, нацеленный на выявление того, как именно соотнесены между собой структуры языкового знания (основан на исследовании спонтанной реакции на предъявляемый стимул);

- эксперимент в лингвистической типологии, целью которого является выявление фонологической, морфологической, словообразовательной, грамматической системы изучаемого языка (основан на анализе спонтанной речи носителей языка);

- эксперимент в лингвистической семантике, представляющий собой анализ языкового материала информантом-носителем языка (Сулейманова, Фомина 2010, 85).

Данные типы эксперимента различаются по своим познавательным установкам, решаемым задачам, формату подготовки и проведения и др. Психолингвистический эксперимент нацелен на то, чтобы выяснить, как представлены структуры языкового знания (языковые единицы) в сознании индивида и общества, и какая связь существует между ними. (Семантика языковой единицы не исследуется, исследуется взаимодействие единиц в языковом сознании – то, что не поддается наблюдению). Типологический эксперимент ставит задачу получения описания языковой системы на уровнях языкового знания (фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом) на основе накопленного корпуса данных, что в конечном итоге получает «практическое» выражение – в виде описаний грамматик и основанных на них практических учебников, фонетических и морфологических систем. В семантическом эксперименте ставится задача получения адекватного описания семантики языковой единицы (Сулейманова 2013, 61).

При исследовании существительных *variety, diversity, selection, series (of), set, range, assortment* использовался семантический эксперимент – выдвигаемые гипотезы проверялись с помощью гипотетико-дедуктивного метода; при этом выделялись дифференциальные признаки в семантической структуре каждой исследуемой языковой единицы в рамках такой исследовательской методики как компонентный анализ. Обратимся к описанию теоретических основ компонентного анализа, который широко применяется для описания значений языковых знаков. В современной лингвистике значение языкового знака понимается как сумма элементарных составных частей или семантических компонентов (сем), и «разложение» значения на эти части является способом его представления и описания – «ни одна адекватная теория смысла не может обойтись без процедур, обеспечивающих в той или иной степени компонентный анализ значений» (Апресян 1995-1, 113).

Метод компонентного анализа был разработан Н. С. Трубецким применительно к фонетическому уровню языка, и в силу своей эффективности распространился на исследование грамматических и лексических значений. Так, на материале грамматических значений метод компонентного анализа был применен Р.О. Якобсоном для описания категории падежа русских существительных. Впоследствии данный метод стал широко применяться в исследованиях по семантике синтаксиса, в частности, при описании семантики простых и сложных предложений (Гак 1998, Сулейманова 1999). Различие объектов, для исследования которых применяется метод компонентного анализа, предполагает существование большого количества вариантов данного метода, что объясняется, в первую очередь, разным пониманием значения и разными целями, которые ставили перед собой исследователи. В нашем исследовании метод компонентного анализа применяется в варианте, детально обоснованном в работах О.Н. Селиверстовой (Селиверстова 1975; 1980), О.А. Сулеймановой (Сулейманова 1985; 1986; 1988), Т.Д. Шабановой

(Шабанова 1998), Т.Н. Маляр (Маляр 2002), Е.В. Ильчук (Ильчук 2005) и других исследователей.

Вслед за О.Н. Селиверстовой под компонентным анализом понимается «процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т.е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» (Селиверстова 2004, 81). (См. тж. Lewis 1972, Bolinger, Sears 1981). Из приведенного определения следует, что общие и дифференциальные признаки образуют определенные иерархические структуры. Признак может считаться дифференциальным «независимо от того, является ли он единственным признаком, по которому различаются значения по крайней мере двух языковых единиц. Для признания признака дифференциальным достаточно, чтобы его составляла информация о дифференцирующем свойстве, представленном по крайней мере в двух вариантах (например, признак пола, распадающийся на два значения – женский/мужской), причем информация об отдельных вариантах входила бы в разные означаемые». Под интегральным признаком часто понимают «элемент информации, общий по крайней мере для двух языковых единиц и принадлежащий к более высокому иерархическому уровню по сравнению с теми элементами значения, по которым эти единицы различаются между собой, т.е. дифференцирующие элементы этих единиц должны быть более частными по сравнению с общим элементом значения, их объединяющим» (Селиверстова 2004, 82). Например, интегральным признаком в семантической структуре исследуемых слов *variety*, *diversity*, *selection*, *series (of)*, *set*, *range*, *assortment* является принадлежность объектов, на которые они указывают, к объектам одной качественной определенности. Дифференциальным признаком в значениях существительных *assortment*, *range* является признак упорядоченности: слово

assortment используется для номинации неупорядоченных объектов, слово *range* – упорядоченных.

Остановимся подробнее на условиях выделения интегрального и дифференциальных признаков. Для вычленения интегрального признака необходимыми и достаточными являются два условия. Во-первых, совпадающие части объектов А и В должны обладать отграниченностью от других частей, то есть элемент информации, составляющий интегральный признак, относится к отдельному иерархическому уровню, что и определяет его отделимость от целого. Во-вторых, должны существовать предпосылки для сопоставления А и В, то есть даже если у двух единиц четко выделяется общий признак, но сами единицы не сопоставляются друг с другом, то эти одинаковые части не будут вычленяться из целого. Интегральный признак, как следует из его определения, лежит в основе выделения дифференциальных признаков. Необходимым условием правильности выделения дифференциальных признаков является определения их связей с интегральным признаком (Селиверстова 2004, 83).

Применение компонентного анализа для исследования значений служит одним из эффективных средств выявления тех семантических различительных признаков в иерархической структуре значения слова, которые позволяют разграничить слова близкие по значению. Как представляется, при условии применения данного метода можно получить адекватное описание структуры значения единиц, не только выделив дифференцирующие компоненты, но и синтезировав их. При этом синтез осуществляется на новом, более высоком уровне познания, в результате чего постигается структура значения слова, выявляются скрытые до анализа элементы.

Вместе с тем, как справедливо отмечает О.Н. Селиверстова, «многие недостатки применения компонентного анализа...связаны с процедурами проверки семантических результатов...Компонентный анализ вообще часто используется не как исследовательский метод, а как метод систематизации уже имеющихся сведений о значении» (Селиверстова 2004, 90). Подобным

образом оценивает компонентный анализ и О.А. Сулейманова, обозначая его как «исходную посылку о структуре значения языковых единиц и определенный исследовательский прием, который представляет найти способ представления этого значения» (Сулейманова 2004, 12-13).

Таким образом, метод компонентного анализа сложно признать достаточным инструментом для получения адекватных результатов, он «должен быть соединен с другими процедурами исследования и, прежде всего, с гипотетико-дедуктивным методом» (Селиверстова 1980, 300), который и является основным при проведении данного исследования, и его можно рассматривать как один из перспективных методов в современной лингвистике.

Суть гипотетико-дедуктивного метода заключается в создании системы гипотез, дедуктивно связанных между собой и отвечающих задачам исследования, их экспериментальной верификации и формулировании научно обоснованной теории. Сочетание гипотетико-дедуктивного метода с компонентным анализом и прочими методиками представляет собой надежный инструмент «измерения» смыслов, что приближает лингвистику к точным наукам. Кроме того, подобная методика позволяет работать над созданием словарей нового поколения (Селиверстова 1998).

В общем виде эта процедура исследования разделяется на четыре основных этапа:

- «1. Сбор фактов и их индуктивное обобщение;
2. выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями;
3. выводение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории;
4. проверка теории путем сопоставления полученных следствий с фактами» (Степанов 1974, 137).

Основу гипотетико-дедуктивного метода составляет экспериментальная методика, применение которой обеспечивает проверку выдвинутых гипотез. О

необходимости экспериментальной верификации языковых фактов писал еще Л.В. Щерба (Щерба 1974).

В настоящее время экспериментальный метод находит широкое применение в современной отечественной лингвистике. (См., например, (Селиверстова 1968; 1975; 1976; 2004; Сулейманова 1985; Шабанова 1998; Маляр 2000 и др.)). Отдельные теоретические и практические аспекты эксперимента рассмотрены в работах Э. Г. Бендикса (Bendix 1966; Бендикс 1983), У. Лабова (Лабов 1983), Дж. Лича (Лич 1983), М.Ю. Евтеевой (Евтеева 2014), О.Г. Лукошус (Лукошус 2015). С применением экспериментальной методики выполнены многочисленные исследования (Vendler 1967; Bolinger 1977; Hawkins 1978; Freed 1979; Усонене 1983; Сулейманова 1985; 2000; Зализняк 1992; Апресян 1995а; Падучева 1996; 2001; Шатуновский 1996; Шабанова 1998; Маляр 2001; Ильчук 2005; Кимов 2010; Кольцова 2011; Гучепшокова 2011; Бубырева 2011; Анохина 2011).

Под экспериментом, вслед за О.Н. Селиверстовой, мы будем понимать «процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость существования явления от тех или иных параметров» (Селиверстова 2004, 93).

Теоретическую основу применения эксперимента в семантике составляют два условия: воспроизводимость явления в речи и возможность контролировать условия этого воспроизведения. Так, языковые явления постоянно воспроизводятся в речи не произвольно, а в соответствии со своеобразными языковыми законами, которые объективно существуют. Попытка описания значения, в частности, представляет собой выявление некоторого частного закона, который действует для языковой единицы, определяя условия, в которых она может быть воспроизведена, а также внося знание о той информации, которая закреплена за означающим (Селиверстова 2004, 93–95).

Несмотря на большую теоретическую и практическую значимость применения эксперимента в семантике, у отдельных исследователей до сих

пор возникают некоторые сомнения относительно оправданности применения эксперимента в лингвистике. Как полагает О.Н. Селиверстова, сомнения, связанные с возможностью применения эксперимента в лингвистике, могут быть обусловлены двумя причинами:

1) пониманием языка не как «системы знаков», особого вида кода, существующего в каждом акте речи (по Ф. де Соссюру), а как некоторой абстракции, нормы, не существующей в речи (Селиверстова 2004, 92-93).

2) трудностью постановки эксперимента в лингвистике (Селиверстова 2004, 93).

Трудность постановки эксперимента в лингвистике обусловлена некоторыми его особенностями. Остановимся на них подробнее.

2.1.1. Особенности семантического эксперимента

Эксперимент является одним из главных методов научного познания, основой эмпирического подхода к знанию. По утверждению К. Поппера, наука отличается от псевдонауки именно своим эмпирическим методом, который базируется на эксперименте.

Теоретическая и практическая важность эксперимента в семантике находит свое обоснование в работе Л.В. Щербы (Щерба 1974). До него близкие взгляды высказывали И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, О. Есперсен и другие. Однако широкое применение данный метод исследования получил только в самое последнее время. Подробное его изложение можно найти в работах О.Н. Селиверстовой (Селиверстова 1980), О.А. Сулеймановой (Сулейманова 1985) и их последователей. По мнению О.А. Сулеймановой, область применения эксперимента в лингвистике широка, и его использование будет постоянно возрастать, в том числе, по причине развития исследований на грани лингвистики и других наук – психологии, нейрофизиологии и других. Использование эксперимента в языковой семантике приведет к повышению точности описаний, «что особенно важно при исследовании синонимов, различие между которыми с трудом поддается

фиксации, а также при исследовании многих «трудноуловимых» категориальных признаков» (Сулейманова 2016, 20-21).

Эксперимент в общем виде можно определить, как процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость этого явления от тех или иных параметров. Зависимость устанавливается в результате поочередного изменения каждого из параметров при фиксации остальных (Сулейманова, там же). В настоящем исследовании эксперимент является методом верификации гипотез в рамках гипотетико-дедуктивного метода исследования. Использование эксперимента в семантических исследованиях сопряжено с рядом трудностей, преодоление которых предполагает постоянное совершенствование данной методики.

2.1.1.1. Использование информантов в семантическом эксперименте

Использование гипотетико-дедуктивного метода в лингвистике предполагает привлечение к участию в эксперименте информанта – носителя языка. Он может не только сам воспроизводить лингвистическое явление, но и оценивать правильность / неправильность высказывания, воспроизведенного кем-то другим, то есть «человек является тем инструментом, который создает явление, и тем прибором, который его регистрирует» (Селиверстова 2004, 95).

В связи с этим многие исследователи высказывают серьезные сомнения относительно целесообразности использования информантов в качестве средства проверки достоверности полученных результатов в рамках семантического эксперимента. Они аргументируют это тем, что полученные данные могут быть субъективны и недостоверны, поскольку, например, уровень языковой компетенции информантов как носителей языка может быть разным.

Попытаемся привести аргументы в пользу использования в семантическом эксперименте информантов-носителей языка, а также

остановимся подробнее на способах устранения недостатков, которые могут вносить элемент субъективизма в исследование.

Воспроизводя лингвистическое явление или оценивая его, информант действует не произвольно, а по определенным законам, вытекающим из характера означаемого. Так, Л.В. Щерба считал, что оценочное чувство правильности или неправильности того или иного речевого высказывания у носителя языка социально обосновано, является функцией языковой системы (величины социальной) и потому может служить для ее исследования. Кроме того, по утверждению исследователя, индивидуальная речевая система является конкретным проявлением языковой системы, и поэтому «исследование первой для познания второй вполне законно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких "индивидуальных языковых систем" (Щерба 1974, 24-39). Иными словами, использование эксперимента с участием информантов вполне обосновано, однако для валидности выводов необходимо провести сравнительный анализ результатов, полученных от некоторого числа носителей языка, то есть использовать в эксперименте не одного, а нескольких информантов.

Вполне естественно, что как и у любого «инструмента», у информанта могут быть свои «погрешности измерения». Они могут быть следствием либо случайных факторов, либо индивидуальных факторов, либо постоянных факторов, либо неправильной постановкой самого эксперимента.

К случайным факторам можно отнести такие факторы, как усталость, плохое самочувствие, несерьезное отношение к эксперименту. Эти факторы носят скорее временный характер. Хотя расхождений, вызванных влиянием случайных факторов, невозможно избежать, существуют математико-статистические методы, позволяющие отделить фактор случайности от оценки, определяемой языковыми законами. Подробное описание методов математической статистики содержится в работе О.А. Сулеймановой (Сулейманова 1985).

Безусловно, в оценках информантов в той или иной степени присутствует и отражение индивидуальных особенностей понимания смысла конкретных языковых единиц. Вследствие этого информанты по-разному могут оценивать одинаковые предложения. Вместе с тем, есть основания полагать, что поскольку понимание между носителями языка не только возможно, но и реально существует, то отражение «индивидуального» присутствует в оценках информантов в незначительной степени. Более того, при использовании определенных математико-статистических методов обработки данных степень влияния индивидуальных особенностей осмысления и понимания может быть количественно определена. Как показывает практика, влияние индивидуального понимания попадает в предел статистической погрешности и, таким образом, ее влиянием на общий результат можно пренебречь (Селиверстова, Сулейманова 1988).

Как представляется, на индивидуальные особенности понимания языковых единиц влияет такой внешний фактор как окружение информанта, его языковая среда. Если, например, информант в силу специфики своей трудовой деятельности работает с носителями языка, для которых английский язык не является родным, данная ситуация неизменно влияет на восприятие информанта – он становится более терпимым к ошибкам и неправильным языковым употреблением, и тот вариант словоупотребления, который мог бы показаться неприемлемым информанту, общающемуся только с носителями языка, такому информанту уже не кажется столь неграмотным. Вместе с тем, значительного влияния на языковое чутье такой фактор не оказывает. Информант все равно правильно отметит, приемлемо или неприемлемо то или иное высказывание. Возможная погрешность измерений касается только тех предложений, которые могут быть оценены по пятибалльной шкале в диапазоне от 4 до 2. Ср., например, высказывание *A diversity of cuisine is offered in the city's numerous restaurants*, которому информанты поставили оценку в 3 или 2 балла. Многие информанты при этом отметили, что данное предложение все-таки представляется неверным и

предлагали его перефразировать, употребив прилагательное *diverse* вместо существительного *diversity* или добавив оценочную характеристику объекта номинации, сделав таким образом предложение «более приемлемым» (more acceptable):

«*The context here seems wrong. It needs variety adding to it, to be a good sentence, as is. Eg: A diverse variety of cuisine....*» Or, it would generally use the «*The diversity of cuisine ... is good / bad / whatever*». Напротив, не вызывает сомнения правильность оценки высказываний, которые информанты оценили как неприемлемые, ср. *A *diversity of flower pots was neatly arranged on the window sill according to their size and for some purpose* или, наоборот, как приемлемые, предпочтительные, ср. *The diversity of our people is one of our core strengths*.

Кроме того, для исключения случайных ошибок и индивидуальных особенностей употребления лексических единиц необходимо опрашивать достаточное количество информантов. В связи с этим возникает вопрос о необходимом и достаточном числе информантов для обеспечения валидности результатов. Как пишет О.Н. Селиверстова, «достаточно опросить 12-15 человек: при таком количестве опрошенных появляется возможность оценить, какие расхождения в ответах информантов являются случайными или же вызванными разным осмыслением денотативной ситуации, а какие свидетельствуют о несовпадении языковых кодов информантов» (Селиверстова 2004, 126). В работе О.А. Сулеймановой, при рассмотрении данного аспекта экспериментальной методики, с помощью аппарата теории вероятностей установлено, что в большинстве случаев достаточно опросить 5-8 информантов (при условии, что опрашивается не менее 5 высказываний) (Сулейманова 1985, 23).

К постоянным факторам, которые могут серьезно ухудшить качество лингвистического эксперимента, можно отнести неспособность некоторых информантов к участию в лингвистическом эксперименте или их неумение осознанно относиться к процессу речевой деятельности (Селиверстова 2004,

96). В связи с этим подчеркнем, что информантом может быть далеко не каждый носитель языка. Необходим определенный отбор информантов. В качестве потенциальных информантов можно рассматривать людей с высшим образованием или студентов гуманитарных факультетов, предпочтение отдаётся информантам – журналистам, писателям, редакторам, преподавателям ВУЗов, то есть людям, которые способны осознанно относиться к своей речевой деятельности. Следует отметить, что способность информанта осознанно относиться к своей речевой деятельности является главным условием его привлечения к участию в семантическом эксперименте. Можно также проверить «надежность» информанта, то есть его способность принимать участие в эксперименте. Начиная работу, исследователь изучает художественную литературу, публицистику, он заранее знает много условий употребления исследуемой языковой единицы. Поэтому можно задать вопросы, ответы на которые исследователю уже известны либо из литературных источников, либо на основании предшествующей работы с другими (надежными) информантами (Селиверстова 2004, 97).

В рамках настоящего исследования в опросе принимали участие семь информантов, трое из которых являются носителями британского варианта английского языка, четверо – американского. Все без исключения носители языка имеют высшее образование, двое из них имеют квалификацию бакалавра в лингвистике, философии и славянских языках. Возраст принимающих участие в опросе информантов составляет от 30 до 60 лет.

Таким образом, отбор информантов, проверка их «надежности» играют важную роль при проведении семантического эксперимента. Кроме того, значимой и неотъемлемой частью эксперимента является подготовка инструкции и бланка опроса для информанта. Особенно актуальным этот этап эксперимента становится в связи с утверждением противников использования информантов о том, что последние вносят в исследование определенную долю субъективизма еще и вследствие того, что они могут по-разному осмысливать денотативную ситуацию (предлагаемые для оценки предложения) и

соответственно, саму шкалу оценок, в соответствии с которой информантам предлагается оценить правильность/неправильность высказывания. Для того чтобы исключить такую ситуацию, в инструкции необходимо эксплицитно объяснить информанту, какая перед ним стоит задача, а также эксплицитно задать систему оценок. В данной работе используется пятибалльная шкала оценок, предложенная А. Тимберлейком (Тимберлейк 1985):

<i>Rating</i> (оценка)	<i>Meaning</i> (обозначение)	<i>Comment</i> (пояснение)
5	<i>Unacceptable</i> (неприемлемо)	<i>Not occurring</i> (не употребляется)
4	<i>Marginally acceptable</i> (на грани приемлемости)	<i>Rare</i> (встречается крайне редко)
3	<i>Not preferred</i> (не предпочтительно)	<i>Infrequent</i> (встречается не часто)
2	<i>Acceptable, not preferred</i> (приемлемо, не предпочтительно)	<i>Frequent</i> (встречается часто)
1	<i>Acceptable, preferred</i> (приемлемо, предпочтительно)	<i>Most frequent</i> (встречается наиболее часто)

Данная шкала, на наш взгляд, имеет важное преимущество при работе с англоязычными культурами; для русскоязычной культуры она была бы иной. Как хорошо известно, для русскоязычной культуры традиционно высшей оценкой является 5, а низшей – 1, в то время как в англоязычном мире высшим баллом является 1, а низшим – 4, то есть шкала оценок, построенная таким

образом, не будет создавать ненужных трудностей психологического характера.

Пример стандартной анкеты, предложенной М.А. Фоминой (Фомина 2009) и используемой многими исследователями в диссертационных работах, для предъявления информантам – носителям английского языка, представлен ниже (языковой материал – наш).

Таблица 1. Пример анкеты для заполнения информантами

QUESTIONNAIRE

Name: _____

Nationality: _____

Age: _____

Qualifications: _____

DIRECTIONS

- *Grade each of the sentences below according to the following scale:*

<i>Rating</i>	<i>Meaning</i>	<i>Comment</i>
5	<i>Unacceptable</i>	<i>Not occurring</i>
4	<i>Marginally acceptable</i>	<i>Rare</i>
3	<i>Not preferred</i>	<i>Infrequent</i>
2	<i>Acceptable, not preferred</i>	<i>Frequent</i>
1	<i>Acceptable,</i>	<i>Most frequent</i>

	<i>preferred</i>	

NOTE: Grade sentences with reference to the norm of standard English (slang, vernacular, argot or stylistically marked words **are not in the focus of investigation**)

Useful hints to prevent possible misapprehension

1. Do not try to assess the degree of synonymy of the words analysed
2. Do not develop possible contexts that may seem to be implied by the words used in the statements; assess the acceptability of the utterances judging by the way the information is presented
3. Still if you feel that the context is insufficient to assess the acceptability of the sentence suggest your own context in the column «comments» corresponding to the sentence (A-G). Then grade the utterance according to the context offered by you

Any of your comments will be highly appreciated!

		Rating	Notes & Comments
	He wore a black leather jacket and his legs were wrapped in an <u>assortment</u> of rags and torn denim.		
	He wore a black leather jacket and his legs were wrapped in a <u>variety</u> of rags and torn denim.		

	He wore a black leather jacket and his legs were wrapped in a <u>selection</u> of rags and torn denim.		
	He wore a black leather jacket and his legs were wrapped in a <u>range</u> of rags and torn denim.		
		Rating	Notes &
	Reading schemes have been heavily criticized for a <u>range</u> of reasons.		
	Reading schemes have been heavily criticized for a <u>variety</u> of reasons.		
	Reading schemes have been heavily criticized for a <u>selection</u> of reasons.		
	Reading schemes have been heavily criticized for an <u>assortment</u> of reasons.		

THANK YOU!

Как представляется, приведенный бланк опроса является удобным для информанта и оказывает положительное влияние на чистоту эксперимента.

2.1.1.2. Пошаговая процедура проведения семантического эксперимента

Как и любой научный метод исследования, эксперимент предусматривает для исследователя возможность изменения условий проведения эксперимента, а также последовательности его проведения. Пошаговая процедура применения гипотетико-дедуктивного метода получила

детальное описание в работе О.С. Белайчук (Белайчук 2004), которая выделяет 11 шагов в рамках данной процедуры:

- 1) сбор примеров;
- 2) индуктивное обобщение;
- 3) формирование репрезентативной выборки;
- 4) замена исходной лексической единицы в репрезентативной выборке на ее синоним;
- 5) предъявление экспериментальной выборки примеров информанту-носителю языка для оценки их правильности или неправильности;
- 6) анализ результатов эксперимента;
- 7) построение гипотезы о дифференциальных семантических признаках исследуемых лексических единиц на основе опытных данных;
- 8) проверка построенной гипотезы на имеющемся языковом материале;
- 9) построение новой экспериментальной выборки, но по другому принципу, нежели на этапе 4 (используя направленное варьирование одного параметра);
- 10) предъявление экспериментальной выборки информанту-носителю языка для оценки правильности или неправильности полученных высказываний;
- 11) анализ результатов эксперимента, подтверждение / неподтверждение выдвинутой гипотезы.

В ходе исследования разработанный О.С. Белайчук алгоритм оказалось необходимо дополнить и уточнить вследствие появившихся новых интернет-технологий, открывающих новые возможности для лингвистических исследований. Остановимся подробнее на описании алгоритма, примененного в настоящей работе.

Шаг 1. Сбор примеров. На данном этапе семантического анализа исследователь собирает фактический материал с целью последующего выдвижения гипотезы на основе полученных оценок информанта. Источником материала в данном исследовании послужили словарные статьи толковых

словарей английского языка, англо-русских словарей, англоязычных словарей синонимов. (Обратим внимание на то, что в целом мы критично относимся к описаниям значений лексических единиц, предлагаемых в словарях. Ознакомление со словарными дефинициями слов *variety, diversity, set, series (of), assortment, range, selection* свидетельствует о том, что в словарных статьях большинства современных толковых словарей одно слово трактуется через другое, или предлагаются совпадающие определения – подробнее см. стр.6-7), однако примеры употребления и опрос информантов показывают, что выбранные слова не являются взаимозаменяемыми во всех контекстах, а, значит, в их семантике присутствуют существенные различия.

Далее, были включены примеры из современных газетных публикаций, англоязычных интернет-сайтов и корпусов текстов British National Corpus – BNC и Corpus of Contemporary American English – COCA. Кроме того, ценные примеры были предложены и самими информантами – носителями языка. Всего собрано более 6 тысяч примеров, в которых встречались исследуемые единицы *variety, diversity, series (of), set, assortment, range, selection*.

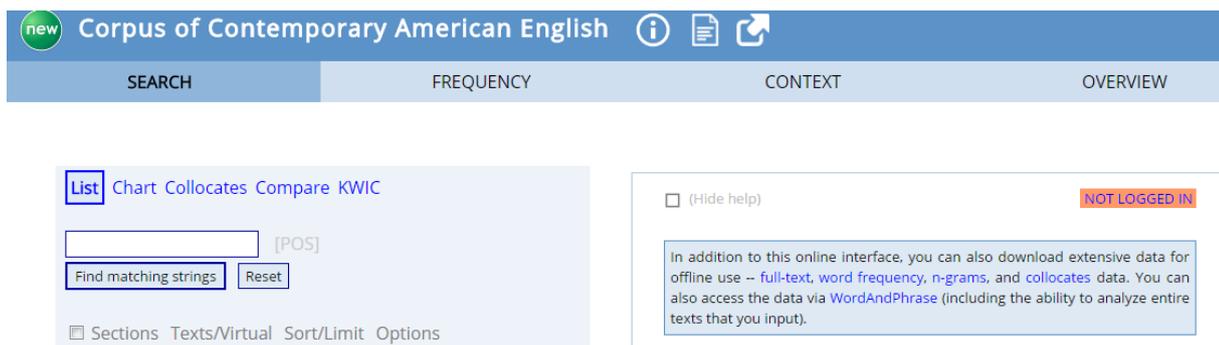
Основное количество примеров было взято из корпусов текстов. Корпус представляет собой информационно-справочную систему, основанную на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п. Национальный корпус создается лингвистами (специалистами по корпусной лингвистике, быстро развивающейся современной области языкознания) для научных исследований и обучения языку.

Как правило, национальный корпус имеет две важные особенности. Во-первых, он характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные,

деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и что все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Хорошая представительность достигается только при значительном объеме корпуса (десятки и сотни миллионов словоупотреблений).

Во-вторых, корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию). Разметка — главная характеристика корпуса; она отличает корпус от простых коллекций (или «библиотек») текстов, в изобилии представленных в современном интернете

Большинство крупных языков мира уже имеет свои национальные корпуса (различающиеся по полноте и уровню научной обработки текстов). В настоящей работе активно использовался корпус современного американского английского языка – Corpus of Contemporary American English, который представляет собой широко используемый и самый большой по объему языкового материала корпус текстов. Данный корпус представлен более 520 млн словоупотреблений (20 млн слов, собранных каждый год начиная с 1990 по 2015) устной и письменной речи американского варианта английского языка. Тексты корпуса представлены 5 основными жанрами: разговорный язык, художественная литература, популярные журналы, научные журналы и газеты. В корпусе заложено множество возможностей для детального исследования слова, его окружения, сочетаемости, частотности и т.д. Рассмотрим эти возможности и его структуру. При входе на сайт открывается набор опций: поиск, частотность, контекст и обзор. (См. скриншот и его описание ниже).

Слева находится панель поиска. В верхней строке **List** наберем, например, исследуемую в диссертации единицу *variety (of)* и увидим количество найденных высказываний – 30170. При нажатии на само слово ниже выпадет «порция» в 100 высказываний, где оно встречается. Высказывание может быть незавершенным или не иметь начала. Главное, что слово показано в своем правом и левом окружении (более 10 слов), то есть материал для проведения, например, дистрибутивного анализа можно собрать очень быстро. При необходимости можно запросить полный контекст с указанием источника.

В списке высказываний справа указывается дата включения текста в корпус (в верхней части списка самые современные варианты – указан 2015 год). В следующем столбце обозначен жанр (разговорный язык, художественная литература, популярные журналы, научные журналы и газеты), за ним столбец с указанием контекстов – из какого журнала / книги / телевизионной передачи взято высказывание.

В том случае, если необходимо проанализировать дистрибуцию слова (правую и / или левую), следует выбрать поисковую строку **Collocates** (Словосочетания), щелкнув на нее мышью. Далее будет предложено два ниспадающих списка: правый и левый, максимально возможное количество слов для каждого списка составляет 9. В качестве примера выберем для слова *variety* одно слово в качестве левой дистрибуции, в правом списке укажем 0, получаем перечень слов, с которыми чаще всего употребляется это слово в своем ближайшем левом окружении, начиная с самого частотного (указана также частотность как количество встречаемостей именно с этим словом во всех контекстах с исследуемым словом). Так, слово *variety* чаще всего употребляется с артиклем *a* – 22582 раза, можно также просмотреть все эти контексты употреблений, нажав на *A* (артикль). Для нашего исследования данные по сочетаемости с артиклем нерелевантны, тогда как высокая сочетаемость существительного *variety* (вторая по количеству встречаемостей после артикля *a*) с прилагательным *wide* – 3056 раз представляет интерес в

рамках проведения дистрибутивного анализа левой сочетаемости исследуемых слов (подробно см. далее).

Если при этом в правой панели поиска отметить окно Sections и нажать Search (Поиск), отобразится таблица с частотностью употребления данного словосочетания (*a variety of*) во всех пяти жанрах: SPOKEN (разговорный стиль), FICTION (художественная литература), MAGAZINE (популярные журналы), NEWSPAPER (газеты), ACADEMIC (научный стиль). Как показывает таблица, словосочетание *a variety of* наиболее характерно для научного стиля (11355 встречаемостей).

В этой же таблице справа видна частотность употребления данного словосочетания по временным периодам: 1990-1994, 1995-1999, 2000-2004, 2005-2009, 2010-2015. ИГ *a variety of* стала более употребительной в последний временной отрезок, ср. 4353 контекста в 1990-1994 и 4955 в период 2010-2015.

Для того чтобы получить данные о частотности употреблений исследуемого слова по временным периодам и языковым жанрам используем **Chart** (Таблица) как вид представления данных. Выбрав данную возможность на панели слева, вводим ИГ *variety of* в строку поиска, и из появившейся таблицы видно распределение по жанрам: чаще всего оно встречается в научном стиле, реже всего – в разговорном. Во второй части таблицы также показано, что частотность употребления данного слова сохранялась примерно на одном уровне – около 6000 встречаемостей. Данный расчет частотности представлен в графе таблицы FREQ (Частотность) и представляет собой приблизительный расчет. Ниже представлен упорядоченный расчет – PER MIL (На миллион) – количество словоупотреблений на 1 миллион. Согласно такому расчету, частотность употребления слова *variety of* снизилась, но незначительно, ср. 58,25 в 1990 -1994 годах и 52,48 в 2010-2015 годах.

Нажав на строку с наименованием жанра, получаем распределение исследуемого слова по поджанрам в зависимости от частотности употребления. Так, тексты в научном стиле подразделяются на тексты по

истории, естественным наукам, медицине, образованию, технологиям и т.д. с указанием частотности употребления слова в каждой группе.

Выбрав на панели поиска строку **Compare**, мы сравним сочетаемость (правую и / или левую) двух исследуемых слов. (Правила указания количества слов до и после исследуемого слова см. выше – описание работы со строкой **Collocates**). Так, существительное *variety of* в своем правом окружении чаще всего употребляется в словосочетании *variety of reasons* (875 раз), в таком сочетании *diversity of* встречается дважды, при этом самая высокая правая сочетаемость данного слова отмечается со словом *opinion* (*diversity of opinion* – 89 раз), словосочетание *variety of opinion* является редким (встречается всего 5 раз). Такие результаты дистрибутивного анализа в сочетании с контент-анализом позволяют утверждать, что слово *variety* широко сочетается с существительным *reasons* / *причины*, в отличие от слова *diversity*, которое в таком окружении практически не встречается; со словом *opinion* / *мнение* наблюдается обратная картина. В силу этого можно выдвинуть гипотезу о том, что слово *variety* вносит информацию о том, что явления, на которые оно указывает, отличаются между собой незначительно, что позволяет ему употребляться в высказываниях типа *There is a variety of reasons why he came* / *Есть ряд причин, по которым он пришел*. Слово *diversity*, напротив, указывает на такие представления, различия между которыми очень существенны, и делается акцент на их отличии, поэтому *diversity of opinion* употребляется часто, (ср. также известную поговорку *Сколько людей, столько и мнений*, которую можно перефразировать как *Люди все разные, и мнения у них разные*).

Таким образом, с помощью данного корпуса собраны словосочетания для всех исследуемых существительных для проведения предварительного этапа исследования – дистрибутивного анализа и контент-анализа (как в данном случае, см. описание выше).

Большой массив примеров взят также из британского национального корпуса (BNC). Данный корпус объединяет 100 млн текстов различных

жанров: разговорный стиль, художественная литература, популярные журналы, британские газеты, научные издания, то есть корпус представлен современным и «живым» материалом, охватывающим сферы интересов людей всех возрастов. Навигация, структура и возможности корпуса BNC идентичны таковым корпуса COCA. Из корпуса BNC нами было обработано более 900 примеров, из корпуса COCA – более 1200.

Таким образом, на данном этапе семантического эксперимента были выявлены дистрибутивные и валентные характеристики всех исследуемых слов.

Шаг 2. Индуктивное обобщение I. Дистрибутивный анализ. На втором шаге собранный материал обобщается индуктивным путем. Отобранные примеры употребления лексических единиц более или менее очевидно распадаются на группы «похожих», «однотипных» контекстов. На данном этапе исследования была проведена предварительная классификация полученных контекстов употребления на основе выделения интегрального признака каждой группы. (Интегральный признак при этом является дифференциальным, по которому эта группа противопоставлена всем другим группам. При этом следует отметить, что в процессе исследования может выясниться, что те признаки, которые кажутся на первый взгляд интегральными, на самом деле являются дифференциальными, и наоборот, поэтому классификация и является предварительной).

Дистрибутивный анализ показал правую и левую сочетаемость существительных *assortment, variety, selection, set* с общим элементом значения «множество объектов». Так, все исследуемые слова могут использоваться в составе именной группы вида *X of N* для обозначения физических объектов, в частности, предметов одежды (со словом *hats*, например, сочетаются все вышеуказанные слова), предметов мебели (наблюдается сочетаемость всех этих слов со словом *chairs* и т.д.), предметов домашнего обихода для приготовления пищи, стеклянных сосудов (все исследуемые слова также сочетаются со словом *bottle*). Далее, слова

assortment, variety, range, selection сочетаются и со словами, обозначающими помещение, заведение – *room* или *restaurant*, и со словами, обозначающими напитки, кондитерские изделия – *sweets, beers*.

При анализе сочетаемости данных слов с обозначениями одушевлённых лиц – людей, групп людей, объединённых по профессиональному признаку, обнаруживается, что существительные *range* и *selection* не встречаются в таком окружении. Так, ни в корпусах текстов, ни в поисковых системах не были найдены словосочетания **selection / range of painters*, в то время как именные группы *variety / assortment of painters* достаточно частотны.

При анализе сочетаемости данных существительных с обозначениями продуктов ментальной деятельности человека – такими существительными, как *reasons, responses, purposes, suggestions, opinions*, было выявлено, что слово *selection* не встречается в таком окружении. Слово *assortment* – крайне редко. Слова *variety, diversity* абсолютно приемлемы, употребляются с высокой частотностью.

Все четыре существительные могут сочетаться с обозначениями профессиональной характеристики индивида (*experiences, skills*).

С целью более наглядного их представления полученные результаты отображены в таблице (см.ниже), где отображена правая и левая дистрибуция исследуемых слов с пометкой частотности данного сочетания в корпусе текстов СОСА:

Таблица 2. Дистрибутивный анализ существительных *selection, assortment, set, variety*

<i>Тип дистрибуции</i>	<i>Исследуемые слова</i>			
	<i>selection of</i>	<i>assortment of</i>	<i>set of</i>	<i>variety of</i>
<i>Общее кол-во встречаемостей на 520 млн слов</i>	5477	2099	27525	30170
<i>Правая дистрибуция</i>				

1) Продукты ментальной деятельности человека (<i>reasons, rules, opinions, ways, etc.</i>)	0	3	22	873
2) Конкретные (материальные) объекты (<i>tools, books, works, paintings, plants, etc.</i>)	22	10	63	37
3) Одушевленные лица (<i>members, guests, painters, friends, people, relatives, etc.</i>)	9	15	75	172
<i>Левая дистрибуция</i>				
1) Прилагательные размера (<i>big, large, huge, great</i>)	77	25	76	106
2) Прилагательные степени охвата (<i>entire, whole, full, complete, broad, vast, narrow</i>)	0	2	103	0
3) Прилагательные оценки (<i>good, interesting, specific, particular, super, odd, random</i>)	91	8	76	21

Жирным шрифтом выделены слова, частотность сочетания с которыми проверялась в корпусе (например, *variety of reasons / set of reasons / selection of reasons / assortment of reasons*). Данные слова выбраны из группы произвольно (группа слов указана в скобках). Метод дистрибутивного анализа в сочетании с контент-анализом позволил выявить правую и левую сочетаемость исследуемых слов с указанием количества употреблений на 520 млн слов в корпусе текстов СОСА. Так, например, из вышеприведенной таблицы видно,

что словосочетание *variety of reasons* является высокочастотным, в то время как слово *selection* со словами, обозначающими продукты ментальной деятельности человека, не сочетается. (Словосочетание *selection of reasons* не употребляется совсем, в корпусе не было найдено ни одного словосочетания).

Шаг 3. Индуктивное обобщение II. Статистические методы и метод направленной проверки сочетаемости слов в Интернете.

Помимо использования возможностей корпусов, связанных с регистрацией общей дистрибуции языковых единиц, в работе разработан еще один вид корпусных исследований, а именно: метод направленной проверки сочетаемости исследуемых слов (в интернете). Он предполагает применение одной или нескольких поисковых систем, используемых в интернете в данный момент времени. В силу специфики материала исследования, объектом которого являются именно английские слова, в данной работе применялась система поиска Google американской корпорации Google.

Объясним, как работает эта система. Предположим, что необходимо проверить сочетаемость слова *variety* со словом, обозначающим физические объекты, например, *books*. Введем в строку поиска словосочетание: *variety of books* и запустим тем самым поисковый процесс. Словосочетание предпочтительно вводить в кавычках, поскольку такой формат запроса ориентирует поисковую систему на поиск предложений, в которые входят оба слова в указанном порядке. На экране появится список ссылок на ресурсы Интернета, содержащие искомое словосочетание. Если список не пуст, тогда в рамках данного метода будем считать, что словосочетание имеет некоторое хождение. Если список пуст, следует провести дальнейшее исследование, используя другую поисковую систему, например, Yandex, и возможно, что данное словосочетание будет найдено с помощью этой системы. (Несмотря на то, что поисковая система Yandex более приспособлена к поиску в русскоязычном сегменте Интернета, она вполне успешно осуществляет поиск многих часто используемых английских выражений, особенно относящихся к

узкоспециальным областям человеческой деятельности, таким, как, например, программирование).

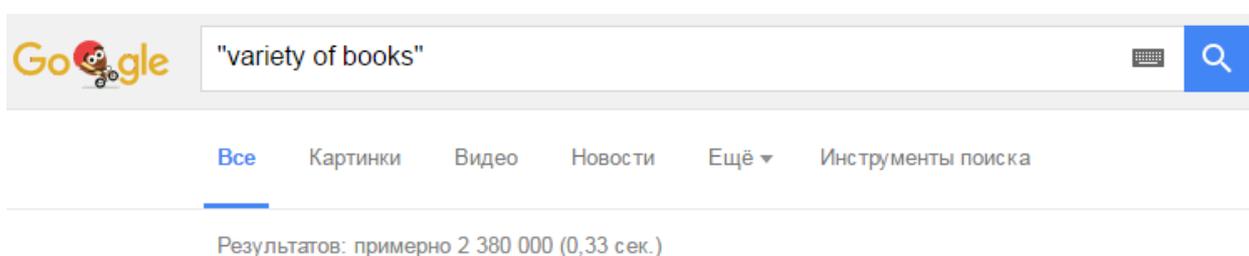
Рассмотрим принцип работы поисковой системы Google. На серверах Google содержится база данных, содержащая список наиболее востребованных ресурсов Интернета. Эта база периодически пополняется в основном за счет перехода по ссылкам сайтов, уже имеющихся в базе данных, на новые сайты. С использованием этой базы Google осуществляет сканирование массива сайтов в Интернете. Периодически осуществляется запуск служебных программ, которые осуществляют просмотр сайтов из базы данных и пополняют базу индекса.

В базе индекса содержатся наиболее часто встречающиеся словосочетания, входящие в поисковые запросы пользователя, и для каждого словосочетания содержится список ссылок на ресурсы Интернета. Поскольку упоминание выбранного словосочетания может быть слишком частотным, Google ограничивает количество выдаваемых ссылок, а также устанавливает их порядок, используя при этом собственную технологию ранжирования через индекс PageRank. На значение индекса ранжирования, и, следовательно, на порядок выдачи пользователю результатов запроса, влияет ряд факторов, таких, как количество упоминаний словосочетания на интернет-странице, в каком разделе (тэге сайта) содержится искомое словосочетание (некоторые разделы более приоритетны для поиска, некоторые менее), расстояния внутри абзаца между словами, составляющими словосочетание, количество упоминаний (популярность) данной страницы в Интернете, осмысленность текста на странице. Некоторые поисковые машины анализируют, является ли текст осмысленным или представляет собой случайный набор словосочетаний. Это делается в связи с тем, что некоторые разработчики сайтов используют определенные блоки словосочетаний, бессмысленные по виду, с целью обмана поисковой машины для выдачи своих сайтов на первые позиции в поиске (технология Doorway), наличие на сайте других словосочетаний, являющихся

синонимами искомого словосочетания, регион, из которого пользователь осуществляет свой поиск. См.: www.google.ru.

Технологии ранжирования в других поисковых системах, например, Yandex, отличаются от технологии ранжирования Google. Так, в Yandex используется собственный индекс тИЦ (тематический индекс цитирования), алгоритм расчета которого имеет свои особенности по сравнению с системой Google (тИЦ подсчитывает более 400 различных внутренних и внешних характеристик сайта, в Google ранжирование представляет еще более сложный процесс). В связи с этим, для повышения достоверности вывода о сочетаемости исследуемых слов в Интернете желательно осуществить поиск также в системе Yandex. См.: www.yandex.ru.

Когда пользователь вводит в строку поиска запрос, система просматривает базу индекса и выдает результаты поиска в виде списка ссылок. Например, при вводе в строку поиска Google словосочетания *variety of books* было получено 2 380 000 ссылок, что свидетельствует о том, что данное словосочетание довольно часто употребляется в Интернете:

Таким образом, в данном случае нет необходимости обращаться к системе Yandex, поскольку система Google уже обеспечила нас достоверными результатами. На основании этих результатов можно сделать вывод о том, что слово *variety* широко сочетается со словами, указывающими на конкретные физические объекты типа *books / книги*, ср. *a variety of cars / tables / accessories*.

В настоящем исследовании, с целью выдвижения первоначальной гипотезы, использовались также статистические методы, например, вычисление меры неслучайности совместной встречаемости исследуемых слов с другими единицами языка посредством обработки текстов корпусов

программой Sketch Engine. Данный метод находит применение в научных работах последних лет, в частности, работе Е.П. Буториной, посвященной исследованию официальной коммуникации в русском языке (Буторина 2016).

Среди статистических мер наиболее распространенными являются меры MI-score и t-score. Мера MI (Mutual Information) сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми. При условии, что значение MI-score превышает определенную величину, рассматриваемое сочетание можно считать статистически идиоматичным. Мера t-score также отражает частоту совместной встречаемости ключевого слова и зависимого, ее применение позволяет уточнить результаты, полученные при помощи меры MI-score.

При работе с мерами MI-score и t-score Е.П. Буторина выявила их следующие особенности: 1) мера t-score позволяет получить ответ на вопрос, «какие несвободные сочетания» являются характерными для текстов какого-либо жанра вне зависимости от их тематики; 2) мера MI-score не настолько чувствительна к количеству совместных вхождений, составляющих сочетание слов в имеющемся корпусе. Самый высокий ранг по MI-score получают те сочетания, составляющие которых имеют гораздо большую тенденцию употребляться вместе, нежели по отдельности (там же, 165-174).

Данный статистический метод использован нами для проверки результатов, полученных при дистрибутивном анализе и контент-анализе. Так, проверялась мера неслучайности совместной встречаемости компонентов определенных словосочетаний. Сравнивались значения мер t-score и MI-score для словосочетаний с разными ключевыми словами, являющимися объектами данного исследования; материалом для выявления таких словосочетаний послужил массив текстов корпуса BNC. В таблице ниже приведены данные статистические меры неслучайности совместной встречаемости существительных *variety*, *diversity* с прилагательными *rich*, *wide*. Данные словосочетания имеют высокий ранг по мерам MI-score и t-score. Вместе с тем, можно отметить, что словосочетание *wide variety* (по результатам

контент-анализа это наиболее частотная по своему употреблению левая дистрибуция слова *variety*) имеет существенно более высокий ранг по мере t-score, чем по мере MI. Это означает, что сочетание *wide variety* обладает высокой частотой совместных встречаемостей в корпусе текстов BNC, о чем свидетельствует такое высокое значение меры t-score. При этом для словосочетания *wide diversity* мера MI-score выше меры t-score, такая же ситуация наблюдается для словосочетания *rich diversity*. Высокое значение MI-score для данных сочетаний слов позволяет считать их статистически идиоматичными. (Как было упомянуто выше, самый высокий ранг по MI-score получают те сочетания, составляющие которых имеют большую тенденцию употребляться вместе, чем по отдельности).

Таблица 3. Характеристики словосочетаний с исследуемыми словами *variety, diversity*

Словосочетание	MI-score	t-score
rich variety	7.244	7.434
rich diversity	8.768	3.864
wide variety	10.351	29.910
wide diversity	8.668	5.086

Аналогичная картина наблюдается для многих «типичных» словосочетаний со словом *diversity*, которые, имея высокий ранг MI, имеют тенденцию чаще употребляться вместе, чем по отдельности. Ср. *genetic diversity* (MI = 8.705, t-score = 1.995), *ethnic diversity* (MI = 9.213, t-score = 2.641), *diversity of flora* (MI = 10.840, t-score = 1.999)

Таким образом, предположение о том, что слово *diversity* используется для номинации объектов, значительно отличающихся между собой, подтвердилось; сочетания слова *diversity* с другими словами, с которыми оно часто употребляется, например, вносящими информацию о различии объектов / большом их количестве, можно считать статистически идиоматичными. Иными словами, исследуемое слово встречается скорее в таком окружении,

чем без него. Величину статистических мер ассоциации (MI-score, t-score) можно рассматривать как индикатор силы синтагматической связи между компонентами словосочетания.

Шаг 4. Построение гипотезы о дифференциальных семантических признаках исследуемых слов.

Проведение дистрибутивного анализа исследуемых существительных позволило выдвинуть первичную гипотезу о дифференциальных признаках в семантической структуре данных слов. Далее, как справедливо отмечает О.А. Сулейманова, в рамках семантического эксперимента после выдвижения гипотезы исследователь должен проверить её экспериментально, построив высказывания с учётом данной гипотезы, проверяя её тем самым языковой практикой (Сулейманова 2013, 63). Например, было отмечено, что слово *range* используется с названиями объектов, которые потенциально легко распределяются на некоторой шкале, допускают «градуирование» по определенным показателям, ср.: *The range of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52° / Температура плавления парафинов составляет от 45°C до 52°*, где речь идет о фрагменте температурной шкалы – *от 45 до 52 градусов*. Напротив, не встречались случаи использования существительного *range* с существительными, которые в принципе не «градуируются» - например, это могут быть продукты художественного творчества или иные единицы, соотносимые с эстетической оценкой, типа *painters / художники*. Таким образом, опираясь на результаты дистрибутивного анализа, можно предположить, что в семантике слова *range* присутствует информация о распределении объектов множества в рамках некоторой шкалы, в заданном диапазоне. Для проверки данной гипотезы был проведен опрос информантов, который показал, что употребление данного слова в окружении существительных, обозначающих одушевленных лиц, представляется неприемлемым, поскольку характер описания множества объектов – *художники* – в норме не распределяется по шкале от лучших к менее лучшим

(если только текст специально не ориентирован на описание рейтинга художников).

Приведём ещё один пример. Как показал дистрибутивный анализ данных корпуса, существительное *selection* не употребляется в окружении слов, обозначающих продукты ментальной деятельности человека – таких слов, как *reasons, responses, purposes, suggestions, opinions*, которые приносят представления о явлениях и положениях, часто не поддающихся объективной оценке и классифицированию и являющихся проявлениями сознания. Данные обозначения продуктов ментальной деятельности допускают осмысление как совокупности, элементы которой не отобраны говорящим специально и преднамеренно. На основании данных наблюдений можно предположить, что существительное *selection* вносит информацию о том, что говорящий **направленно** прикладывает усилия по осуществлению отбора из множества однородных объектов только тех, которые соответствуют определённым критериям – то есть в основе отбора элементов, которые составляют данное множество, лежит осмысленное мотивированное решение говорящего, которое он может пояснить при необходимости. Иными словами, в семантике слова *selection* предположительно содержится информация о направленном выборе (что противоречит характеру объектов, представляющих продукты ментальной деятельности по осмыслению мира, предопределенной самим миром или внеязыковой действительностью, а не говорящим). Последующий опрос информантов показал, что приемлемыми являются высказывания, где говорящим вносится информация о возможности выбора конкретных объектов из пространства множества им подобных, когда, например, речь может идти о ресторанах и пр., ср. *There is a great selection of restaurants in this city to choose from / В городе множество ресторанов, есть из чего выбрать*. Напротив, высказывание **selection of thoughts* является неприемлемым в силу ментальной природы объектов, на которые указывает существительное *selection (thoughts)*.

Для выдвижения гипотезы помимо дистрибутивного анализа на данном этапе применялся и специально разработанный исследователем метод направленной проверки сочетаемости исследуемых слов в поисковой системе Google. Данный метод позволил снизить (а по возможности и исключить) субъективность результатов, полученных при дистрибутивном анализе массива текстов корпусов. С этой целью некоторые словосочетания дополнительно проверялись в поисковой системе на предмет сочетаемости компонентов, что позволило получить качественно иные результаты, которые можно считать валидными и достоверными. Так, например, в корпусах текстов BNC и COCA не было найдено ни одного словосочетания «*range of painters*» (см. гипотезу о семантических признаках слова *range* выше). Вместе с тем, по результатам поиска в системе Google – в четвертой выданной ссылке на интернет-ресурсы (из 10 представленных на первой странице) было выявлено предложение *We have a **range** of Painters & Decorators that are happy to help you / У нас есть ряд художников и декораторов, готовых с радостью вам помочь*. Данная рекламная информация была размещена на страницах сайта, предлагающего услуги художников-декораторов, каждый из которых имеет свой рейтинг по результатам отзывов людей, которые воспользовались их услугами и предоставили свою оценку администратору сайта. В связи с этим наше предположение о том, что слово *range* не употребляется с обозначениями одушевленных лиц, было уточнено: такое употребление может иметь место в том случае, если речь идет об их рейтинге с точки зрения профессиональных достижений, например.

Иными словами, дистрибутивный анализ существительных *variety*, *assortment*, *selection*, *range* и *set* в сочетании с методом направленной проверки сочетаемости в интернете позволил выдвинуть гипотезы о дифференциальных признаках в структуре значения слов *selection* и *range* – идея направленного выбора / представление о шкале.

Приведем еще один пример построения гипотезы на основе контекстного анализа, который позволяет определить два возможных варианта

включения существительного в контекст. В первом случае семантика существительного хорошо согласуется с семантикой других элементов, то есть в их значении присутствуют признаки, логически не противоречащие друг другу. В такой ситуации данный признак принадлежит не только контексту, но и исследуемому субстантиву. В качестве примера рассмотрим высказывание с существительным *variety*: *The kitchen table was strewn with a variety of products* / *Стол был завален разнообразными продуктами*.

В данном контексте глагол содержит указание на «разбросанность» и отсутствие какой-либо закономерности в распределении объектов, ср. дефиницию глагола *strew*: *strew – v. to scatter over a surface; to cover with scattered things*, где элементы *to scatter* (*раскидывать*), *scattered* (*разбросанный*) привносят представление о неупорядоченности. В связи с тем, что существительное *variety* свободно употребляется в данном контексте, можно предположить, что: а) в его семантике присутствует тот же признак, который привносится и контекстом – признак неупорядоченности, б) данное слово не маркировано по признаку неупорядоченности. В первом случае (а) признак вносится не только контекстом, но и самим существительным.

Второй вариант (б) включения существительного в контекст предполагает, что выявленный признак присутствует в глаголе, но отсутствует в существительном. Такая ситуация наблюдается для исследуемых слов *series (of)*, *set*, *range*, *selection* – высказывания, полученные путем подстановки в данный контекст, были оценены информантами как абсолютно неприемлемые, ср.:

**The kitchen table was strewn with a series of products*,

**The kitchen table was strewn with a set of products*,

**The kitchen table was strewn with a range of products*,

**The kitchen table was strewn with a selection of products*, что свидетельствует о том, что данные существительные не маркированы по данному признаку, и информация о неупорядоченности объектов принадлежит только контексту, а не существительным *series (of)*, *set*, *range*, *selection*.

Некорректность их использования позволяет предположить, что они маркированы по признаку упорядоченности, что и запрещает их использование в данном контексте.

Признак может принадлежать либо только контексту и отсутствовать в семантике самого существительного, немаркированного в таком случае по данному признаку, либо существительному и контексту, то есть присутствовать в семантике высказывания и одновременно являться компонентом значения существительного.

На основе контекстного анализа была выдвинута гипотеза о различительном признаке в значениях слов *variety*, *assortment*, *selection*, *range*, *series (of)* и *set*, вносящем информацию о неупорядоченности в распределении объектов в рамках множества. (Гипотеза была верифицирована с помощью экспериментальной методики, путем опроса информантов – см. ниже).

Шаг 5. Формирование репрезентативной выборки. На данном этапе из каждой группы примеров выбирается репрезентативный представитель. Так, из всех слов, обозначающих продукты ментальной деятельности человека (*reasons*, *rules*, *opinions*, *ways*, *problems*, *etc.*) было выбрано слово *reasons*. С данным словом было сгруппировано несколько простых предложений типа *Reading schemes have been heavily criticized for a range of reasons*.

Шаг 6. Замена исходной лексической единицы в репрезентативной выборке. Формирование экспериментальной выборки. Фактически на данном этапе осуществляется замена исходной лексической единицы (в каждом примере выборки) на другую (из списка исследуемых единиц) с теми же грамматическими характеристиками и из того же семантического поля. Так, нами было взято несколько контекстов, которые изначально содержали разные лексические единицы, и на базе отобранных контекстов составлены блоки примеров (по 4 предложения в каждом блоке), которые и были предъявлены информантам. Например, в исходном высказывании *Reading schemes have been heavily criticized for a range of reasons* произведена замена слова *range* на остальные единицы из исследуемого синонимического ряда:

Reading schemes have been heavily criticized for a variety of reasons;

Reading schemes have been heavily criticized for an assortment of reasons;

Reading schemes have been heavily criticized for a selection of reasons.

Данные предложения были предъявлены информантам.

Шаг 7. Предъявление экспериментальной выборки примеров информанту-носителю языка. Данный шаг является ключевым моментом эксперимента и представляет собой интервью с информантом-носителем языка, оценивающим правильность предложенных ему предложений по заданной шкале. В данной работе используется пятибалльная система, в основу которой была положена шкала, предложенная А. Тимберлейком (Тимберлейк 1985). В результате опроса информантов была получена таблица-анкета, содержащая оценки информантов с комментариями.

Таким образом, на данном этапе помимо числовых данных в виде оценок информантов исследователь получает данные в виде комментариев информантов. Как уже отмечалось выше, информант является «инструментом», регистрирующим языковое явление, поэтому, подобно числовым данным в виде оценок, словесные комментарии, какими бы удачными и точными они ни казались, требуют дальнейшей обработки исследователем и не могут рассматриваться как готовые адекватные семантические описания, предсказывающие употребление анализируемых лексем в речи. При этом содержательные высказывания информантов могут послужить полезным материалом для построения и уточнения гипотезы о значении лексем.

Шаг 8. Анализ результатов эксперимента. На данном этапе проводится не столько разделение предложений на маркированные (получившие положительную оценку информантов) и немаркированные (получившие отрицательную оценку информантов), сколько проверка соответствия опытных данных предположению исследователя. Так, согласно ожиданиям в контексте *Reading schemes have been heavily criticized for a ... of reasons* / Программы чтения беспощадно критиковались по целому ряду

причин нежелательным (оценка 3 или 4) является использование практически всех рассматриваемых существительных, кроме *variety*. Некоторые информанты оценили предложение с существительным *range* как вполне приемлемое, поставив ему оценку 2, но подчеркнув при этом, что данный контекст возможен только в том случае, если перед словом *range* стоит прилагательное *wide*.

Таким образом, были подтверждены следующие предположения:

1) В семантике существительного *selection* содержится информация о направленном отборе объектов говорящим, что противоречит характеру объектов, представляющих продукты ментальной деятельности по осмыслению мира, предопределенной самим миром или внеязыковой действительностью, а не говорящим.

2) В семантике слова *range* присутствует информация о распределении объектов множества в рамках некоторой шкалы, в заданном диапазоне.

Подобный алгоритм, состоящий из 8 шагов, применялся при анализе семантической структуры каждого исследуемого слова. Гипотетико-дедуктивный метод, лежащий в основе данного алгоритма, позволяет получить точные описания семантики языковых единиц, так как основу анализа составляет лингвистический эксперимент, что сближает лингвистику с точными науками.

Выводы по Главе II

Данная глава посвящена методологии семантико-когнитивных исследований, которые приобретают в настоящее время все большую актуальность. На предварительном этапе исследования применялись дистрибутивный и контекстный (контекстологический) виды анализа, которые позволяют обработать собранный языковой материал, сделать первичные выводы о наличии / отсутствии семантического признака в значении исследуемого слова. Основными методами работы, применяемыми в данном исследовании, являются метод компонентного анализа и гипотетико-дедуктивный метод. Применение компонентного анализа для исследования

значений существительных *variety, diversity, assortment, series (of), selection, set, range* служит одним из эффективных средств выявления тех семантических различительных признаков в иерархической структуре значений слов, которые позволяют разграничить синонимичные слова. Как было доказано на основании работ О.Н. Селиверстовой и О.А. Сулеймановой, метод компонентного анализа, вместе с тем, не является адекватным инструментом для получения валидных результатов и должен быть соединен с другими методами исследования и, в первую очередь, с гипотетико-дедуктивным методом, обладающим своим верификационным аппаратом – экспериментом с информантом-носителем языка.

В работе рассмотрены процедура работы с информантами, факторы, обуславливающие расхождения в оценках информантов и способы их нейтрализации.

В данной главе на материале исследования показано, как работает гипотетико-дедуктивный метод в сочетании с контекстным, дистрибутивным видами анализа. Приведен пример построения первоначальной гипотезы о дифференциальных семантических признаках исследуемых слов на базе дистрибутивного и контекстного анализа. Отдельное внимание уделено возможностям корпуса американского английского языка и британского национального корпуса, из которых взят основной массив примеров. Разработан метод корпусных исследований – метод направленной проверки сочетаемости исследуемых слов в интернете (с помощью поисковой системы Google). Подробно описан алгоритм проведения семантического эксперимента, состоящий из восьми последовательных шагов.

Глава III. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАЗНООБРАЗИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Исследование показало, что множество объектов, репрезентирующих концепт разнообразия, может концептуализироваться как категория, комплекс и последовательность (линейная и временная).

В первом случае объекты могут быть объединены в *категорию* на основании категориального признака, общего для всех членов этого множества. Данный признак является объективным и несомненно присущ каждому члену множества. Рассмотрим в качестве примера простое словосочетание *variety of birds* / *разнообразие птиц*, где элементы (птицы) представлены как объединенные в группу на основании общего категориального признака – наличия оперения и крыльев. (Ср. определение в словаре С.И. Ожегова: *Птица* – покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом) (ТСРЯ 1999). Такое множество мы будем называть «категорией» (подробнее см. далее).

Во втором случае объекты объединяются в множество на основании какого-либо субъективного признака, устанавливаемого индивидом, в большинстве случаев – общей функции, то есть все объекты этого множества имеют одно и то же функциональное назначение. Например, *a set of knives*, где элементы множества (ножи) объединены на основании общего функционального назначения – разрезать что-либо, разделять на части. Такой вид множества в настоящей работе принято обозначать как *комплекс* (подробнее см. далее).

В третьем случае множество представляет собой *последовательность*, то есть элементы множества расположены вдоль воображаемой шкалы или оси. Например, *the internationally best-selling series of books by Lemony Snicket* / ряд мировых бестселлеров Лемони Сникета, где ИГ *series (of)* используется для номинации объектов, появление которых происходило в определенной последовательности – книги выпускались одна за другой с течением времени.

Таким образом, пространство множества может быть представлено в сознании говорящего как *комплекс*, *категория* или *последовательность* объектов.

3.1. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в комплекс

Далее рассмотрим, как «разнообразие» концептуализируется в виде комплекса объектов. Принятое в данной работе понимание комплекса тесно связано с понятием функциональной организованности объектов пространства множества. Под функциональностью понимается соответствие состава объектов множества определенной цели и назначению.

Если в распределении объектов внутри множества отсутствует смысл и идея функционального назначения, объекты множества можно считать не организованными функционально.

Множество объектов, объединенных функционально, можно также назвать комплексом. В толковом словаре С.И. Ожегова существительное *комплекс* имеет следующую дефиницию: совокупность, сочетание чего-нибудь; группа зданий, сооружений единого назначения (ТСРЯ 1999). Л.С. Выготский, описывая способы мышления примитивного человека, использует данный термин в другом значении, близком к определению комплекса С.И. Ожеговым как группы (зданий) единого назначения. Он говорит о том, что одной из стадий развития языка у примитивного человека является стадия, когда «слово выступает как ассоциативный знак не индивидуального предмета, а какого-нибудь комплекса или группы предметов» (Выготский, Лурия 1993, 103). Так, слово становится групповым именем и подразумевает мыслительную операцию, поскольку служит для классификации и объединения отдельных предметов в комплекс. Такое объединение при этом остается группой отдельных предметов, каждый из которых сохраняет свою индивидуальность и единственность. Один и тот же предмет может соучаствовать в различных комплексах. Следовательно, для

примитивного мышления, как утверждает Л.С. Выготский, не действителен закон исключенного третьего. (Такой закон подразумевает, что один объект не может входить одновременно в несколько комплексов). В качестве примера он приводит язык индейцев племени бороро, в котором человек входит одновременно в два комплекса: «человек» и «попугай» - индейцы утверждали, что они «красные попугаи» (там же, 102-105).

Таким образом, Л.С. Выготский считает, что примитивный человек не умеет классифицировать объекты, объединяя их в категории на основании наличия у них всех общего признака. Для примитивного человека было скорее характерно так называемое «комплексное мышление», то есть стремление объединить различные элементы «не на основании внутренней существенной связи между ними, а на основе фактической, конкретной, существующей в действительности между ними смежности в том или ином отношении» (там же, 104). Так, например, в языке племени питта-питта корень *пи* встречается во всех словах, обозначающих вещи, движущиеся по воздуху: *птица, бумеранг, луна, звезда, молния, сокол*. Получается, что такие разнородные объекты, как птица, бумеранг и т.д. объединены в один комплекс на основании общей функции – способности передвигаться по воздуху (там же).

Исследования последних лет убедительно показали, что понятие комплекса широко используется при описании современных языков, их грамматической структуры. Так, исследователь кавказских языков А. Дирр, анализируя принципы распределения имен существительных по классам в лакском языке, делает попытку объяснить, почему имена существительные в лакском языке «дитя», «девочка» относятся к III грамматическому классу – классу вещей. Он считает, что «незрелое же в половом отношении существо, также не зрело и в общественном отношении» (Дирр 1907, 96). Так, некоторая «незрелость» как в половом, так и в общественном отношении объясняет принадлежность данных существительных к классу вещей.

Г.Б. Муркелинский, исследуя грамматический строй лакского языка, формулирует основной принцип отнесения имени существительного

(заимствованного) к тому или иному классу следующим образом: «распределяя заимствованные названия неодушевленных предметов между III и IV классами, лакцы сопоставляют эти предметы с уже существующими и строго распределенными по классам в языке предметами и на основе функционального сходства относят их к тому или иному классу» (Муркелинский 1949, 157-158). Так, предметы объединяются в один класс (в нашей терминологии – *комплекс*) на основании наличия у них всех общей функции – функционального сходства. Таким образом, исследователи, анализируя грамматические классы в лакском языке, пытались когнитивно обосновать распределение имен существительных по этим классам.

Так, Б.М. Алиева в диссертационной работе объясняет разграничение некоторых имен существительных по классам на основании их значения, а также на основании гендерного фактора. Например, в лакском языке все молочные продукты относятся к IV классу (*дур* группа), и только существительные *вит* – «сыворожка» и *мас* – «кефир» принадлежат к III классу (*бур* группа). Данные исключения в классификации названий молочных продуктов автор объясняет в рамках закономерностей чередования *бур/дур* групп при описании изменений состояния вещества – слова *вит* и *мас* обозначают продукты промежуточной переработки молока при производстве сыра. Данные слова принадлежат к III классу, в то время как слова *сыр* и *молоко* (обозначающие конечное состояние вещества) относятся к IV классу. Таким образом, автору удалось показать, что принадлежность слова к определенному классу является мотивированной и когнитивно обоснованной (Алиева 2009).

В известной работе Дж. Лакоффа «Женщина, огонь и другие опасные предметы» мы находим еще один интересный пример – в языке австралийских аборигенов *дырбал* присутствует категория *balan*, которая включает в себя женщин, огонь, опасные вещи, а также птиц, которые не являются опасными, и таких необычных животных как утконос, бандихут и ехидна. По утверждению Дж. Лакоффа, объединение всех этих понятий в одну категорию,

«не является результатом категоризации посредством общих признаков» (Лакофф 2004, 19). Следовательно, можно предположить, что данные объекты объединены в категорию (в нашей терминологии – *комплекс*) на основании наличия у них всех какой-либо общей функции. Такое соотнесение, по видимому, является древней формой категоризации объектов и явлений реального мира.

Далее обратимся к понятию категории и самому процессу категоризации как базовой операции мышления. В последние годы появляется множество работ, посвященных как механизму категоризации (Бабушкина 2010, Кумахова 2011, Мкртычова 2011), так и описанию различных категорий и их репрезентации в языке (Жуйкова 2010, Бондарева 2011, Губанова 2011). Рассмотрим две точки зрения на сам процесс категоризации. Согласно положениям когнитивной лингвистики, категоризация является основным способом организации опыта. Традиционно категория понимается как множество объектов, объединенных общим признаком. В рамках такого представления сам процесс категоризации представляется обезличенным – субъект восприятия и его чувственный опыт не являются определяющими, поскольку выделение категорий происходит чисто логически, без привлечения ассоциативных механизмов, мысленных образов (метафоры, метонимии).

Вместе с тем, в современной когнитивной науке все большее влияние приобретает новый подход к категориям. Такой подход предполагает, что наш чувственный опыт и способы использования механизмов воображения являются основополагающими в отношении того, как мы «создаем» категории для осмысления опытных данных. Данный подход ученые интерпретируют по-разному. Э. Рош, например, создает теорию прототипов, утверждая, что категории имеют лучших представителей (называемых «прототипами») и что все специфические человеческие способности восприятия, формирования мысленных образов действительно играют важную роль в процессе категоризации.

Дж. Лакофф также придерживается данного подхода и развивает теорию прототипов, говоря о том, что «человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения — восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» (Лакофф 2004, 23). Так, Дж. Лакофф считает, что человеческое мышление, в частности, способность человека осуществлять категоризацию, решающим образом зависит от таких факторов, как опыт индивида, особенности его восприятия, формирования метафорических и метонимических образов. Дж. Лакофф формулирует несколько основных положений такого когнитивного подхода к категоризации и выделяет два основных типа категорий. К одному типу категорий относятся такие категории, как *высокий человек* или *красный*, - они градуированы, то есть имеют внутренние степени членства, размытые границы и центральные члены, чья степень членства (на шкале от нуля до единицы) равна единице. Другие категории, такие, как *птица*, имеют четкие границы, и внутри этих границ имеются градуированные прототипические эффекты — одни члены категории являются лучшими примерами категории, чем другие.

Кроме того, он отмечает, что категории организованы в иерархию. Те категории, которые находятся «в середине» иерархии, являются базовыми в отношении различных психологических критериев: способности формировать ментальный образ, легкости изучения, запоминания и использования. Такие категории опираются на воспринимаемую структуру часть–целое и представление о том, как эти части функционируют относительно целого. Как отмечает Дж. Лакофф, большая часть знания структурирована на этом уровне.

Дж. Лакофф считает, что категоризация является одним из способов организации человеческого опыта, поскольку мы мыслим не только отдельными предметами, но и категориями предметов, и проблема категоризации является важнейшей составляющей любой теории мышления.

Любое описание мышления должно включать описание категоризации, тогда как описание мышления в соотношении с языком неразрывно связано с понятием концепта. Дж. Лакофф задается вопросом, являются ли концепты отвлеченными абстракциями или же они существуют только в силу того, что воплощены в некотором существе, использующем их в процессе мышления; являются ли концептуальные системы простым набором концептов или же они представляют собой «функционирующие структуры концептов», имеющие внутреннюю организацию.

Дж. Лакофф полагает, что концепты существуют только в силу своей воплощенности в каком-либо существе. Концептуальная система представляет собой функционирующую структуру концептов, обладающую внутренней организацией. Так, в языке *дьирбал* классификатор *balan* является частью грамматики, а категория, которую он определяет, является частью концептуальной системы говорящих на этом языке. Говорящие на традиционном *дьирбал* используют *balan* автоматически и без усилий в мышлении и в речи для того, чтобы различить категории вещей, являющихся предметом речи или мысли (Лакофф 2004).

Таким образом, каждый народ имеет свой собственный индивидуальный опыт и обусловленные им и многими другими факторами особенности восприятия. Все эти факторы решающим образом влияют на то, как люди категоризируют окружающую их действительность. Для различных народов и языков способы категоризации различны, но они неразрывно связаны с теми, кто эту категоризацию осуществляют, то есть категории не обезличены и абстрактны; напротив, они представляют собой отражение опыта и особенностей восприятия социумом. Вслед за Дж. Лакоффом и другими учеными мы считаем, что категорию недостаточно определять только как множество объектов, объединенных на основании общего признака. Основанием для объединения в категорию может быть нечто, не являющееся общим признаком, но зависимое от образа мышления и способов восприятия

группы лиц. Л.С. Выготский отмечает, что таким основанием может служить наличие у объектов общей функции.

Исследуемые в настоящей работе слова *variety*, *assortment*, *selection* и *set* могут указывать как на объекты, объединенные в множество на основании общего категориального признака (такие множества отнесены к категориям множеств), так и на объекты, объединенные в множество на основании общей функции (такое множество мы будем называть *комплексом* – термин Л.С. Выготского). На набор объектов, составляющих комплекс, могут указывать такие языковые единицы, как *selection* и *set*. Существительные *assortment*, *variety* такой информации не несут.

Приведем аргументы в пользу предложенной интерпретации слов *selection*, *set* как номинирующих комплекс объектов и слов *variety*, *assortment*, использующихся для номинации категории объектов. Для этого рассмотрим, как признак функциональной организованности (наличие которого в семантике слова определяет отнесенность денотата слова к комплексу) определяет использование слова в контексте. Так, в примере *The kitchen table was strewn with a variety of products which she needed for her Caesar salad* / *Кухонный стол был завален разными продуктами, которые ей были нужны для салата «Цезарь»* множество продуктов, на которые указывает слово *variety*, собраны на столе для определенной цели и имеют четкое функциональное назначение – из них планируется приготовить салат. Ср. контексты, где объекты множества представлены как неорганизованные функционально: *Absorbed in heavy thoughts he was automatically arranging a variety of pens and crayons in a row* / *Поглощенный своими мыслями, он произвольно (машинально) раскладывал в ряд ручки и цветные карандаши* – здесь информация об отсутствии функциональной организации объектов в рамках множества привносится наречием *automatically* (*машинально*), в семантике которого содержится указание на автоматизм и неосмысленность в распределении объектов множества. Высказывание ориентировано на

сообщение о том, как именно субъект реорганизует объекты в некотором упорядоченном множестве.

Таким образом, существительное *variety* употребляется как в контекстах, вносящих информацию о функциональной организованности объектов в рамках множества, так и в контекстах, в которых такая организованность отсутствует, что позволяет утверждать, что существительное *variety* по данному признаку не маркировано. Как показало исследование, слово *assortment* также не маркировано по этому признаку и может употребляться как в контекстах, которые вносят представление о том, что объекты множества организованы функционально, так и в контекстах, не содержащих информацию о такой организованности. Замена существительного *variety* на существительное *assortment* в данных контекстах приводит к появлению высказываний, которые информанты оценили как приемлемые и даже более предпочтительные: ср. *The kitchen table was strewn with an assortment of products which she needed for her Caesar salad; Absorbed in heavy thoughts he was automatically arranging an assortment of pens and crayons in a row.*

В семантике существительного *set* присутствует идея функционального назначения, общего для всех объектов, составляющих множество. При этом объекты множества образуют совокупность, подбор предметов, образующих нечто целое, комплекс. Об этом свидетельствуют, во-первых, такие словосочетания типа *tea set*, указывающие на набор предметов (чашки, блюдца, чайник), имеющих общее функциональное назначение – они используются для чаепития (ср. словарную дефиницию а *tea set*: the china or pottery articles used in serving tea, including a teapot, cups, saucers, etc) или словосочетание *a set of gardening tools*, где элемент *gardening* указывает на функциональную область применения объектов множества – в саду, для садовых работ. Во-вторых, было найдено множество примеров, где существительное *set* используется вместе с порядковыми или количественными числительными, местоимениями, что указывает на то, что *set* осмысливается как совокупность, исчисляемый набор предметов, комплекс –

следовательно, то, что можно посчитать. Ср. *The second set of problems concerned absenteeism, poor timekeeping and labour turnover* / Второй блок проблем касался неявки на работу, плохого соблюдения распорядка и текучести кадров, где слово *set* употребляется с порядковым числительным *second* или *The hall led to another set of stairs going down* / Через холл находилась еще одна группа лестниц, ведущих вниз; *The gender is normally recognized by one set of genes having predominance over the other* / Пол обычно определяется одним набором генов, доминирующим над другим, где слово *set* используется вместе с местоимениями *another, one, the other*. Таким образом, слово *set* указывает на совокупность объектов. Как представляется, невозможность употребления существительного *set* с элементами *pens* (ручки) и *crayons* (карандаши) объясняется именно тем, что эти элементы являются объектами разной качественной и количественной определенности и не осмысляются как единое целое или комплекс, поскольку «комплекс» предполагает не только одно функциональное назначение для всех объектов, но и их обязательное интегральное свойство. Если изменить данное высказывание, указав в нем лишь объекты одной природы – либо *ручки*, либо *карандаши*, тогда полученное высказывание информанты оценивают как правильное, ср. *Absorbed in heavy thoughts he was carefully arranging a set of pens in a row*.

В семантике существительного *selection* также заложена идея функционального назначения объектов множества, то есть объекты множества в своем составе соответствуют определенной цели. Иными словами, объекты множества организованы функционально на основе направленного отбора. Для верификации данного утверждения информантам было предложено оценить высказывание, в котором присутствует представление о неосмысленном и бесцельном распределении объектов в рамках множества. Такое высказывание было оценено как неправильное, ср. **Absorbed in heavy thoughts he was automatically arranging a selection of pens and crayons in a row* / Поглощенный своими мыслями, он произвольно (машинально) раскладывал в

ряд ручки и цветные карандаши. Некорректность употребления слова *selection* в данном контексте объясняется тем, что элемент *automatically* привносит идею о неосознанном и спонтанном выполнении действия (см. словарную дефиницию: *automatically – done unconsciously*), и данная информация противоречит тому представлению о целевом назначении объектов множества, которое привносит существительное *selection*.

Слово *selection* часто употребляется в высказываниях, вносящих информацию об объектах, объединенных наличием общей функции. Иными словами, принимая во внимание принятое в работе определение комплекса как функционально организованного множества, можно сказать, что исследуемое существительное может указывать на набор объектов, составляющих комплекс. Например, в предложении *The knack of outline planting is to arrange a selection of these shapes in groups that are pleasing to the eye / Искусство контурного озеленения заключается в том, чтобы распределить набор этих форм в группы таким образом, чтобы они радовали глаз* существительное *selection* указывает на объекты, призванные выполнять одну общую функцию – радовать глаз (см. словарную дефиницию: *to be pleasing to the eye – attractive*). Ср. также *The drawings represent a selection of the museum's outstanding holdings to be shown in a larger exhibition / Картины представляют собой подборку выдающихся сокровищ музея, которые будут показаны на более крупной выставке*, где объекты (картины), на которые указывает слово *selection*, объединены на основании общего предназначения или выполнения одной функции – быть продемонстрированы на выставке (*to be shown in a larger exhibition*).

Так, вышеприведенные примеры показывают, что существительное *selection* может указывать не на простое множество объектов, а на функциональное организованное множество – комплекс. Далее рассмотрим отдельно семантику каждого исследуемого слова, указывающего на комплекс.

3.1.1. Семантика существительного *set*

Рассмотрим семантику существительного *set* и проанализируем возможность интерпретации значения данного слова через постулируемые представления. В его семантической структуре выявлено четыре признака, связанные с трактовкой пространства множества объектов как комплекса, а именно: данное слово вносит информацию о том, что описываемые объекты концептуализируются:

- как множество объектов,
- все элементы данного множества обладают одной качественной определенностью,
- имеют одно и то же функциональное назначение,
- количество объектов ограничено.

Иными словами, исследуемое слово *set* вносит представление о таком пространстве множества, элементы которого объединены общей функциональностью – выполняют одну и ту же функцию; подобное множество объектов представляет собой комплекс. При этом объекты множества имеют одну качественную определенность, то есть каждый из них обладает одной и той же совокупностью свойств, которые отличают эти объекты множества от других объектов (о качественной определенности см. п. 1.5.2). Количество объектов такого множества конечно, их число ограничено в пределах от двух до 10, редко более, объектов.

Проиллюстрируем положение о том, что существительное *set* представляет денотат как комплекс объектов. Используем примеры из британского национального корпуса. Прежде всего, анализируя правую сочетаемость этого слова, можно отметить, что слово *set* сочетается как с конкретными, так и с абстрактными существительными, а также обозначениями групп лиц. В предложении *Late in 1917, to replace a horse drawn vehicle, Croydon Corporation purchased a set of parts from which to construct a battery powered electric tower wagon* / В конце 1917 года на замену

повозки, запряженной лошадьми, Корпорация Кройдон приобрела набор элементов, из которых должна была быть сооружена самодвижущаяся платформа, работающая от электричества обозначена функция, которую будет выполнять набор физических объектов (частей или элементов конструкции), на которые указывает слово *set* – из них «должна была быть сооружена самодвижущаяся платформа». При этом части платформы, для номинации которых используется исследуемое слово *set*, объединены в множество на основании принципа релевантности или значимости для говорящего (подробно о принципе релевантности см. п. 1.2). Понятно при том, что все части конструкции отличаются друг от друга и обладают различными качественными характеристиками и свойствами. Однако главное свойство, объединяющее все элементы в множество, заключается в том, что они являются частью одного механизма; именно эта информация представляется наиболее значимой для говорящего и лежит в основе организации данного множества объектов.

Рассмотрим высказывание *Maria Theresia was sufficiently impressed to present the family with a stylish set of court clothes* / Мария Тереза с большим воодушевлением одарила семью стильным комплектом одежды для судебных заседаний, где представление о функциональном назначении комплекта одежды, на которое указывает существительное *set*, привносится прилагательным *court* – такая одежда используется в особых случаях (во время заседаний суда). В высказывании *Another set of hands was pulling my arms straight down by my sides* / Еще одна пара рук опускала мои руки вниз «по швам» слово *set* указывает на объекты – руки (которые в принципе имеют одно и то же функциональное назначение в силу анатомической особенности человека – иметь именно две «равнозначные» верхние конечности), выполняющие в данном случае одну функцию – опускаться, например. Таким образом, данные объекты в количестве двух, объединенные общей функциональностью, представляют собой комплекс.

Рассмотрим еще одно высказывание: *At the age of 26, it could be only a matter of time before Falconer completes the full set of international honours* / В возрасте 26 лет собрать полный комплект международных наград может быть для Фалконера лишь делом времени, где существительное *set* также вносит информацию о совокупности объектов одной качественной определенности, которые представляют собой единое законченное целое – *полный комплект наград*. В примере *And she can't be the only young girl in the school with a full set of false teeth* / И она не может быть единственной девушкой в школе с полным комплектом вставных зубов слово *set* употребляется в сочетании, которое можно считать устойчивым – *a set of teeth* / комплект зубов. (Ср. дефиницию данной именной группы в медицинском он-лайн словаре *The human set of teeth is all the teeth an individual will have at a given time* / Комплект зубов человека – все зубы, которые есть у человека в определенное время жизни). Словосочетание *a set of teeth* является «классическим» примером употребления существительного *set*, вносящего информацию о совокупности однородных объектов, строго ограниченных по количеству и выполняющих общую функцию.

Как отмечалось выше, существительное *set* может употребляться для номинации не только конкретных объектов, но абстрактных объектов и понятий, а также может указывать на группы лиц. Рассмотрим примеры подобного рода.

В высказывании *One of SAVE's most important groups of publications aims to give architects a clear set of principles to adopt in dealing with particular types of buildings* / Одно из основных изданий SAVE нацелено на то, чтобы обеспечить архитекторов четким набором принципов, которые необходимо применять при проектировании определенных зданий существительное *set* вносит информацию о наличии комплекса принципов, функция которых заключается в формировании представления о правильной работе с определенными видами зданий. При этом существительное *set* определяется прилагательным *clear* – *четкий, ясный* (ср. определение прилагательного *clear*

– *entirely comprehensible, completely understood*), что подчеркивает целостность объединенных в комплекс объектов и «ясность» функции, которую данный комплекс призван выполнить). Ср. еще один пример: *It is ridiculous to suggest that a magazine article can teach you exactly how to perform the complex set of movements involved in, say, gybing* / *Глупо предполагать, что журнальная статья может в точности научить, как воспроизвести сложный комплекс действий по перебрасыванию паруса, например*, где слово *set* указывает на набор конкретных действий, нацеленных на выполнение определенной функции – перебрасывание паруса, ср. *movements involved in, say, gybing*.

В качестве еще одного примера рассмотрим высказывание *Being part of a disciplinary community is partly a matter of following a set of rules* / *Быть частью дисциплинарного комитета значит отчасти следовать набору правил*, где слово *set* указывает на совокупность объектов – правил, знание которых необходимо для выполнения определенной функции – являться частью дисциплинарного комитета. В собранном материале было найдено множество подобных примеров, ср. также *What we're looking for is a quality system and a set of procedures which are flexible enough to enable you to handle the slick jobs* / *То, к чему мы стремимся – это система качества и набор процедур, достаточно гибких, чтобы позволить вам справиться с «лихой» работой*. В данном примере эксплицитно задана функция, которую выполняет набор объектов, на которые указывает существительное *set* – *позволить вам справиться с «лихой» работой*. Рассмотрим также высказывание *The Chicago School work at best offered good empirical studies of a very specific set of historical circumstances* / *В работе Чикагской школы наилучшим образом представлены эмпирические исследования очень специфичного набора исторических обстоятельств* – здесь объекты – исторические обстоятельства – также объединены на основании общего назначения – они используются для эмпирических исследований. В высказывании *..it is a set of concerns which we must address* – это ряд (букв. набор) проблем, которые необходимо

рассмотреть..., слово *set* указывает на реалии, объединенные по функции – все они предназначены для рассмотрения.

В следующем примере *As well providing a more comprehensive set of guidelines for specifying open systems.../ А также предоставление более полного набора указаний для точного определения открытых систем* функция также однозначно эксплицирована и заключается в том, что денотат слова *set* (набор указаний) служит для определения открытых систем. Ср. также *It is, therefore, essential that competition policy provides such a set of rules or guidelines / Таким образом, необходимо, чтобы конкурентная политика предлагала такой набор правил или директив.*

Далее, слово *set* часто сочетается с обозначениями продуктов ментальной деятельности человека, образующими определенную систему – словами типа *principles, guidelines, criteria, procedures* и вносит информацию о наличии определенных признаков и требований, служащих для классификации / оценки / определения некоторого объекта. В 50 проанализированных примерах правой сочетаемости слова *set* зафиксировано 8 примеров именно с этими словами: сочетание *set* со словом *principles* встречается 1 раз, *guidelines* – 2 раза, *criteria* – 1 раз, *rules* – 3, *procedures* – 1.

Для проверки гипотезы о том, что выбранное слово вносит информацию о комплексе объектов, число которых ограничено – лимитировано десятью или немного более, мы предложили информантам оценить ряд высказываний, содержащих прямое указание на количество объектов.

Так, высказывание **The company produces a set of beauty care products and make-up, about one hundred items all available in large beauty shops / Компания производит набор средств женской гигиены и косметику – всего около сотни наименований, доступных во всех крупных магазинах косметики* было оценено информантами как непредпочтительное. Это объясняется тем, что слово *set* не используется для указания на такое большое количество объектов – около ста экземпляров. Предложение **Any number of metal components can be joined together to make a limitless set of products* было

оценено информантами как абсолютно неприемлемое в связи с некорректностью сочетания слова *set* с прилагательным *limitless* (ср. словарную дефиницию *limitless – without limits in extent or size or quantity*). Напротив, высказывание с перечислением, например, трех объектов, о которых вносит информацию существительное *set*, было оценено информантами как приемлемое и предпочтительное: *Keating tried to create a set of classroom ideals: love for the subject, experienced way into knowledge and lack of fear to be extraordinary / Китинг попытался создать набор учебных идеалов: любовь к предмету, опытный путь получения знаний и отсутствие страха быть непохожим на остальных.*

В рамках анализа семантики слова *set* обратимся к корпусу современного американского английского СОСА, а именно статистическим данным по сочетаемости исследуемого слова, и рассмотрим его левое окружение. Так, согласно данным корпуса самыми частотными сочетаниями с существительным *set* являются *new set of* и *one set of*. Далее в порядке убывания частотности идут имена и местоимения, определяющие *set* – *different, another, own, second, first, same*. Среди слов, с которыми также широко употребляется слово *set*, можно выделить *each, specific, whole, next, entire, full, single, small, limited, unique, particular* и другие. Эти единицы составляют две семантические группы: к первой группе относятся порядковые и количественные числительные, местоимения, вносящие информацию о том, что *set* осмысляется как совокупность, исчисляемый набор предметов, комплекс – следовательно, то, что можно посчитать; ко второй группе принадлежат слова *full, complete, whole, entire, specific, limited, unique* и другие, характеризующие совокупность по различным основаниям: степень ее наполненности (ср. *full – complete, entire, of the maximum size, amount, extent, volume, etc.* и *specific – limited, distinctive, or unique*), ее отличительная особенность (*particular, specific*).

Например, в высказывании *Another set of prints was published in 1804 / Еще один набор шрифтов был опубликован в 1804 году another* вносится

информация о наличии еще одного, другого набора объектов. В следующем предложении используется прилагательное *different*, которое по своей семантике близко к местоимению *another* и также привносит представление об объектах, которые подобраны и представляют собой комплекс, образующий целое, ср. *They need a different set of computer techniques to make sense of the more detailed data that will be produced* / Им необходим другой перечень компьютерных методов, позволяющих разобратся с более точными данными, которые будут представлены. Ср. использование существительного *set* с порядковым числительным *first*, указывающим на исчисляемую совокупность объектов, ср. *With competition becoming intense the first set of Motor Racing rules were drawn up for the Paris-Amsterdam-Paris race of 1898* / С ужесточением конкуренции был составлен первый свод правил для гонки Париж-Амстердам-Париж в 1898 году. Ср. также *The second set of problems concerned absenteeism, poor timekeeping and labour turnover* / Второй блок проблем касался неявки на работу, плохого соблюдения распорядка и текучести кадров, где существительное *set* употребляется с порядковым числительным *second*.

Таким образом, данные высказывания со словом *set* подтверждают предположение о том, что оно представляет свой денотат как комплекс. В пользу данного представления свидетельствует то, что все словоупотребления можно условно разделить на три большие группы. К первой группе относятся высказывания, где принадлежность объектов к комплексу подтверждается наличием информации об общем функциональном назначении объектов или понятий (что поддерживается элементами контекста). В предложении *The set of dining chairs has an elegant and ageless design* / Набор обеденных стульев имеет элегантный и нестареющий дизайн функция, которую будет выполнять комплекс объектов, на которые указывает *set*, обозначена прилагательным, определяющим этот комплекс – *dining chairs* – стулья для гостиной, обеденные стулья. При анализе случайной выборки из 50 примеров 12 примеров относятся именно к этой группе.

Вторую группу словоупотреблений составляют высказывания, где существительное *set* используется в сочетании с числительными, местоимениями или прилагательными, вносящими информацию о том, что сгруппированные в комплекс объекты можно пересчитать не по отдельности, а в совокупности (как комплекс). Ср. *The parent then picked one set of toys to start the free play. The remaining four sets of toys were provided by the examiner one at a time in a random order every 6 min* / Родитель затем брал один комплект игрушек, чтобы начать свободную игру. Оставшиеся четыре комплекта выдавал экзаменатор – один комплект каждые 6 минут. На данную группу словоупотреблений приходится 13 примеров из 50 рассмотренных.

К третьей группе словоупотреблений относятся высказывания с существительным *set*, в которых присутствует представление о целостности объектов, их восприятию говорящим как единого целого (комплекса), при этом в подобных высказываниях нет элементов контекста, однозначного указывающих на то, что это совокупность объектов, поддающаяся исчислению (слов *another*, количественных и порядковых числительных), в них также отсутствует эксплицитно выраженная идея функционального назначения. Приведем примеры: *However, this has not been seen to be a very effective set of policies* / Однако, это не казалось крайне эффективным комплексом политических мер или *An organizing term can be introduced here — post-modernism — to describe a new set of relations among economy, state and civil society in crisis* / Здесь можно ввести систематизирующий термин – постмодернизм – для описания нового комплекса отношений в экономике, государстве и гражданском обществе, находящихся в состоянии кризиса. В данных примерах объекты осмысляются как единое целое или комплекс.

Таким образом, в семантической структуре исследуемого существительного *set* в рассматриваемом значении присутствуют четыре признака: во-первых, все объекты, для номинации которых оно используется, представлены как обладающие одной качественной определенностью, во-

вторых, объекты представляют собой пространство множества, в-третьих, их количество ограничено десятью и немного более, в-четвертых, они объединены функциональным назначением. Наличие в значении исследуемого слова данных признаков, (среди которых ключевым является общность функции объектов) позволяет концептуализировать такое множество как комплекс.

3.1.2. Семантика существительного *selection*

Обратимся к рассмотрению семантической структуры существительного *selection* и проанализируем возможность трактовки семантики данного слова через предложенные представления. В значении данного слова выявлено четыре признака, позволяющие интерпретировать денотат исследуемого слова – множество объектов – как комплекс. Так, ИГ *selection of* концептуализирует номинируемые объекты как:

- пространство множества объектов,
- все объекты представлены как имеющие одну качественную определенность,
- количество объектов ограничено,
- объекты объединены функциональным назначением / критерием отбора.

Как и рассмотренное выше слово *set* (см. п. 3.1.1), существительное *selection* вносит информацию о таком множестве, объекты которого объединены общим категориальным признаком (обладают одной качественной определенностью), их количество ограничено (несколькими десятками) и, самое главное – данные объекты характеризуются общим функциональным назначением; в дополнение к общей функции она характеризуются также критерием, на основании которого был осуществлен отбор говорящим некоторого количества объекта из множества им подобных; такое множество объектов представляет собой комплекс.

Иными словами, общее функциональное назначение объектов является ключевым признаком в семантической структуре слов *selection*, *set*,

позволяющим концептуализировать номинируемое ими множество объектов как комплекс. Вместе с тем, в семантике исследуемого слова *selection* содержится представление, позволяющее уточнить данный признак общей функциональности, а именно идея направленного отбора – осознанного действия наблюдателя, осуществляющего выбор из множества объектов одной качественной определенности тех объектов, которые характеризуются не только общим функциональным назначением, но и специфическим свойством / критерием, на основании которого был осуществлен отбор.

Для иллюстрации положения о том, что в семантике существительного *selection* присутствуют все четыре признака, позволяющие интерпретировать денотат данного слова как комплекс, рассмотрим примеры из СОСА – корпуса современного американского английского языка. В предложении *Here is a large selection of books in well-defined categories – famous chefs and restaurants, cheese, literary gastronomy, etc.* / *Здесь есть большой выбор книг, четко разделенных по категориям – известные шеф-повары и рестораны, сыры, литературная гастрономия и др.* слово *selection* указывает на физические объекты – книги, которые являются разными по тематике, представляя собой книги о сырах, ресторанах, но, вместе с тем, объединенные в одну группу на основании общего признака – все эти книги о питании и кулинарии. Ср. также *The result yielded a selection of books that met our criteria* / *Результат выдал подборку книг, отвечающих нашим критериям*, где существительное *selection* используется для номинации комплекса объектов, объединенных тем, что они все отвечают определенным критериям. В высказывании *In the selection of texts that would be used as data gathering tool, two criteria were considered* / *В отобранных текстах, которые будут использованы в качестве источника данных, учитывались два критерия* существительное *selection* указывает на объекты – тексты, объединенные общей функцией – на их основе будут собраны данные.

Рассмотрим высказывание *If you want to know about it, read any one of a selection of different romance novels* / *Если вы хотите узнать об этом,*

прочтите любой из набора различных любовных романов. Здесь слово *selection* используется для номинации объектов – романов, различающихся между собой (ср. словарную дефиницию слова *different – not identical, separate or distinct*), но вместе с тем, объединенных по одному общему критерию – все они относятся к любовному жанру. Как представляется, критерий отбора может быть любым, но он должен присутствовать. В следующем примере *The winner of this will be somebody who appeals to a wide selection of people who have common concerns, not just one particular individual concern / Победителем станет тот, кто обращается к широкому кругу людей, имеющих задачи общие, а не сосредоточенные каждый на своей собственной* слово *selection* также вносит информацию об объектах – лицах одушевленных, которых объединяет наличие одних и тех же целей и задач – *who have common concerns*.

Анализ правой сочетаемости существительного *selection* показывает, что данное существительное используется преимущественно для номинации конкретных объектов и предметов. Среди самых частотных употреблений, согласно данным корпуса современного американского английского СОСА, это существительные *photographs, books, works, paintings, cheeses, wines, pots, recipes, dishes, videotapes, desserts, filters* и другие, обозначающие физические (материальные) объекты. При этом в списке из 100 самых частотных словоупотреблений не присутствуют одушевленные имена. Данный факт можно объяснить семантикой *selection* – исследуемое существительное вносит информацию о направленном отборе тех или иных объектов и объединении их в комплекс на основании общей функции или критерия отбора. Иными словами, объекты на которые указывает *selection*, образуют выборочную совокупность из объектов им подобных. Ср. также определение выборочной совокупности из математической статистики: *Выборка или выборочная совокупность — часть генеральной совокупности элементов, которая охватывается экспериментом (наблюдением, опросом).*

Сравнивая сочетаемость существительного *selection* с существительным *set*, которое также обозначает комплекс объектов, можно заметить, что

существительное *selection*, в отличие от слова *set*, крайне редко сочетается с наименованиями абстрактных объектов, в частности, обозначениями продуктов ментальной деятельности человека – *ideals, ideas, principles* и др.

Так, заменив существительное *set* на *selection* в следующем высказывании, мы получили предложение, которое было оценено информантами как абсолютно неприемлемое, ср. **Keating tried to create a selection of classroom ideals: love for the subject, experienced way into knowledge and lack of fear to be extraordinary / Китинг попытался создать набор учебных идеалов: любовь к предмету, опытный путь получения знаний и отсутствие страха быть непохожим на остальных.*

Как представляется, низкая частотность употребления существительного *selection* с обозначениями абстрактных понятий объясняется семантикой исследуемого слова. В начале главы было отмечено, что слово *selection* привносит информацию об объединении объектов на основании четкого критерия отбора.

В связи с тем, что абстрактные понятия типа *идеалы, принципы, стратегии, идеи* с трудом поддаются классифицированию и выделению наблюдателем общего для них всех и объективного критерия направленного отбора, слово *selection* используется для номинации подобных абстрактных понятий крайне редко. Вместе с тем, такие контексты в ряде случаев все же возможны, ср. *With Christmas just around the corner, here is a selection of ten present ideas for loved-ones / С приближением Рождества предлагаем вам подборку из 10 идей для подарка любимым,* где слово *selection* указывает на абстрактные объекты – идеи, которые максимально конкретизированы в данном контексте – указано их количество и направленность – это идеи для подарка. Так, наблюдатель, осуществляющий отбор именно этих идей из всего их множества, был ограничен двумя условиями – количеством и конкретностью идей – речь шла о подарках на Рождество, что и позволило ему сделать объективный выбор.

Далее, как показал анализ примеров, контексты, в которых повествуется о том, что объектами выборки с участием наблюдателя становятся люди или группы лиц, не являются частотными, однако все же встречаются. Рассмотрим один из нескольких примеров с указанием на группу одушевленных лиц, найденных в корпусе СОСА. Высказывание *You will see four of Britain's former prime ministers, including, of course, Dame Margaret Thatcher. It is an interesting selection of people, a very eclectic selection of people, Peter / Ты увидишь четырех бывших премьер-министров, включая, конечно, пожилую даму Маргарет Тэтчер. Это интересная группа людей, очень разнородная группа людей, Питэр* представляет собой эмфатическую конструкцию, о чем свидетельствует повтор словосочетания с *selection*, употребление обращения в конце высказывания – *Питэр*, а также указание на возрастной статус Маргарет Тэтчер – *пожилая дама*. Здесь слово *selection*, повторенное дважды для номинации людей, создает представление об ироничном отношении говорящего к предмету высказывания.

Специфичность контекстов, в которых слово *selection* употребляется для номинации одушевленных объектов, состоит в том, что в них всегда подразумевается наличие фигуры наблюдателя, осуществляющего направленный отбор по какому-либо критерию группы лиц из большей совокупности людей. Наблюдатель может быть указан и назван, а может лишь угадываться из общей семантики контекста высказывания. Так, в следующем высказывании *Here's a selection of members who have recently shared their holiday experiences with us / Вот подборка участников (интернет-форума), которые поделились с нами рассказами и отзывами о своем отпуске* слово *selection* указывает на комплекс лиц, отобранных по одному критерию – они все были в отпуске и рассказали об этом читателям форума. Наблюдателем в данном случае выступает администратор форума, который отобрал из всего множества участников форума тех, кто поделился своими впечатлениями об отпуске. При этом наличие фигуры наблюдателя угадывается из контекста: люди являются участниками Интернет-форума, а Интернет, в свою очередь,

всегда подразумевает формирование поискового запроса, и люди вполне могут являться объектами этого запроса и впоследствии могут быть сгруппированы по определенным критериям тем, кто формирует запрос.

При этом подобные «одушевленные» контексты употребления слова *set* отличаются отсутствием фигуры наблюдателя и характеризуются лишь наличием группы лиц, отобранных по какому-либо критерию для выполнения той или иной функции, которая может быть указана в данном контексте или же указание на нее может отсутствовать. Проиллюстрируем данное положение примерами из корпуса текстов СОСА.

В высказывании *That's going to bring a different set of people into the play when we look to sell it / Когда мы соберемся продать это, в игру должна быть вовлечена иная группа людей* существительное *set* используется для номинации одушевленных лиц, объединенных в группы для определенной цели – продать что-либо. Или, например, *We'll have a whole new set of people in there who need to be educated / У нас там появится абсолютная новая группа людей, которым необходимо дать образование*, где слово *set* используется для указания на группу лиц, для которых сформирована единая задача – их необходимо обучить.

В следующем примере *The Dockers were a different team. Not metaphorically – it was literally a new set of people / Докеры были другой командой. Не в переносном смысле – это была в прямом смысле новая команда людей* словосочетание *set of people / группа людей* употребляется в качестве синонима слова *team / команда*: (ср. словарную дефиницию *team – a number of persons associated in some joint action*). Иными словами, информация о выполнении одушевленными лицами, о которых вносит информацию слово *set*, одной и той же функции заложена в семантике контекста.

Следует выделить еще один семантический признак, различающий существительные *set* и *selection*. При сравнительном анализе контекстов употребления обоих исследуемых слов мы пришли к выводу о том, что слово *set* по сравнению со словом *selection* используется для номинации более

похожих и имеющих между собой больше общих свойств объектов. Как представляется, данную особенность можно объяснить тем, что в семантике слова *selection* содержится указание на наличие наблюдателя – одушевленного лица со своим собственным субъективным видением мира и системой приоритетов, позволяющими ему осуществлять отбор объектов на основании его собственных представлений о жизни и критериями того, что важно / нужно / интересно / полезно.

Таким образом, в семантике исследуемого существительного *selection* в рассматриваемом значении содержатся четыре признака, позволяющие концептуализировать номинируемое множество объектов как комплекс. Во-первых, все объекты обладают одной качественной определенностью, во-вторых, они представляют собой пространство множества, в-третьих, их количество ограничено несколькими десятками, в-четвертых, они объединены общей функцией и общим критерием отбора. Так, слово *selection* содержит информацию не только об объединении объектов на основании общего функционального назначения (см. слово *set*), но и наличием фигуры наблюдателя, осуществляющего отбор на основе своих субъективных критериев.

3.2. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в категорию

Как показало исследование, множество объектов может концептуализироваться как категория. В НФС категория определяется как предельно общее понятие. Категория подразумевает такое содержание, которое отображает фундаментальные, наиболее существенные связи и отношения объективной действительности и познания. (НФС 2003, 90). В толковом словаре русского языка Д.В. Дмитриева (ТСД) категорией называется «понятие, которое отражает общие свойства предметов или явлений» и далее автор отмечает, что «если вы делите предметы, людей,

явления на категории, значит, вы объединяете их по общему признаку, например, возрасту, качеству и т. д.» (ТСД).

Таким образом, объекты, объединенные в множество на основании общего признака, мы будем условно называть категорией. Как было упомянуто выше (см. п. 3.1), такой подход к категоризации является традиционным; категории, выделенные по признаку, общему для всех объектов ее составляющих, обезличены и абстрактны и не имеют отношения к индивиду, осуществляющему категоризацию. Общий признак является чаще всего объективным и никак не связан с индивидуальным опытом говорящего.

Такая точка зрения на процесс категоризации была развита еще в трудах Платона и Аристотеля. Аристотель в своем первом по порядку сочинении «Категории», входящем в состав «Органона», говорит о том, что каждое слово, называющее вещь, не только обладает вполне конкретным смыслом, но и имеет обобщенное значение. Такие обобщенные значения Аристотель и называет категориями: «Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или "сколько", или "какое", или "по отношению к чему-то", или "где", или "когда", или "находиться в каком-то положении", или "обладать", или "действовать", или "претерпевать» (Аристотель 1976, 25). Так, каждое слово можно отнести к той или иной категории, всего их, как мы видим, Аристотель выделил десять: категории сущности или субстанции, количества, качества, отношения, пространства, времени, состояния, обладания, действия и претерпевания. Например, слово человек имеет конкретное значение, отличающееся от значения которое имеет слово «животное». Вместе с тем, оба слова обладают общим значением сущности и обозначают живое существо. Таким образом, вещи, относящиеся к одной категории, должны обладать общим признаком. Рассуждая о категории сущности и принадлежности к ней различных живых существ (человека, лошади), Аристотель отмечает, что «одна первая сущность не в большей мере сущность, чем другая. Ведь отдельный человек есть сущность несколько не в большей мере, чем

отдельный бык». Иными словами, все члены категории абсолютно равноправны (там же).

В диалоге «Кратил» Платона три собеседника Сократ, Гермоген и Кратил обсуждают присвоение вещам имен и связь присвоенного имени с природой самой вещи. Рассуждая о способах формирования новых имен вещей из старых (путем добавления/убавления букв, смены ударения) на примере слова «человек», Сократ говорит о том, что имя «человек» означает, что, «тогда как остальные животные не наблюдают того, что видят, не производят сравнений, ничего не сопоставляют, человек, как только увидит что-то, а можно также сказать «уловит очами», тотчас начинает приглядываться и размышлять над тем, что уловил. Поэтому-то он один из всех животных правильно называется «человеком», ведь он как бы «очеловец» того, что видит» (Платон 2006, 446).

Иными словами, Платон относит к категории «человек» все живые существа, объединенные общим свойством – способностью «приглядываться и размышлять над тем, что уловил».

Таким образом, Платон и Аристотель являются основоположниками классической теории категоризации и предлагают классифицировать объекты на основании их общих свойств.

3.2.1. Семантика существительного *assortment*

Обратимся к рассмотрению семантической структуры существительного *assortment*, содержащей три признака, которые позволяют интерпретировать денотат исследуемого слова (множество объектов) как категорию. Существительное *assortment* концептуализирует номинируемые объекты как:

- пространство множества объектов,
- все объекты данного множества обладают одной качественной определенностью и могут быть объединены на основании субъективного критерия (заданного наблюдателем),
- количество объектов не ограничено.

Действительно, исследование показало, что ИГ *assortment (of)* используется для номинации объектов, имеющих между собой существенные отличия, но вместе с тем объединенных общим категориальным признаком – такие объекты образуют категорию (о категориальном признаке см. далее). Следует отметить, что данный признак в семантике существительного *assortment* может быть связан с индивидуальным опытом говорящего. Иными словами, данное слово может вносить информацию о наличии деятеля, «собирающего» объекты в множество на основании какого-либо критерия или признака, не всегда очевидного из контекста, но понятного и релевантного для деятеля, выбравшего данный признак в качестве основания для «собираения» объектов. (При этом «собираение» объектов не предполагает какого-либо распределения по порядку или классифицирования – оно основано на произвольно выбранном признаке, ср. критерии формулирования математического множества – множество всех пурпурных объектов в комнате – п. 1.2). Обратим особое внимание на то, что присутствие наблюдателя в контекстах со словом *assortment* не обязательно, в отличие, например, от слова *selection*, которое всегда вносит информацию о наличии наблюдателя, осуществляющего отбор объектов на основании какого-либо критерия.

Для иллюстрации положения о том, что в семантической структуре слова *assortment* содержатся три указанных выше признака, которые позволяют интерпретировать номинируемое данным словом множество как категорию, рассмотрим примеры и контексты употребления исследуемого существительного из корпуса СОСА. Исследуемое слово *assortment*, указывая на значительно отличающиеся между собой объекты, часто употребляется в контекстах, где привносится представление о беспорядочном и хаотичном их расположении в общей атмосфере неустроенности и путаницы. Такие контексты часто передают информацию о том, что описываемая в них ситуация является скорее отклонением от нормы, а не нормой. Рассмотрим контексты подобного рода: в высказываниях *Built-in shelves contained board games, cartons marked GLASSWARE, and a hapless assortment of books. More*

stacks of books covered a warped Ping-Pong table. / На встроенных полках лежали настольные игры, картонные коробки с надписью СТЕКЛЮ и непонятная горка книг. Кипы книг покрывали и покосившийся стол для пинг-понга существительное *assortment* используется для номинации объектов одного класса – книг, которые лежат произвольным образом на полках, столе. Об отсутствии строгого порядка в расположении объектов свидетельствует прилагательное *hapless* (ср. словарную дефиницию: *hapless – miserable, wretched, forlorn*). Словосочетания *warped table / покосившийся стол, stacks of books / кипы книг* также вносят идею общей неустроенности и хаоса.

Рассмотрим еще один похожий контекст: *The continent's natives were no better a motley assortment of races, many of them monstrous half-breeds born of unnatural unions* / Коренное население континента представляло собой пеструю смесь рас, многие из аборигенов были жуткими полукровками, рожденными от неестественных союзов, где слово *assortment* указывает на сосуществование разнообразных групп людей, сложившихся исторических (ср. дефиницию определяющего слова *motley – exhibiting great diversity of elements*). Иными словами, в данном высказывании ключевой является информация о разнородности нематериальных объектов, на которые указывает слово *assortment*.

В следующем высказывании представлена картина войны, бессмысленная и беспощадная: *Between there and here, the cut and thrust action, with the ragtag assortment of combatants including growing numbers of civilians of all ages armed with rifles, axes, spades, knives, sickles, and anything else that's handy, becomes harder to sort out* / Там и тут резня и бойня, разнородное войско, состоящее из гражданского населения всех возрастов, вооруженное винтовками, топорами, лопатами, ножами, серпами и другими подручными средствами, все сложнее дисциплинировать и взять под контроль. Здесь исследуемое слово *assortment* определяется прилагательным *ragtag* (ср. дефиницию в словаре прилагательного *ragtag – made up of mixed, often diverse, elements*), вносящем информацию о разнородности номинируемых объектов. В

данном контексте также содержится указание на потенциального деятеля, перед которым могла бы быть поставлена задача – дисциплинировать такое разнородное войско.

Возможность употребления существительного *assortment* в подобных контекстах объясняется в первую очередь тем, что слово *assortment* используется для номинации объектов, имеющих между собой существенные различия и вероятно принадлежащих к различным подклассам. В свою очередь, беспорядочное расположение таких разных объектов – возможная ситуация, которая может следовать из условия их существенного отличия. Иными словами, физические объекты, сильно различающиеся между собой, могут быть объединены вместе с тем в одну смысловую группу произвольным образом и по одному лишь признаку выраженности одной качественной определенности, а не общего функционального назначения (как это имеет место в семантической структуре слова *set*) или четко заданного критерия отбора (ср. семантику существительного *selection*) и т.д. В вышеприведенных контекстах информация о различии объектов, на которые указывает слово *assortment*, вносится определяющими словами – прилагательными или причастиями – *ragtag*, *motley*, *hapless*. В некоторых высказываниях информация о разнородности объектов передается контекстом, специальными конструкциями и оборотами или же просто перечислением объектов. Критерий объединения объектов в множество может быть задан деятелем, информация о прямом или косвенном наличии которого привносится контекстом.

Например, в следующем предложении *Mr. Bond's FAA takes over, issuing and then enforcing an assortment of safety regulations ranging from the hours pilots work to the air worthiness of the air planes* / *Федеральное управление гражданской авиацией г-на Бонда примет на себя руководство, выпустит и претворит в жизнь ряд правил технической безопасности, начиная с пилотных часов и заканчивая лётной годностью самолетов* существительное *assortment* указывает на абстрактные понятия – правила безопасности,

включающие в себя различные меры, которые устанавливает федеральное управление. Информация о широте диапазона упомянутых указаний по безопасности передается с помощью конструкции *ranging from ...to* (см. подробное описание слова *range* в п. 3.4).

В высказывании *In past years, the city council lavished money into enhancing the riverfront by adding a new boathouse and an **assortment** of beautiful trees, flowerbeds, and general landscaping* / В прошлые годы городской совет расточал денежные средства на улучшение набережной, построив новый лодочный домик и разнообразив местность множеством красивых деревьев, цветочных клумб и создав общий ландшафтный дизайн слово *assortment* используется для номинации ряда объектов, относящихся к ландшафту местности – деревья, клумбы.

В предложении *The kits include a diverse **assortment** of high-tech gear, including microscopes, rock collections, and all of the components needed to build a programmable robot* / Комплекты включают разнообразный набор высокотехнологичного оборудования, включая микроскопы, образцы пород и все комплектующие, необходимые для того, чтобы собрать программируемого робота исследуемое слово *assortment* указывает на материальные объекты, имеющие между собой существенные различия, но, вместе с тем, принадлежащие к одной группе технических приспособлений и инвентаря. Прилагательное *diverse* (ср. словарную дефиницию слова *diverse – of a different kind, form, character, etc.; unlike*) также привносит идею разнообразия объектов, объединенных в группу.

Можно также привести примеры высказываний, где слово *assortment* используется для номинации одушевленных объектов. Рассмотрим высказывание: *An odd **assortment** of guests: old friends, relatives, church members and business associates, and other people who touched her big heart* / Странный набор гостей: старые друзья, родственники, прихожане и деловые партнеры, и другие люди, которые имели доступ ее большому сердцу, где существительное *assortment* указывает на гостей – группу одушевленных лиц,

которая объединяет разных людей из различных сфер жизни – семья, работа, увлечения. На первый взгляд, при простом перечислении этих лиц и отсутствии контекста сложно сказать, по какому принципу и критерию они могут быть объединены в группу.

Ср. также прилагательное *odd*, определяемое в словаре как *differing in nature from what is ordinary, usual, or expected*, которое также привносит представление об отклонении от нормы и необычности группы, включающей в себя такие разные объекты. Вместе с тем, в данном контексте содержится информация о наличии деятеля, имеющего свои сердечные предпочтения, которые и определяют состав данной группы лиц.

В высказывании *But an unusual assortment of players, including furniture makers, the Chinese government, Republicans from states with a large base of furniture manufacturing and even some Democrats, have questioned the E.P.A. proposal* / Необычный набор игроков, включающий производителей мебели, китайское правительство, республиканцев из штатов с хорошей базой для изготовления мебели и даже некоторые демократы поставили под сомнение предложение E.P.A. слово *assortment* также используется для номинации широкого круга лиц, составляющих множество участников некоторой кампании.

Обращение к корпусу американского английского языка и анализ частотности правых и левых употреблений слова *assortment* позволяет сделать вывод о том, что данное существительное часто определяется такими прилагательными, как *wide, odd, motley, large, vast, random, diverse, strange, broad, varied, rich, amazing, unusual, impressive*, вносящими информацию о многообразии объектов множества, а также – в некоторых случаях – необычности и «случайности» их объединения.

Говоря о правой сочетаемости существительного *assortment*, следует отметить, что наиболее часто оно используется для номинации физических объектов – *tools, books, vegetables, goods, knives, objects, images, plants, cheeses, instruments, clothes*. Вместе с тем, встречаются также сочетания с

одушевленными именами – *characters*; и крайне редко слово *assortment* употребляется с абстрактными понятиями – *reasons, beliefs, crimes, hardware, talents*.

Далее, ограничения по количеству объектов, входящих в множество, на которое указывает слово *assortment*, отсутствуют. Иными словами, количественный признак для семантики данного слова, в отличие от исследуемых в диссертации слов *set* и *selection*, представляется нерелевантным. Подтвердим данное утверждение примерами. Так, употребление слова *assortment* приемлемо в высказывании, где повествуется о большом количестве объектов (около ста), ср. *The company produces an assortment of beauty care products and make-up, about one hundred items all available in large beauty shops* / Компания производит ряд косметических средств и средств макияжа, около ста наименований – все в наличии в крупных магазинах косметики. В предложении, вносящем информацию о небольшом количестве объектов – не более 12, также возможно применение существительного *assortment*, ср. *An assortment of marble types, about a dozen of them, were selected for different purposes* / Различные виды мрамора, около дюжины, были выбраны для разных целей.

Для доказательства того, что данное слово вносит постулируемую информацию, сравним три словосочетания с одним и тем же объектом номинации – стулом. Так, словосочетание *a selection of chairs* вносит информацию о наличии говорящего или субъекта высказывания, который осуществляет отбор ограниченного количества стульев из множества стульев по какому-либо критерию, например, цвету. Иными словами, *selection of chairs* используется для указания на такую ситуацию, когда из всего разнообразия стульев говорящий выбрал несколько, отвечающих его требованию, – они все одинакового цвета, при этом стулья могут быть разными по высоте, размеру, материалу изготовления и т.д. Кроме того, если из всего множества отобранных стульев извлечь один стул, множество останется множеством, то

есть уменьшение / увеличение количества объектов такого множества не релевантно по отношению к обозначению его как совокупности.

В словосочетании *a set of chairs* привносится представление о наличии комплекса объектов – стульев, объединенных функционально, ограниченных по количеству и имеющих ряд общих признаков – высота, цвет, материал изготовления. При извлечении одного объекта из такого комплекса присущая ему целостность может утрачиваться.

Словосочетание *an assortment of chairs*, в отличие от словосочетания *a set of chairs*, указывает на наличие множества стульев, значительно отличающихся между собой по признакам формы, цвета, размера и т.д. Иными словами, материальные объекты, которые номинирует слово *assortment*, отличаются между собой по многим параметрам, тогда как как эти же объекты (стулья), номинированные словом *set*, представлены как более схожие между собой.

Таким образом, в семантической структуре слова *assortment* в рассматриваемом значении содержится три признака, позволяющие концептуализировать номинируемое им множество объектов как категорию. Во-первых, все объекты представляют собой пространство множества. Во-вторых, они объединены общим категориальным признаком (при этом могут значительно отличаться между собой) и могут быть объединены общим критерием, на основании которого они собраны в множество. В-третьих, их количество не ограничено.

3.2.2. Семантика существительного *variety*

Рассмотрим семантику существительного *variety*. В его семантической структуре содержится три признака, связанные с интерпретацией пространства множества объектов как категории, а именно: данное слово вносит информацию о том, что описываемые объекты концептуализируются

– как пространство множества объектов,

- все элементы данного множества обладают одной качественной определенностью – общим категориальным признаком,
- количество объектов не ограничено.

Из этого следует, что слово *variety* используется для номинации такого множества, элементы которого объединены общим «существенным» свойством, позволяющим считать данные объекты объектами одной качественной определенности. Иными словами, объекты могут иметь между собой незначительные отличия – отличаться по ряду признаков, однако в каждом объекте обязательно присутствует общий для них всех категориальный признак. Под категориальным признаком понимается некий признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных объектов на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (ЛЭС). Категориальный признак служит для обобщения объектов в один класс. Приведем пример: для птиц категориальными будут два признака – наличие клюва и способность к полету; и именно одновременное наличие двух этих признаков позволяет отнести живое существо к классу птиц.

Такое словосочетание, как *a variety of apples*, например, используется для номинации объектов, которые могут отличаться между собой размером, цветом, вкусом и другими признаками, но вместе с тем, эти объекты объединены общим категориальным признаком – они представляют собой плоды яблони. Количество таких объектов не ограничено ни десятками, ни сотнями, их может быть сколь угодно много.

Информация о наличии наблюдателя как субъекта, отбирающего и объединяющего объекты в категорию, в семантике слова *variety* не присутствует (в отличие от остальных исследуемых существительных). Ср., напротив, слово *selection*, вносящее информацию о присутствии наблюдателя, осуществляющего направленный отбор по определенному признаку объектов из числа им подобных. Существительное *assortment* также может привносить

представление о наличии деятеля, собирающего объекты в одну совокупность на основании какого-либо общего признака или для какой-либо цели. При этом следует отметить, что «собрание» объектов не предполагает их классифицирования и распределения по определенным признакам / классам или каким-либо особенностям.

Из положения о том, что при использовании существительного *variety* отсутствует информация о наличии субъекта, объединяющего объекты в категорию, можно заключить, что данное слово может использоваться для номинации большого и практически неограниченного множества объектов – по сравнению со словом *selection*, которое указывает на такое множество объектов, которое было собрано / отобрано, то есть количество объектов такого множества не может быть бесконечно большим – оно подлежит отбору / сортировке / накоплению.

Подтвердим вышесказанное примерами из корпуса текстов американского английского языка: существительное *variety* часто используется в высказываниях для номинации материальных объектов – например, *I collected and analyzed a **variety** of videos, photographs, drawings, song lyrics, prayers, poetry, texts, and other digital creations* / *Я собрал и проанализировал разнообразные видео, фотографии, рисунки, тексты песен, молитвы, поэзию, тексты и другие цифровые творения*, где слово *variety* указывает на разнообразные объекты – тексты, рисунки, фотографии, объединенные в одну категорию или группу цифровых источников информации.

Как было отмечено выше, существительное *assortment* также употребляется для обозначения категории материальных объектов (см. подробнее 3.2.1). Как показал опрос информантов, замена существительного *variety* на существительное *assortment* в вышеприведенном контексте не приводит к появлению некорректного высказывания. Напротив, полученное высказывание информанты оценили как приемлемое и предпочтительное: *I collected and analyzed an **assortment** of videos, photographs, drawings, song lyrics,*

prayers, poetry, texts, and other digital creations. Это объясняется двумя причинами. Первая состоит в том, что в данном высказывании присутствует агенс – *I / я*, собирающий объекты вместе (существительное *assortment*, как было отмечено выше, часто употребляется в подобных контекстах). Вторая причина заключается в том, что оба существительных одинаково хорошо употребляются для номинации материальных объектов. Вместе с тем, информация, которую они приносят, может быть различна.

Рассмотрим следующий пример *Encouraging, but never forcing, your child to eat a **variety** of foods should be the main objective / Вдохновлять, но при этом не заставлять, вашего ребенка есть разные продукты должно стать вашей главной задачей*, где слово *variety* употребляется для указания на различные продукты питания. Эти объекты – продукты имеют между собой нечто общее – они подлежат в пищу детям. Вместе с тем, количество таких продуктов может быть сколь угодно большим, а состав разнообразным. Среди них могут быть и фрукты, и овощи, и мясо, и рыба и т.д.

Заменив существительное *variety* на существительное *assortment* в данном контексте, мы получили высказывание, которое было оценено информантами как непредпочтительное, ср. **Encouraging, but never forcing, your child to eat an **assortment** of foods should be the main objective*. Один из информантов оставил следующий комментарий: «*If you use 'assortment' it would suggest that the child should eat all of the different foods in one meal. It goes back to assortment being associated with more concrete groups*» / *Если использовать существительное 'assortment', можно предположить, что ребенок должен съесть весь набор различных продуктов за один прием пищи. Это объясняется тем, что assortment ассоциируется с более конкретными группами* (перевод мой – Гордиенко А.). Как представляется, под «конкретными» группами понимается именно то, что объекты, которые номинирует слово *assortment*, представляют собой **собрание** объектов, объединенных по общему признаку. Этот признак может быть субъективным

и зависеть от мнения, настроения, личных качеств или эмоций наблюдателя, наличие которого угадывается в некоторых контекстах.

Рассмотрим еще один пример: *In both writing and art activities, a wide variety of materials such as different types of paintbrushes and paper should be provided* / Для занятий как письмом, так и изобразительным искусством необходимо предоставить широкое разнообразие кистей и бумаги, где слово *variety* указывает на категорию материальных объектов – разнообразные художественные кисти и бумагу, которые в дополнение имеют общее функциональное назначение – их будут использовать в рисовании и письме.

По результатам опроса информантов данное высказывание с существительным *assortment* (вместо слова *variety*) является также приемлемым и употребительным, ср. *In both writing and art activities, a wide assortment of materials such as different types of paintbrushes and paper should be provided*. Вместе с тем, информация, которую несет такое предложение, будет отличаться от аналогичного предложения со словом *variety* тем, что в нем содержится указание на «собирательную» природу материальных объектов. Иными словами, слово *assortment* предполагает наличие деятеля, объединившего все эти объекты, буквально собравшего их вместе.

Исследуемое слово *variety* используется для номинации одушевленных лиц. Ср. *Moody was chairman of the conference and the initiative was supported by a wide variety of individuals, including a number of MPs, communists, church leaders and many others* / Муди был председателем конференции, и инициативу поддержали широкий круг лиц, включая нескольких членов парламента, коммунистов, церковных деятелей и многих других, где слово *variety* указывает на большое количество людей из различных профессиональных сфер деятельности. Этим разных людей объединяет лишь то, что все они поддерживают данную инициативу. В высказывании *There's such a variety of people with so many different interests here* / Здесь такие разные люди с такими различными интересами слово *variety* привносит информацию о разнообразии круга людей. Характер разнообразия и различительные признаки людей при

этом не релевантны. Ср. еще один подобный пример: *Last year, we asked a variety of people about the books they were reading or planned to read over the summer* / В прошлом году мы спрашивали разных людей о том, какие книги они читали или планировали прочесть летом.

Следует отметить, что существительное *assortment* крайне редко употребляется в подобных контекстах, что объясняется семантикой данного слова – оно содержит информацию о совокупности объектов, собранных вместе наблюдателем. Такими объектами, как показал анализ употреблений слова *assortment*, являются чаще всего физические (материальные) объекты.

Вместе с тем, употребление *assortment* для номинации одушевленных лиц в некоторых контекстах вполне приемлемо. Например, в высказывании *An assortment of people, animals, and inanimate objects gather in All My Friends Are Dead to share their existential thoughts on life* / Компания людей, животных и неживых объектов собираются в книге «Все мои друзья мертвы» и делятся своими мыслями о мирском существовании существительное *assortment* используется для номинации разных категорий (живых существ, материальных объектов), собирающихся вместе. (Ср. словарную дефиницию глагола-сказуемого *gather – to bring together into one group, collection, or place*). Иными словами, возможность употребления *assortment* в таком контексте объясняется именно признаком «собираемости», присутствующем в его семантике.

Следует отметить, что примеров употребления слова *assortment* со словами, обозначающими одушевленных лиц, крайне мало. Так, из 2099 высказываний с *assortment*, найденных в корпусе текстов СОСА, таких примеров всего 15.

Существительное *variety*, в отличие от слова *assortment*, широко сочетается с абстрактными понятиями и продуктами ментальной деятельности человека. Среди таких существительных слова *sources, ways, issues, reasons, factors, situations, strategies, approaches, perspectives, purposes*. Как представляется, высокая сочетаемость слова *variety* с подобными

абстрактными существительными объясняется тем, что исследуемое слово привносит информацию о наличии разнообразных объектов, отличающихся между собой, но имеющих при этом общий категориальный признак – любые *purposes / цели*, например, во всем их возможном разнообразии представляют собой предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта.

Далее, существительное *variety* не маркировано по признаку упорядоченности различных объектов в соответствии с принципом их классифицирования или критерием отбора, что релевантно по отношению к продуктам ментальной деятельности – их сложно упорядочить, обобщить или классифицировать.

В качестве примера рассмотрим высказывание *Candidates need to practice their answers to a variety of possible questions prior to interviews / Перед интервью кандидатам необходимо практиковаться в ответах на разнообразные вопросы, которые могут возникнуть*, где слово *variety* используется для номинации абстрактных объектов или форм мысли – вопросов, которых может быть бесконечно много и их содержание сложно предугадать в силу того, что «полет» мысли может быть непредсказуем. Иными словами, объекты, на которые указывает существительное *variety*, могут быть разными, но при этом они все объединены в одну категорию – категорию вопросов – словесных обращений, требующих ответа. Рассмотрим еще один пример: *In general music, students gain proficiency in a variety of skill areas including singing, playing instruments, moving, and listening / На занятии по обычной музыке студенты на профессиональном уровне осваивают разнообразные навыки, включая пение, игру на музыкальных инструментах, движения и умение слышать*, где слово *variety* используется для номинации широкого круга действий, объединенных отнесением к одной категории навыков, которые можно получить на музыкальном занятии.

Существительное *variety* часто определяется такими прилагательными, как *wide, great, whole, large, infinite, rich, broad, huge, endless, enormous, vast, incredible, amazing, astonishing*, вносящими представление о размере

множества: его широте, неохватности и необъятности множества объектов, для номинации которых используется слово *variety*. Ср. словарные определения: *enormous* – greatly exceeding the common size, extent, etc.; *infinite* – immeasurable great; *vast* – very great in number, quantity, amount, etc.; *endless* – having or seeming to have no end, limit, or conclusion. Следует отметить, что самым частотным из левых окружений слова *variety* является прилагательное *wide* (ср. словарную дефиницию *wide* – *having considerable extent from side to side, broad*).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих положение о том, что слово *variety* часто употребляется для обозначения большого количества отличающихся между собой объектов. Так, в высказывании *Dave's case represents only one of a vast variety of career scenarios that will likely emerge over the next 10 years* / *Случай с Дэйвом представляет собой только один из широкого разнообразия карьерных вариантов, которые могут произойти в ближайшие 10 лет* слово *variety* применяется для номинации абстрактных объектов – случаев, вариантов развития событий, которые могут возникнуть в десятилетний период времени. Из контекста очевидно, что таких событий за 10 лет может произойти великое множество, и все они будут отличаться один от другого. Ср. также высказывание *Humans use and consume nature in an endless variety of ways* / *Люди используют и потребляют природу бесчисленным разнообразием способов*, где в самом контексте заложена информация о многообразии объектов.

Следует особо отметить, что существительное *variety* предполагает не только количество объектов, которое может быть сколь угодно большим, но и разнообразие и отличие объектов друг от друга. Например, *Creative approaches to supervision are being used in a variety of different settings* / *Творческие подходы к контролю и наблюдению используются во многих различных условиях*, где прилагательное *different* вносит информацию о различии абстрактных объектов – обстоятельств (см. словарную дефиницию слова *different* – *not alike in character or quality; distinct in nature; dissimilar*).

Или, к примеру, высказывание *This includes a wide **variety** of diverse books in every setting possible* / Сюда входит широкое разнообразие книг для всех возможных обстоятельств, где словосочетание *variety of diverse books* привносит аналогичное представление о многообразии объектов в их различии (ср. словарную дефиницию прилагательного *diverse – of a different kind, form, character, etc.; unlike*).

Таким образом, существительное *variety* используется для номинации как одушевленных лиц, так и объектов, конкретных и абстрактных, а также продуктов ментальной деятельности человека. Такая широкая сочетаемость объясняется тем, что исследуемое слово *variety*, в отличие от остальных исследуемых слов, не маркировано по семантическим признакам упорядоченности / неупорядоченности, наличия наблюдателя, ограниченности объектов множества или признаку функциональности (соответствия объектов определенной цели и назначению).

Слово *variety* указывает на множество объектов, имеющих одну качественную определенность и различающихся между собой незначительно; такое множество объектов концептуализируется как категория. Информацию, вносимую данным словом, можно обозначить как «разнообразие объектов в их многообразии».

3.3. Семантика существительного *diversity*

Исследуемое существительное *diversity* вносит информацию об участии в описываемом событии пространства множества объектов разной качественной определенности, количество которых не ограничено. Как представляется, такое множество объектов не может концептуализироваться ни как категория, ни как комплекс, ни как последовательность, и характер организации множества объектов, номинируемого существительным *diversity*, принципиально иной, нежели тот, по которому объединяются в множество объекты, обозначаемые словами *variety, set, selection, series (of), assortment, range*.

Приведем аргументы в пользу того, что слово *diversity* номинирует множество объектов разной качественной определенности (не объединенных общим категориальным признаком). Как показал анализ правой сочетаемости данного существительного, оно крайне редко употребляется в сочетании с обозначениями конкретных (материальных) объектов. Возможно, это объясняется тем, что общий категориальный признак можно выделить лишь для материальных объектов, имеющих определенные физические свойства, среди которых легко выделить ключевое существенное свойство, отличающее эти объекты от других. Так, например, в корпусах текстов не было найдено ни одного словосочетания типа *diversity of books*. Вместе с тем, слово *diversity* часто употребляется с обозначениями продуктов ментальной деятельности человека (*opinion, views, issues*), групп одушевленных лиц (*learners, community*) и т.д. Например, в высказывании *No president before Bush faced such a diversity of nuclear dangers / Ни один президент до Буша не сталкивался с таким количеством разных ядерных угроз* слово *diversity* используется для номинации неконкретных источников возникновения опасности.

Существительное *diversity* (в отличие от исследуемых слов *set, selection, series (of), assortment, range*) может также употребляться для номинации не отдельных объектов, а совокупности объектов, обозначенной абстрактным существительным, использованным в форме единственного числа, которое служит наименованием собирательного понятия. (Ср. определение собирательного понятия в логике: *собирательные – понятия, в которых мыслятся признаки некоторой совокупности элементов, составляющих единое целое (коллектив, полк, созвездие)*). В качестве примера приведем высказывание: *The Amazon rain forest sustains a greater diversity of animal life / Тропические леса Амазонки поддерживают огромное разнообразие животной и растительной жизни*, где слово *diversity* используется для номинации совокупности объектов, представляющей собой животный мир и объединяющей объекты разной качественной определенности. Если в данном высказывании абстрактное словосочетание *animal life* заменить на конкретное

существительное *animals*, указывающее на объекты одной качественной определенности, полученное высказывание носители языка оценивают как непередпочтительное: **The Amazon rain forest sustains a greater **diversity** of animals*, сопровождаемая следующим комментарием «*It sounds a bit weird. I think animals are too concrete to work directly with diversity / Звучит странно. Думаю, слово животные слишком конкретно, чтобы употребляться вместе с diversity*» (перевод мой – А. Гордиенко). Ср. также высказывание *Can't we recognize, describe and name such **diversity** of behavior in other species without always making ourselves the measure of all things? / Неужели мы не можем распознать, описать и дать название таким разнообразным формам поведения у других видов, не делая себя всегда мериллом всех вещей?*, где слово *diversity* используется для номинации объектов, обозначенных абстрактным существительным *behavior*.

В связи с тем, что существительное *diversity* часто указывает на объекты множества, обозначенные абстрактным существительным в единственном числе, во многих высказываниях информация о наличии именно нескольких (не одного) объектов / идей / явлений вносится самим контекстом. Так, например, в предложении *The strength of the exhibition is that it shows the extraordinary vitality and **diversity** of the British image of India / Сильная сторона выставки заключается в необычайной жизнеспособности и разнообразии британского представления об Индии* словосочетание *diversity of the British image of India* вносит информацию о наличии разных представлений у каждого отдельного британца об Индии. Ср. Также высказывание *These topics provide fertile ground for discussion, especially in light of the ideological **diversity** of the class / Эти темы дают благодатную почву для обсуждения, особенно в свете идеологического разнообразия класса*, где вносится информация о разных системах ценностей у представителей одного класса. В следующем предложении *The **diversity** of the funders mirrors the **diversity** of the environmental movement itself / Многообразие спонсоров отражает также разнообразие самого движения в защиту окружающей среды* отчетливо видна

разница в употреблении исследуемого слова с точки зрения указания на пространство множества объектов: в первом словосочетании *diversity of funders* объектом номинации являются спонсоры (множество, передаваемое формой множественного числа имени существительного); тогда как словосочетание *diversity of the environmental movement itself* скорее вносит информацию о самом факте многообразия и различности явления, нежели используется для указания на пространство множества объектов. Ср. также *It's the diversity of viewpoint that is at the core of this issue* / Многообразие точек зрения – вот в чем суть вопроса.

При этом следует отметить, что в некоторых контекстах со словом *diversity* отчетливо прослеживается его самостоятельность как языковой единицы, которая проявляется в возможности употребления данного слова отдельно, без указания на объекты пространства множества: *But the nature of diversity of political parties is as important as the fact of diversity* / Но природа разнообразия политических партий так же важна, как и сам факт разнообразия.

Отличительной особенностью всех без исключения контекстов употребления слова *diversity* является вносимая данным существительным информация о высокой степени отличия номинируемых данным существительным объектов / явлений друг от друга. Существительное *diversity* часто определяется такими прилагательными степени охвата, как *wide, entire*, а также прилагательными размера *huge, enormous, great*. Сочетания *wide diversity, rich diversity* имеют высокий ранг по MI-score (употребляются скорее вместе, чем по отдельности) – см. подробно п. 2.1.1.2). Ср. *This map shows the enormous diversity of religious faith around the world* / На карте показано невероятное разнообразие вероисповеданий по всему миру, где слово *diversity* определяется прилагательным *enormous*, вносящим информацию о необъятности множества объектов (см. словарную дефиницию: *enormous* – greatly exceeding the common size, extent, etc.). Приведем еще один пример:

Africa has such a great diversity of culture / В Африке такое богатое разнообразие культур.

Следует отметить, что существительное *diversity* часто употребляется в таких высказываниях, когда информация о многообразии и различии рассматриваемых явлений между собой вносится элементами контекста: например, в предложении *The school offers financial aid and scholarships and promotes its efforts to recruit students and faculty who reflect the cultural diversity of its community / Школа предлагает финансовую помощь и стипендии, а также акцентирует внимание на своих усилиях по набору студентов и преподавателей, отражающих культурное многообразие своего сообщества* сочетание *cultural diversity of its community* вносит представление о наличии культурных традиций в рамках одного сообщества, которых может быть неисчислимое множество и они могут представлять собой полярные противоположности. См. также *Both speakers paid tribute to the ethnic diversity of the city and the need to include everyone in the economic expansion / Оба выступавших отдали дань уважения этническому многообразию города и необходимости включить всех в экономическую экспансию*, где речь идет о многообразии этносов, которых может также быть сколь угодно много.

Таким образом, исследуемое слово *diversity* указывает на множество объектов, имеющих разную качественную определенность и значительно различающихся между собой; такое множество объектов представляет собой принципиально иное образование, которое нельзя концептуализировать ни как комплекс, ни как категорию, ни как последовательность. Информацию, вносимую данным словом, можно обозначить как «многообразие объектов в их отличии».

3.4. Семантическое описание существительных, указывающих на объединение объектов множества в последовательность

Рассмотрим семантику исследуемых слов *variety, selection, set, series (of), assortment, range* и проанализируем возможность трактовки их значения через

предложенные представления о линейном расположении объектов в рамках пространства множества. Линейная последовательность объектов множества предполагает некоторую упорядоченность в распределении объектов.

Под упорядоченностью в рамках данной работы понимается наличие некоторой закономерности (логического правила) в размещении объектов множества. Логическое правило может представлять собой размещение объектов в виде последовательности, геометрической фигуры или в соответствии с некоторой логической формулировкой. Приведем пример последовательного размещения объектов в рамках множества: *A variety of books is put on the shelf in alphabetical order by the author's last name / Книги расставлены на полке в алфавитном порядке по фамилии автора.* В данном примере место объекта (книги) определяется принципом расстановки – по алфавиту, то есть «буква за буквой», и все объекты, таким образом, организованы последовательно и строго упорядочены в рамках данного множества.

Рассмотрим пример расположения объектов в виде геометрической фигуры: *A variety of books on the table is shaped into a circle / Книги разложены в круг на столе.* В данном примере представлен иной принцип упорядочивания объектов – размещение их в рамках множества в виде круга.

Еще один пример упорядочивания объектов – их размещение в соответствии с заданной логической формулировкой: *A variety of books are put on the shelf in alphabetical order but dictionaries take the first place / Книги расставлены в алфавитном порядке, но словари стоят первыми,* где принцип расположения объектов задан субъектом (или говорящим).

Объекты будут считаться неупорядоченными, если в их распределении в рамках множества отсутствует какая-либо закономерность. Информация о неупорядоченности объектов в рамках множества может привноситься глаголом, в семантике которого содержится указание на «разбросанность» и отсутствие какой-либо закономерности (логики) в распределении объектов: *The kitchen table was strewn with a variety of products / Стол был завален*

разнообразными продуктами. Ср. дефиницию глагола *strew*: *strew – v. to scatter over a surface; to cover with scattered things*, где элементы *to scatter* (*раскидывать*), *scattered* (*разбросанный*) привносят представление о неупорядоченности.

Как показало исследование, ИГ *series (of)* привносит представление об упорядоченности объектов, составляющих множество. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что в ходе проведения исследования не было выявлено примеров, в которых данное существительное указывает на неупорядоченные объекты. Так, в рамках дистрибутивного анализа были проанализированы высказывания, в которых встречается данная ИГ и было определено, что во всех рассмотренных контекстах отсутствуют элементы контекста, вносящие информацию о бессмысленности и хаосе в распределении объектов или явлений. Ср. типичные высказывания с существительным *series (of)*: *Language is governed by a series of conventions / Языком управляют ряд условностей, This theory was presented by a professor in a series of lectures / Данную теорию профессор изложил в ряде своих лекций*, где отсутствуют элементы, вносящие информацию о неупорядоченности событий или предметов. Далее, для проверки вышеупомянутого предположения о том, что существительное *a series (of)* указывает только на упорядоченные, связанные между собой объекты, информантам был предложен ряд высказываний, где ИГ *a series (of)* используется вместе с глаголами, вносящими информацию о неупорядоченности в распределении объектов в рамках множества (например, глагол *to strew* – дефиницию данного глагола см. выше). Все эти предложения были оценены как неправильные, ср. **The kitchen table was strewn with a series of products*. Как представляется, невозможность употребления группы *a series (of)* в приведенном высказывании объясняется именно тем, что глагол *to strew* привносит представление о хаосе в распределении объектов, и данная информация вступает в противоречие с тем представлением об упорядоченности, которое вносит исследуемое существительное *a series (of)*.

Исследование показало, вместе с тем, что употребление глагола *to line* в данном контексте также представляется приемлемым, ср. *The kitchen table was lined with a series of products* / На кухонном столе были разложены в ряд разнообразные продукты. Возможность употребления группы *a series (of)* в приведенном высказывании объясняется именно тем, что в семантике глагола *to line* содержится указание на геометрическую упорядоченность объектов (ср. дефиницию данного глагола: *line – v. to arrange things in lines*).

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что в семантике существительного *a series (of)* присутствует компонент значения, вносящий информацию о существовании некоторого порядка в распределении объектов в рамках множества. Для того чтобы определить характер и особенности такого порядка, был проведен дистрибутивный анализ найденных в BNC словосочетаний с существительным *a series (of)* и на основании этого была выдвинута гипотеза, которая впоследствии нашла свое подтверждение (после проведения эксперимента с информантами).

Как представляется, в семантике существительного *a series (of)* заложена информация о временной последовательности в расположении объектов, то есть объекты следуют один за другим на оси времени. В высказывании *A series of leaflets has been published outlining some of the main issues of the WWF work* / Была опубликована серия листовок, освещающих основные аспекты работы WWF привносится представление о том, что объекты (листочки) связаны между собой отношением временного следования одного объекта за другим (данный признак принадлежит контексту). Приведем еще один пример: в предложении *Critics see it as the latest in a series of recent moves to curb internet freedom* / Критики считают это последней из ряда недавних мер по ограничению свободы в сети интернет вносится информация о наличии ряда мер/шагов, происходящих одно за другим на шкале времени. Прилагательное *the latest: most recent*, употребленное в превосходной степени, привносит представление о существовании других событий/явлений, происходящих ранее события/явления, на которое указывает данное

прилагательное (*the latest – последний*). Таким образом, события происходят в разные моменты времени, следуя одно за другим. В таких контекстах чаще всего и встречается ИГ *a series (of)*. Ср. также *A series of prominent political figures visited Iraq during November / Ряд известных политических деятелей посетили Ирак в ноябре*. В данном высказывании *during November* указывает на период времени, в течение которого происходили события, следовавшие одно за другим. Вместе с тем, высказывание **People of East European capitals held a series of simultaneous rallies on Saturday afternoon / Люди из стран Восточной Европы провели ряд одновременных митингов в субботу днем* информанты оценили как неприемлемое, поскольку ИГ *a series (of)*, вносящая информацию о том, что события/объекты следуют одно за другим, вступает в противоречие с элементом контекста *simultaneous*, вносящем информацию, напротив, об одновременном течении событий или явлений (словарное определение прилагательное *simultaneous: existing, occurring, or operating at the same time*).

Существительное *range* также вносит представление об упорядоченном расположении объектов. Однако характер упорядоченности немного иной, чем в ИГ *a series (of)*. Как показало исследование, в семантике слова *range* также содержится идея шкалы, но не временной (как для *series (of)*), а линейной (числовой). Порядок следования объектов на такой шкале определяется иными логическими правилами. Например, логическими правилами для расположения чисел вдоль числовой прямой являются отношения «больше», «меньше», «равно» ($>$, $<$, $=$). В семантике слова *range* содержится указание на упорядоченное множество объектов, расположенных вдоль некоторой линейной шкалы. Такое множество объектов может быть не только упорядоченным, но и ограниченным, поскольку представление о линейной шкале предполагает возможность выделения диапазона с четко обозначенными границами, в рамках которых расположены объекты. Так, в высказывании *The range of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C / Диапазон температур плавления парафинов составляет от 45°C до*

52°C существительное *range* привносит представление о том, что рассматриваемый диапазон температур является не только упорядоченным, но и ограниченным. Ограниченность на температурной шкале задается с помощью предлогов *from ...to / от...до*.

В ходе исследования было определено, что слово *variety* и другие исследуемые слова, за исключением существительного *range*, не употребляются для обозначения такого упорядоченного ограниченного множества, границы которого четко обозначены. Так, замена существительного *range* на существительное *variety* в вышеприведенном высказывании приводит к появлению предложения, которое было оценено информантами как абсолютно неприемлемое: **The variety of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C*. В качестве еще одного примера можно привести неверное с точки зрения информантов высказывание **It's available in a variety of from 2 inches to 6 inches in diameter / Данный предмет бывает в размере от 2 до 6 дюймов в диаметре*, где предлоги *from...to* также задают идею фрагмента числовой шкалы, что и накладывает определенные ограничения на использование слова *variety* в данном высказывании. Существительные *assortment, set, series (of), selection* также не употребляются в таком контексте, где заложена информация об упорядоченном и четко ограниченном в пределах шкалы множестве, ср.: **The assortment of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C*,

**The set of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C*,

**The series of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C*,

**The selection of melting temperatures for paraffins is from 45°C to 52°C*.

В пользу предложенной интерпретации значения слова *range* как содержащего указание на упорядоченное множество, объекты которого расположены вдоль некоторой шкалы, также свидетельствует характер сочетаемости данного существительного с прилагательными, в семантике которых содержится информация об ограниченности этой шкалы, например, *limited, narrow* (ср. дефиницию слова *limited: confined within limits; restricted or*

circumscribed и словарное толкование прилагательного *narrow*: *limited in extent or space; limited in range or scope*, где элементы *confined within limits, limited* привносят представление о существовании неких пределов и границ, в рамках которых расположены объекты). В таких контекстах использование существительного *range* оказывается вполне допустимым и правильным. Ср. *These theories describe a limited **range** of occurrences* / *Эти теории описывают ограниченное количество вероятностей* или *It is clearly shown within a narrow **range** of geometrical parameters* / *Это ясно показано на узком диапазоне геометрических параметров*. В то же время, при замене существительного *range* на существительное *variety* в данных контекстах информанты оценили полученные высказывания как абсолютно недопустимые, ср. **These theories describe a limited **variety** of occurrences* или **It is clearly shown within a narrow **variety** of geometrical parameters*. Существительное *variety* не употребляется не только для указания на фрагмент числовой шкалы (как мы видели выше), его употребление в словосочетаниях с прилагательными, вносящими информацию об ограниченности расположения объектов в пределах шкалы (*narrow, limited*), также невозможно.

Вместе с тем, существительное *range* употребляется и для обозначения упорядоченного, ограниченного множества, границы которого могут быть и не заданы эксплицитно – такое множество можно назвать «размытым» с точки зрения обозначения его границ. Ср. *Reading schemes have been heavily criticized for a wide **range** of reasons* / *Программы чтения беспощадно критиковались по целому ряду причин*, где прилагательное *wide* вносит информацию о размере множества (объектов), в то же время может создаваться представление о существовании иной геометрии в расположении объектов – не линии, а, например, круга. (Ср. дефиницию данного прилагательного: *wide – of great range or scope; embracing a great number or variety of subjects, cases*, где элементы *great range, great number* вносят информацию о большом количестве объектов). В таком контексте, где границы заданы размыто и в фокусе внимания большое количество объектов, на что указывает определяющее

слово *wide*, замена существительного *range* на слово *variety* представляется вполне приемлемой, и даже предпочтительной, как указывают информанты – *Reading schemes have been heavily criticized for a variety of reasons*. Употребление остальных исследуемых существительных – *set, series (of), selection* – в таком контексте оценивается информантами как абсолютно неприемлемое – **Reading schemes have been heavily criticized for a wide set of reasons*.

Таким образом, существительное *range* вносит информацию об упорядоченном, ограниченном в пределах шкалы множестве, границы которого могут быть обозначены эксплицитно (например, предложениями *from...to*) или могут быть размытыми и указывать на размеры множества (*wide, limited, narrow*). Если фрагмент шкалы задан четко числовыми значениями (*from...to*), или если информация об ограниченности шкалы вводится прилагательными *narrow, limited*, тогда замена на слово *variety* невозможна, поскольку в семантике этого существительного нет представления, во-первых, об упорядоченности множества объектов и, во-вторых, отсутствует идея фрагмента шкалы. И лишь в том случае, когда речь идет о размытом множестве объектов, границы которого существуют, но эксплицитно не заданы (об этом свидетельствует прилагательное *wide*, например), тогда слова *range* и *variety* становятся взаимозаменяемыми.

Исследуемое существительное *assortment* не маркировано по признаку упорядоченности. Так, в предложении *An assortment of flower pots was neatly arranged on the window sill according to their size / Разнообразные цветочные горшки были аккуратно расставлены на подоконнике в соответствии с их размером* существительное *assortment* указывает на упорядоченные объекты в рамках множества. Однако эта информация об упорядоченности принадлежит контексту и привносится глаголом и наречием с семантикой «организованности» и системности: *neatly arranged*.

Слово *assortment* может также употребляться в контексте, где вносится информация о неупорядоченности объектов, составляющих множество: *The*

backcourt was rubbish and in a mess: an assortment of the abandoned furniture and fittings was dragged off and dumped there / Задний двор был захламлен: туда была вытащена и свалена всякая разная мебель, крепези к ней. Таким образом, существительное *assortment* употребляется в контекстах, вносящих информацию как об упорядоченности, так и неупорядоченности объектов, составляющих множество, что позволяет утверждать, что оно не маркировано по этому признаку. Немаркированными по этому признаку являются также существительные *variety, set, selection* (см. примеры выше). В семантике ИГ *series (of), range of* содержится представление об упорядоченном расположении объектов множества в рамках шкалы: временной (для *series (of)*) и линейной (*range of*).

Выводы по Главе III

В данной главе представлены семантические описания существительных *variety, assortment, set, selection, series (of), range*. Анализ позволил установить различия в их семантике, которые могут быть объяснены с учетом вида концептуализации пространства множества, в которое объединены объекты. Как обозначено в данной главе, объекты множества могут представлять собой комплекс, категорию или линейную последовательность.

Под комплексом в данной работе понимается такое пространство множества объектов, количество которых ограничено и которые имеют одну качественную определенность, а также объединены общим функциональным назначением (существительные *set, selection*).

В семантике существительных *assortment, variety* отражено понимание множества объектов как категории. Категория объектов представляет собой пространство множества неограниченного количества объектов, имеющих общий категориальный признак. Под категориальным признаком при этом понимается некий признак или параметр, который позволяет объединить объекты в один класс, ср. класс птиц, бабочек, *variety of birds, assortment of hats*. Как было показано в данной главе, такой подход к категоризации,

базирующийся на классифицировании объектов на основании их общих свойств, является традиционным и был впервые изложен в работах Платона и Аристотеля. В главе III было обосновано, что исследуемые в диссертационной работе существительные *variety*, *assortment* могут представлять свой денотат как категорию объектов. В отличие от существительного *variety*, слово *assortment* может вносить информацию о наличии наблюдателя, который собирает объекты вместе на основании какого-либо субъективного критерия. Кроме того, как было показано на примерах, существительное *variety* используется для номинации объектов, которые отличаются между собой незначительно; в то время как слово *assortment* часто указывает на физические объекты, сильно различающиеся между собой по форме, цвету, размеру и т.д. В главе III был также рассмотрен способ представления пространства множества объектов как последовательности. Такое тип концептуализации объектов предполагает наличие некоторого порядка в их распределении в рамках множества. Под упорядоченностью в данной работе понимается наличие некоторой закономерности в размещении объектов. Так, для ИГ (*a series (of)*) подобная закономерность носит временной характер. Иными словами, в семантической структуре слова *series (of)* содержится информация о временной последовательности в расположении объектов, то есть объекты следуют один за другим на оси времени. Как показало исследование, в семантике существительного *range* также присутствует идея о существовании некоторой закономерности в распределении объектов. Так, слово *range* используется для номинации объектов, которые потенциально могут быть расположены в рамках линейной (или числовой) шкалы. При этом представление о линейной шкале предполагает возможность выделения диапазона с четко обозначенными границами, в рамках которых они расположены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование выполнено в рамках когнитивной парадигмы и посвящено анализу характера концептуализации «разнообразия» в естественном языке.

Практический аспект исследования составил анализ семантики английских существительных *variety, diversity, series (of), range, set, selection, assortment*, репрезентирующих данный концепт в английском языке.

Задача, связанная с выявлением принципов, лежащих в основе когнитивных процессов концептуализации «разнообразия» в естественном языке, имеет прямое отношение к разработке метаязыка описания данного концепта и необходимости точного и исчерпывающего определения метапонятий, используемых при трактовке семантических особенностей исследуемых слов.

В рамках настоящего диссертационного исследования в качестве основных метатерминов используются понятия пространства множества, качественной определенности, понятия категории, комплекса и последовательности.

Пространство множества. В работе рассматриваются традиции понимания пространства с точки зрения его восприятия человеком, а также расположения в нем объекта. В данном диссертационном исследовании обосновывается антропоцентричный подход, который позволяет представить все языковые процессы с точки зрения отношения к ним человека, его восприятия внешнего мира. С точки зрения размещения в нем объектов понятие «пространство» понимается широко и, как неоднократно отмечалось, может относиться и к *непространственным сферам*. Так, понятие «*множество*» может также получать пространственную интерпретацию. На основе сравнения интерпретаций пространства как множества в лингвистике и в точных науках, а также на материале работ О.Н. Селиверстовой, (которая выделила два разных типа множества: состоящее из элементов, которые не

составляют единого целого, то есть не образуют один объект, и состоящее из элементов, образующих единый объект) и О.А. Сулеймановой, (выделившей пять способов представления множеств в естественном языке) обосновано применение в данной работе термина «множество» по отношению к такому типу пространств, когда образующие его элементы четко в нем вычленимы, то есть составляют дискретное множество некоторых объектов, объединенных общим релевантным свойством. Подробно описан принцип организации пространства множества в естественном языке – принцип релевантности.

Качественная определенность. Под *качественной определенностью* в работе понимается наличие у объектов некоторого общего категориального признака, которое позволяет отнести эти объекты к одному классу.

Категория и комплекс. В диссертационном исследовании подробно рассматриваются понятия категории и категоризации. В работе принят когнитивный подход к категориям, в рамках которого все специфические человеческие особенности восприятия и способы использования механизмов воображения играют важную роль в процессе категоризации – создания категорий с целью осмысления человеческого опыта (Дж. Лакофф, Э. Рош). Для различных народов и языков способы категоризации различны, но они неразрывно связаны с теми, кто эту категоризацию осуществляет, то есть категории не обезличены и абстрактны, а наоборот представляют собой отражение опыта и особенностей восприятия групп лиц. При этом Л.С. Выготский, описывая способы мышления примитивного человека, использует в качестве группового имени (называющего группу предметов) термин *комплекс* и подразумевает мыслительную операцию, поскольку данный термин служит для классификации и объединения отдельных предметов в совокупность (Выготский, Лурия 1993, 103). Основанием для объединения в совокупность может быть что-то, зависимое от образа мышления и способов восприятия группы лиц. Таким основанием в данном случае является наличие общей функции. Так, в данной работе понятие *комплекс* используется для обозначения множества объектов одной качественной определенности,

объединенных функционально. Под функциональностью при этом понимается соответствие состава объектов множества определенной общей цели и назначению.

Категория объектов представляет собой пространство множества неограниченного количества объектов, имеющих общий категориальный признак. Под категориальным признаком при этом понимается некий признак или параметр, который позволяет объединить объекты в один класс. Такой традиционный подход к категоризации основывается на классифицировании объектов на основании их общих свойств (впервые обозначен в работах Платона и Аристотеля).

Последовательность. Еще один метатермин *последовательность*, как способ представления множества объектов, предполагает наличие некоторой закономерности в размещении объектов. Характер такой закономерности может быть линейным или временным: объекты концептуализируются как расположенные на числовой шкале или на оси времени, следуя один за другим.

Важным для проведения данного диссертационного исследования явилось обоснование методологического подхода к экспериментальной части работы. Когнитивная исследовательская процедура построена на основе компонентного, дистрибутивного и других видов анализа в соединении с гипотетико-дедуктивным методом, основу которого составляет эксперимент.

Процедура применения гипотетико-дедуктивного анализа была уточнена, и разработан свой собственный алгоритм, состоящий из 8 шагов – все этапы исследования получили детализированное описание на материале настоящего исследования. В настоящем исследовании, с целью выдвижения первоначальной гипотезы, использовались также статистические методы, например, вычисление меры неслучайности совместной встречаемости исследуемых слов с другими единицами языка посредством обработки текстов корпусов программой Sketch Engine. Впервые в лингвистическом эксперименте применялся и специально разработанный исследователем метод

направленной проверки сочетаемости исследуемых слов в поисковой системе Google. Данный метод позволил снизить субъективность результатов, полученных при дистрибутивном анализе массива текстов корпусов.

Использование гипотетико-дедуктивного метода обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования, а именно: отвечающую задачам исследования формулировку гипотез, их экспериментальную верификацию, анализ полученных результатов и их обобщение.

В рамках исследования было получено исчерпывающее описание исследуемых слов *variety*, *diversity*, *series (of)*, *range*, *set*, *selection*, *assortment*, репрезентирующих концепт «разнообразии» в английском языке.

Существительное *set* вносит информацию о том, что все объекты, для номинации которых оно используется, представлены как обладающие одной качественной определенностью и образующие пространство множества, их количество ограничено десятью и немного более, они объединены функциональным назначением. Наличие в значении исследуемого слова данных признаков, (среди которых ключевым является общность функции объектов) позволяет концептуализировать такое множество как комплекс.

Существительное *selection* также используется для номинации комплекса объектов. В его семантике, помимо вышеперечисленных признаков (см. слово *set*), содержится информация о наличии фигуры наблюдателя, осуществляющего отбор на основе своих субъективных критериев.

Существительное *assortment* в своем значении содержит три признака, позволяющие концептуализировать номинируемое им множество объектов как категорию. Во-первых, все объекты представляют собой пространство множества. Во-вторых, они объединены общим категориальным признаком (при этом могут значительно отличаться между собой) и могут быть объединены общим критерием, на основании которого они собраны в множество. В-третьих, их количество не ограничено.

Слово *variety* указывает на множество объектов, имеющих одну качественную определенность и различающихся между собой незначительно; такое множество объектов концептуализируется как категория.

В семантике слова *range* содержится указание на упорядоченное множество объектов, расположенных вдоль некоторой линейной шкалы. Такое множество объектов может быть не только упорядоченным, но и ограниченным, поскольку представление о линейной шкале предполагает возможность выделения диапазона с четко обозначенными границами, в рамках которых расположены объекты.

Существительное *a series (of)* также вносит информацию об упорядоченном множестве объектов, а именно временной последовательности в их расположении, то есть объекты следуют один за другим на оси времени.

Существительное *diversity* указывает на множество объектов, имеющих разную качественную определенность и значительно различающихся между собой; такое множество объектов представляет собой принципиально иное образование, которое нельзя концептуализировать ни как комплекс, ни как категорию, ни как последовательность.

В качестве перспективы дальнейшего исследования мы видим исследование семантики существительных, репрезентирующих исследуемый концепт в других языках. Подобное исследование позволило бы выявить общие и отличительные особенности концептуализации «разнообразия» в естественном языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Е.Н. Репрезентация концепта «Неопределенное множество» именами существительными в современном английском языке [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. / БГУЭП. / Е.Н. Алексеева. – Иркутск, 2003. – 143 с.
2. Алиева Б.М. Гендерно-обусловленные структурные аспекты стратегии речевого поведения в лакском и английском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / Б.М. Алиева. – Махачкала, 2009. – 27 с.
3. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
4. Анохина С.З. Когнитивное исследование объектов в процессе зрительного восприятия (на материале разноструктурных языков) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / С.З. Анохина. – Уфа, 2011. – 21 с.
5. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
7. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах [Текст] / Ю.Д. Апресян // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Т. 53. – 1994. – № 4. – С. 27-40.
8. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика [Текст]: Избранные труды в 2 т. Том 1. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995-1. – 472 с.
9. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995-2. – 767 с.

10. Аристотель Сочинения: в 4 т. Том 1 [Текст] / Аристотель – М.: Мысль, 1976. – 549 с.
11. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания, 1987, № 3. – С. 46-51.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Бабушкина О.Н. Оценочная категоризация профессиональной деятельности средствами фразеологии [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. Н. Бабушкина. – Челябинск, 2010. – 25 с.
14. Белайчук О.С. Гипотетико-дедуктивный метод для описания семантики глаголов отрицания (пошаговое описание методики, применяемой для решения конкретной исследовательской задачи) [Текст] / О.С. Белайчук // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: Сборник статей. Вып 2. / Сост. О.А. Сулейманова и Н.Л. Огуречникова. — М.: МГПУ, 2004. — С. 158-176.
15. Белайчук О.С. Типологически релевантные особенности концепта отказа/отрицания и контрастивный анализ семантики глаголов отказа/отрицания в английском и шведском языках [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / О.С. Белайчук. – Москва, 2004. – 311 с.
16. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания [Текст] / Э.Г. Бендикс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. — С. 75-107.
17. Богуславская О.Ю. Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных [Текст] / О.Ю. Богуславская //Логический анализ языка. Языки пространств: под ред. Н.Д. Арутюновой и И.Б. Левонтиной. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 20-29.
18. Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртене // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 389 с.

19. Бондарева Т.Э. Диахрония категории определённости/неопределённости: на материале русского языка и языков разных систем [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Э. Бондарева. – Ростов-на-Дону, 2011. – 22 с.
20. Бубырева Ж.А. Когнитивные основы номинаций осязательного восприятия (на материале русского, французского, английского языков) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ж.А. Бубырева. – Белгород, 2011. – 23 с.
21. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв - М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
22. Буторина Е.П. Категория официальности в современном русском языке [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Е.П. Буторина. – М., 2016. – 406 с.
23. Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы»: Введение [Текст] / А. Вежбицкая // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 225-252.
24. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
25. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок [Текст] / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
26. Гак В.Г. Языковые преобразования: монография [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
27. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук [Текст] / Г.В.Ф. Гегель // Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
28. Гиро-Вебер М. О синтаксической природе конструкций типа: В комнате пахнет яблоками [Текст] / М. Гиро-Вебер – Russian linguistics, 1979. №4. – С. 291-301.
29. Губанова Л.Г. Адъективная репрезентация категории «качество»: на материале английского и русского языков [Текст]: автореферат дис. ...

кандидата филологических наук: 10.02.19 / Л.Г. Губанова. – Майкоп, 2011. – 25 с.

30. Гучепшокова С.А. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты (на материале русского, адыгского, английского и французского языков) [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. А. Гучепшокова. – Майкоп, 2011. – 29 с.

31. Дукальская И. В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода "артефакты" [Текст]: дис..канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Дукальская – Самара, 2009. – 171 с.

32. Дирр А.М. О классах (родах) в кавказских языках [Текст] / А.М. Дирр // СМОМПК (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа). – Вып. 37, отд. III. – Тифлис, 1907. – С. 91-102.

33. Евтеева М.Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением делать в естественном языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Ю. Евтеева. – М., 2014. – 293 с.

34. Елисеева О.А. Концептуализация тактильных ощущений, связанных с восприятием поверхности объекта [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Елисеева. – М., 2015. – 240 с.

35. Жуйкова Е.В. Языковая репрезентация категории качества в грамматике прилагательного: структура, семантика, прагматика [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Жуйкова Е.В. – Ижевск, 2010. – 23 с.

36. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния [Текст] / А.А. Зализняк. – Мюнхен: Ферлаг Отто Загнер, 1992. – 201 с.

37. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий [Текст] / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 10-18.

38. Иванова А.М. Проблема концептуализации ментальных процессов, связанных с «выделением / подчеркиванием» в естественном языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.М. Иванова. – М., 2011. – 194 с.
39. Ильчук Е. В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) [Текст] / Е. В. Ильчук. – М.: Прометей, 2004. – 263 с.
40. Ильчук Е.В. Представление когнитивных процессов в семантике английских глаголов [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В.Ильчук. — М., 2005. — 468 с.
41. Калмыков А.А. Экологическая психология. Модели, концепции, схемы: курс лекций [Текст] / А.А. Калмыков, А.В. Калмыкова – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 154 с.
42. Кант И. Сочинения: в 6 т. Том 3 [Текст] / И. Кант – М.: Мысль, 1963. – 543 с.
43. Кантор Г. Труды по теории множеств [Текст] / Г. Кантор – М.: Наука, 1985. – 429 с.
44. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) [Текст] / А.Е. Кибрик // Язык и человек. – М.: МГУ, 1970. – С. 110-156.
45. Кимов Р.С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков) [Текст]: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Р.С. Кимов. – Нальчик, 2010. – 52 с.
46. Кодзасов С.В. Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) [Текст] / С.В. Кодзасов // Логический анализ языка. Языки пространств: под ред. Н.Д. Арутюновой и И.Б. Левонтиной. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 227-238.
47. Козлова Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета (на материале фразеологизмов с колоративами green/зеленый) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Н. Козлова. – Иркутск, 2010. – 16 с.

48. Кольцова О.В. Лингвокогнитивный анализ лексико-семантических групп (на материале ЛСГ «возвышенности» в русском и немецком языках) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Кольцова. – Саратов, 2011. – 23 с.
49. Котова Ю.А. Концептуализация огня в языковой картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.А. Котова. – М., 2010. – 239 с.
50. Кронгауз 1998: М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика [Текст] / М.А. Кронгауз. - М.: Языки русской культуры, 1998. – 286 с.
51. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука 20 века. – М.: ИЯ РАН, 1995. – С. 144 -238.
52. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Ч. 1. – Тамбов, 1999. – С. 6–13.
53. Кубрякова Е.С. О понятии места, предмета и пространства. Способы языковой объективации пространства [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространства. – М.: Наука, 2000. – С. 84–92.
54. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
55. Кумахова Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира: на материале кабардино-черкесского и русского языков [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.Б. Кумахова. – Нальчик, 2011. – 22 с.
56. Лабов У. Структура денотативных значений [Текст] / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 133–176.

57. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст]: пер. с англ. И.Б. Шатуновского / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
58. Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента [Текст] / Дж. Лич // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. — М.: Прогресс, 1983. — С. 108–132.
59. Лось А.Л. Концептуализация светлого в языковой картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Л. Лось. – М., 2009. – 262 с.
60. Лукошус О.Г. Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением «настоящий» [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Г. Лукошус. – М.: 2015. – 203 с.
61. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Р. Лурия – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
62. Лягушкина Н.В. Семантические представления, релевантные для описания значения ряда пространственных предлогов и наречий [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Лягушкина. – М., 2002. – 205 с.
63. Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика пространственных предлогов и наречий [Текст] / Т.Н. Маляр // Сб. научн. трудов МГЛУ. Вып. 427. – М.: 1994. – С. 62–76.
64. Маляр Т.Н. О метафоризации пространственных отношений [Текст] / Т.Н. Маляр // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы. – М.: РГГУ, 2001. – С. 75 – 88.
65. Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Маляр. — М., 2002. — 451 с.
66. Мкртычова Г.А. Слова категории состояния: аналитизм категоризации и грамматикализации: на материале русского и английского языков [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г.А. Мкртычова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 21 с.

67. Муркелинский Г.Б. Классы и классные показатели в лакском языке [Текст] / Г.Б. Муркелинский // Труды второй научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР (7-12 февраля 1949 года). Махачкала, 1949. – С. 148-160.
68. Никитина И.П. Пространство мира и пространство искусства [Текст] / И.П. Никитина - М.: РГГУ, 2001. – 210 с.
69. Овешкова А.Н. Сопоставительное исследование функционально-семантического поля определенности / неопределенности в афроамериканском и британском вариантах английского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Н. Овешкова. – Екатеринбург, 2007. – 183 с.
70. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
71. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие»: на материале глаголов восприятия в русском языке) [Текст] / Е.В. Падучева // ВЯ. – 2001. – №4. – С. 23-44.
72. Парфенова Г.А. Семантические представления, релевантные для описания концепта начинать/начинаться [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Г.А. Парфенова. – М., 2009. – 269 с.
73. Пинкер С. Язык как инстинкт [Текст]: Пер. с англ./ Общ. ред. В.Д. Мазо / С. Пинкер. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 456 с.
74. Платон Сочинения в 4-х томах. Т.1 [Текст]: Пер. с древнегреч. / Платон. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, «Изд-во Олега Обышко», 2006. – 632 с.
75. Подлесова О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английских имен эмоциональных состояний) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.А. Парфенова. – Самара, 2009. – 180 с.
76. Попова Е.В. Формирование и развитие значение неопределенного множества у имен существительных в современном русском языке [Текст]:

автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Попова. – Таганрог, 1996. – 25 с.

77. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

78. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 314 с.

79. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007. – 250 с.

80. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.

81. Пупынин Ю. А. Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. Т.1 [Текст] / Ю.А. Пупынин. – СПб.: Наука, 1992. – С.141-167.

82. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы [Текст] / Б. Рассел; пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 264 с.

83. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3-15.

84. Руденко Д.И. Понятие «класс» и модальность «оценки» в семантике [Текст] / Д. И. Руденко // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1983. – Т. 42. – № 2. – С. 151-162.

85. Румянцева А. В. Комплексный анализ способов выражения множеств лиц в современном русском языке [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Румянцева. – Москва, 2009. – 27 с.

86. Селиверстова О.Н. Значение слова и информация [Текст] / О.Н. Селиверстова // Проблемы речевой деятельности. – М.: Наука, 1968. – С. 130-153.

87. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
88. Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности её описания [Текст] / О.Н. Селиверстова // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 119-146.
89. Селиверстова О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке [Текст] / О. Н. Селиверстова // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 5-67.
90. Селиверстова О.Н. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация [Текст] / О.Н. Селиверстова // Гипотеза в современной лингвистике. - М.: Наука, 1980. С. 262 - 319.
91. Селиверстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса [Текст] / О.Н. Селиверстова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.43. – М.,1983. – С. 142 -150.
92. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1988. – 151 с.
93. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога *на* [Текст] / О.Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. — М.: Русские словари, 2000. — С.189-242.
94. Селиверстова О.Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение [Текст] / О.Н. Селиверстова // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 293-307.
95. Селиверстова О.Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
96. Семенова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров [Текст] / С.Ю. Семенова // Логический анализ языка. Языки пространств: под ред. Н.Д. Арутюновой и И.Б.Левонтиной. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 117-126.

97. Стебелькова Н.А. Особенности представления пространства во фразеологическом образе [Текст] / Н.А. Стебелькова // Вестник МГЛУ. Выпуск 627. – М.: МГЛУ, 2011. – С. 82–93.
98. Степанов Ю.С. Основы языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Высшая школа, 1974. — 303 с.
99. Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ [Текст] / М.Д. Степанова. –М.: МГПИИЯ, 1973. – 110 с.
100. Стернин И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике [Текст] / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психоллингвистика. Выпуск 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 8-17.
101. Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: защищена в Институте языкознания АН СССР, 27.01.1987 / О.А. Сулейманова. – М., 1985. – 188 с.
102. Сулейманова О.А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике [Текст] / О.А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. — С. 142-150.
103. Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике [Текст] / О.А. Сулейманова, О.Н. Селиверстова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 431-443.
104. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: семантика безличных предложений [Текст]: монография / О.А. Сулейманова. - М.: Диалог-МГУ, 1999. – 222 с.
105. Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты [Текст]: дис. ... доктора. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / О.А. Сулейманова. – М., 2000. – 332 с.

106. Сулейманова О.А., Фомина М.А. Принципы и методы семантических исследований [Текст]: учебно-методическое пособие / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина. — М.: МГПУ, 2010. — 120 с.

107. Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra [Текст] / О. А. Сулейманова // Вестник МГПУ. Журнал Московского городского педагогического университета. – М.: МГПУ, 2013. – № 2(12). – С. 60-68.

108. Сулейманова О.А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений [Текст] / О. А. Сулейманова // Вестник Западно-Казахстанского университета имени М. Утемисова. Серия: «Педагогика. Филология. История». – Уральск, 2013. – № 4(52). – С. 162-169.

109. Сулейманова О.А. Значение языкового знака как лингвистическая константа [Текст] / О.А. Сулейманова, О.Г. Лукошус // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 2. – Красноярск, 2015. – С. 78–83.

110. Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике [Текст] / О. А. Сулейманова, О.Н. Селиверстова // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность. Сборник статей в честь О.А. Сулеймановой. – М.: Флинта: Наука, 2016. – С. 19-43.

111. Тармаева В.И. Когнитивная гармония как механизм интерпретации текста [Текст]: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / В.И. Тармаева. – Кемерово, 2011. – 47 с.

112. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке [Текст] / А. Тимберлейк // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 15.– С. 261-285.

113. Топоров В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

114. Тошович Б. Глаголы каузации положения в пространстве [Текст] / Б. Тошович // Логический анализ языка. Языки пространств: под ред. Н.Д. Арутюновой и И.Б. Левонтиной. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 163-178.
115. Умберто Эко Сказать почти то же самое [Текст]: пер. с итальянского и прочих А. Коваля / Умберто Эко – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
116. Урысон Е.В. Русский союз и частица *и*: структура значения [Текст] / Е.В. Урысон. – В.Я., №3. – М.: Наука, 2000. – С. 97 -121.
117. Усонене А.М. Семантика предикатов с глаголами типа *see* и *look* [Текст]: автореферат дис. ...канд. филол. наук / А.М. Усонене. – М, 1983. – 27 с.
118. Федяева Е.В. Концепт НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО и его языковая репрезентация [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Федяева. – Барнаул, 2009. – 200 с.
119. Фомина М.А. Концептуализация «пустого» в языковой картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Фомина. – М., 2009 – 217 с.
120. Фрумкина Р.М. Психолингвистика [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М., 2001. – 320 с.
121. Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества [Текст] / А.А. Холодович // Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – С. 173-195.
122. Чеснокова Л.Д. Категория количества и ее выражение в современном русском языке [Текст] / Л.Д. Чеснокова – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. – 178 с.
123. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование [Текст] / Т.Д. Шабанова. — Уфа: «Восточный университет», 1998. — 198 с.

124. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика [Текст] / И.Б. Шатуновский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.
125. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — М.: Наука, 1974. — С. 24-39.
126. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
127. Bendix E.H. Componential Analysis of General Vocabulary: The Semantic Structure of a Set of Verbs in English, Hindi and Japanese [Text] / E.H. Bendix. — Bloomington: Indiana University Press, 1966. — 190 p.
128. Bolinger Dw. L. Meaning and Form [Text] / Dw. L. Bolinger. – L., N.Y.: Longman, 1977. – 238 p.
129. Bolinger D, Sears D.A. Aspects of Language [Text] / D. Bolinger, D.A. Sears. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich 1981. – 352 p.
130. Goddard C. Cross-Linguistic Semantics [Text] / C. Goddard. — Portland: Book News Inc., 2008. — 356 p.
131. Cienki A. Frames, Idealized Cognitive Models, and Domains [Text] / A. Cienki // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. — New York: Oxford University Press Inc., 2007. — P. 170-187.
132. Clark E.V. Locations. A study of the relations between ‘existential’, ‘locative’ and ‘possessive’ constructions. – Working papers of language universals. Stratford, 1970, № 3 – P. 85-126.
133. Clark H.H. Space, Time, Semantics and Children Language. // Cognitive Development and the Acquisition of Language [Text] / H.H. Clark. – N.Y.: Academic Press, 1973. – P. 27-63.
134. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language [Text] / G. Fauconnier. — Cambridge: MIT Press, 1985. — 190 p.

135. Freed A. F. The Semantics of English Aspectual Complementation [Text] / A. F. Freed // Synthese Language Library. – Vol. 8. – Dordrecht: Reidel. University of Pennsylvania doctoral dissertation, 1979. – 172 p.
136. Fillmore Ch. Toward a Modern Theory of Case [Text] / Ch. Fillmore // Ohio State University Project on Linguistic Analysis, 1966. Vol. 13. — Ohio, 1968. — P. 1-24.
137. Hawkins J. Definiteness and indefiniteness. A study in reference and grammaticality prediction [Text] / J. Hawkins. – London: Croom Helm, 1978. – 316 p.
138. Jackendoff R. Semantic Structures [Text] / R. Jackendoff // Current Studies in Linguistics. N.18. – Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 1993. – 322 p.
139. Jespersen O. The philosophy of grammar [Text] / O. Jespersen. – London: George Allen & Unwin, 1951. – 359 p.
140. Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason [Text] / M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 272 p.
141. Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar [Text] / R. Langacker. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
142. Langacker R.W. An Overview of Cognitive Grammar [Text] / R.W. Langacker // B. Rudzka-Ostyn (ed). Topics in Cognitive Linguistics. – John Benjamins, 1988. – 435 p.
143. Leech G. N. Word Frequencies in Written and Spoken English: Based on the British National Corpus [Text] / G. N. Leech, P. Rayson, A. Wilson. – L.: Longman, 2001. – 320 p.
144. Lewis D. General Semantics [Text] / D. Lewis // Semantics of Natural Language. – Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1972. – P. 169-213.
145. Lyons J. Linguistic Semantics: Cambridge Approaches to Linguistics [Text] / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 396 p.

146. Neisser U. Multiple Systems: A New Approach to Cognitive Theory [Text] / U. Neisser // The European Journal of Cognitive Psychology. – Vol. 6. – 1994. – № 3. – P. 225-241.
147. Priestley J.B. Angel Pavement [Text] / J.B. Priestley – Moscow: Progress Publishers, 1974. – 504 p.
148. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy [Text] // Metonymy in Language and Thought / edited by Klaus-Uwe Panther, Gunter Radden. – University of Hamburg, 1999. – P. 17-59.
149. Rosch E. Cognitive representation of semantic categories [Text] / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. — 1975. —Vol. 104. — P. 192-233.
150. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition [Text] / L.Talmy // Topics in Cognitive Linguistics / Brygida Rudzka-Ostyn (ed.). - University of Leuven, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – P. 165-205.
151. Vandeloise C. Complex Primitives in Language Acquisition [Text] / C. Vandeloise // Belgian Journal of Linguistics. №2 – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P.11 -35.
152. Vendler Z. Linguistics in Philosophy [Text] / Z. Vendler. – N.Y. : Cornell University Press, 1967. – 218 p.
153. Wierzbicka A. Lingua mentalis [Text] / A. Wierzbicka. – Sydney etc.: Acad. Press, 1980. – 250 p.
154. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary [Text] / A. Wierzbicka. - Sydney, Australia: Academic Press, 1987. – 397 p.
155. Wilson, D., & Sperber, D. Relevance theory [Text] / D. Wilson, D. Sperber // In L. Horn & G. Ward (eds.), The Handbook of Pragmatics. – Oxford: Blackwell, 2004. – P.607-632.

Список использованных словарей и сокращений

1. Большая советская энциклопедия (БСЭ) / Гл. ред. А.М. Прохоров, т. 21. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – 640 с.

2. Борисов А.Б. Большой экономический словарь [Текст]. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др.; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет им. М.В. Ломоносова, 1997. — 212 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: «Советская энциклопедия», 1990. — 685 с.
5. Новейший философский словарь (НФС) / А.А. Грицанов. 3-е изд., исправл. — М.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
6. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
7. Философский словарь / А.И. Абрамов и др.; под ред. И.Т. Фролова. — М.: Республика, 2001. — 719 с.
8. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС) / Словарь современного английского языка [Текст]: в 2-х т. — М.: Рус.яз., 1992. Т.1 А- L 626 с. Т. 2 М – Z 1229 с.
9. Concise Oxford Thesaurus (COT) — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 992 p.

Интернет-ресурсы

1. Британский национальный корпус текстов British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
2. Корпус современного американского английского языка Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://corpus.byu.edu/coca>.
3. Программа обработки корпусов текстов Sketch Engine [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://www.sketchengine.co.uk/>.
4. Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева (ТСД) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://enc-dic.com/dmytriev/>.

5. Корпус Брауна Brown Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.edict.com.hk/lexiconindex>.